

М. А. ЗАБОРОВ

Крестом и мечом

М. А. ЗАБОРОВ

Крестом и мечом

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1979

Художник В. Н. Иванов

Заборов М. А.

3-12 Крестом и мечом.— М.: Сов. Россия, 1979.—
240 с., ил.

Ставя перед собой задачу решения вопросов научно-атеистической пропаганды на историческом материале, автор делает основной акцент на разъяснении сущности крестовых походов как религиозных войн, на выяснении их действительной социально-политической подоплеку, антигуманной роли политики католической церкви.

Автор ряда солидных исследований по историографии крестовых походов М. А. Заборов в этой своей работе широко использует подлинные документы эпохи.

З 10509—053 44—79 0400000000
М-105(03)79

2

Перед правдой истории

Серьезный исследователь, изучающий современную общественно-политическую жизнь, анализирующий идеологическую борьбу, которая происходит на мировой арене, не может не обращаться и к давно пройденным этапам истории. Настоящее и прошлое неразрывно связаны друг с другом. Обществовед, черпающий информацию в источниках современной истории, например, в периодической печати, нередко вынужден погружаться и в седую старину, вчитываться в хроники и анналы, написанные некогда монахами и грамотеями-рыцарями. Ибо подобно тому, как знание современности позволяет лучше высветить «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», так и, наоборот, настоящее, живыми участниками, свидетелями и современниками которого все мы являемся, понимается яснее при свете минувшего. В. И. Ленин считал, что «самое надежное в вопросе общественной науки... это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь». Поразительно глубокая мысль, находящая массу подтверждений в современной действительности!

Так, невольно обращает на себя внимание примечательная особенность многих статей и других материалов многоликой ежедневной прессы, посвященных проблемам мировой политики: эти материалы насыщены историческими реминисценциями, сопоставлениями, параллелями, понятиями, терминами. Авторы сплошь да рядом употребляют — иногда в прямом смысле, иногда метафориче-

ски — слова и выражения, давно ставшие достоянием учебников истории, энциклопедических справочников.

К числу чаще всего встречающихся в статьях и заметках на сугубо современные политические темы, притом в самом различном контексте, принадлежат такие словосочетания и выражения, как «крестовый поход» и «крестоносцы». В одном случае речь идет о «крестовом походе НАТО в Африке», в другом — о крестовом походе американских «ястребов» против коммунизма, в третьем — об «альянсе крестоносцев», под каковыми имеются в виду блокирующиеся между собой западногерманские реваншисты и южноафриканские расисты, в четвертом — о «крестовом походе против марксизма-ленинизма», объявленном буржуазной пропагандой вкупе с ревизионистами. Казалось бы, чисто исторические категории «крестовый поход», «крестоносцы» сегодня переосмысляются, наполняются новым, современным содержанием, далеким от вспоившего их собственно исторического источника.

А каково изначальное значение такого рода понятий? Отчего выражения и слова, несомненно берущие свои истоки в средневековой истории христианской церкви, вошли ныне в актуальный политический лексикон, в язык пропагандистской литературы? Каким образом соотносится в них позиция человека нашего времени в вопросах религии и политики с воззрениями и практикой прошедших эпох?

Все это вопросы вовсе не праздные и не абстрактные, какими они поначалу могли бы показаться. Ответить на них важно не только для того, чтобы удовлетворить чью-то любознательность. Задача состоит в ином: обратившись к истории, помочь преодолению религиозных предрассудков, все еще сохраняющихся в сознании некоторой части людей, и на необходимость борьбы с которыми указывает-

ся в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

В самом деле, перенесемся мысленно к давно забытому...

...Огромный полуразрушенный город. На улицах — битая черепица, осколки посуды, разбросанный домашний скраб. В кострах догорают разорванные листы старинных рукописей. Сброшены с пьедесталов и разбиты прекрасные статуи. На площадях — обломки мраморных колонн... И надо всем этим — вздымающиеся языки пламени. Город — в огне пожарищ. Горят дома, купеческие склады, церкви. Повсюду слышатся крики, стоны, плач. Льется кровь... А среди дымного чада рыскают воины в круглых железных шлемах, с нашитыми на кафтаны матерчатыми крестами. Обезумев от жадности, с мечами, копьями, секирами в руках они вламываются во дворцы и храмы, врываются в дома, хватают все, что кажется им скольнибудь ценным. Не отстают от воинов и священники, спешащие набить широкие карманы сутан церковной утварью, «мощами» святых, обдирающие позолоту с икон...

Происходило это в апрельский день 1204 года в столице Византийской империи — Константинополе, ставшем жертвой нашествия многотысячной банды рыцарей-крестоносцев.

Не впервые доводилось им грабить и разрушать, уничтожать и убивать в заморских землях. Крестовые походы начались еще в конце XI века. Их главными участниками были западноевропейские феодалы, а организатором — папский Рим. Целью крестовых походов объявили защиту христианской религии от якобы угрожавших ей мусульман — тюрок и арабов, спасение священного для христиан города Иерусалима с его «гробом господним» от рук «неверных», или сарацин. Туда-то, на Восток, и устремились рыцарские полчища.

Каким же образом спустя сотню с небольшим лет после провозглашения папами столь «богоугодной» цели крестоносцы подвергли разгрому христианский город — Константинополь? Что вообще представляли собою крестовые походы, составившие целую эпоху во взаимоотношениях Запада и Востока, в том числе во взаимоотношениях двух религий, которые тогда владели там умами и душами? К чему привели кровавые деяния крестоносных войн, осуществлявшиеся в Восточном Средиземноморье на протяжении почти двух столетий? Оказали ли крестовые походы какое-нибудь воздействие на последующие судьбы Западной Европы, Византии, стран Ближнего Востока?

Ответить на все эти и многие другие вопросы, которые неизбежно возникают у каждого, кто хочет глубже ознакомиться с историей религии и церкви, — главная задача нашей книги.

Конечно, крестовые походы — дела давно минувших веков, вместе с которыми они безвозвратно ушли в прошлое. К тому же крестовые походы — только небольшой эпизод в многовековой, полной самых темных и мрачных страниц истории католической церкви. Однако верно и другое: чем больше истины прольет наука даже на отдельные из этих страниц, чем сильнее высветит их, тем более поможет рассеять религиозные предрассудки, все еще определяющие мироощущение некоторых людей. Ведь незнание истории или превратные представления о ней — один из глубоких источников, питающих заблуждения верующих. Хотелось бы, чтобы наш рассказ внес свою лепту в раскрытие подлинного смысла и значения этого эпизода истории, конечно, для тех, кто с ним недостаточно знаком.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как возникли и кому понадобились крестовые походы

Клермонский собор: призыв к войне с «неверными»

В тот на редкость ясный ноябрьский день на обширной равнине, примыкающей с восточной стороны к французскому городу Клермону, толпился люд всякого рода и звания. Много было здесь именитых сеньоров, окруженных оруженосцами, еще больше — простых рыцарей. Кто восседал на коне, кто стоял, опираясь на древко копья. Судя по заношенным кафтанам иных воинов и жалким выцветшим попонам, едва скрывавшим тощие бока лошадей, рыцари эти не принадлежали к числу богатых, хотя кое-кто из них мог похвастаться знатностью. О ней свидетельствовали старинные причудливые гербы на щитах, флажках и лентах, прикрепленных к наконечникам копий.

Там и сям чернели сутаны священников, выделялись клобуки монахов.

Более всего, однако, собралось крестьян из окрестных мест. Они поражали худобой — кожа да кости. Их обросшие бородами лица были бледны и морщинисты. Оде-

ты были пахари в посконные или шерстяные рубахи, в широкие, сшитые из шкур штаны, обуты — в толстые башмаки из свиной кожи на деревянной подошве.

Тут же, на пожухлой осенней траве, сидели, скрестив ноги, или, гримасничая, передвигались на карачках юродивые — грязные, оборванные. Один все время что-то тихо бормотал, другой, засучив рукав левой руки чуть ли не до плеча, правой мерно размахивал маленьким медным крестиком на бечевке; время от времени с его уст слетали какие-то исступленные, но тоже невнятные слова и целые фразы...

Что же привело эти тысячи людей в Клермон?

Не свадьбу праздновать, не пир,
Не на воинственный турнир
Блеснуть оружием и конями
В Клермон нагорный притекли
Богатыри со всей земли.
Что луг, усеянный цветами,
Вся площадь, полная гостей,
Вздыхалась массою людей,
Как перекатными волнами.
Луч солнца ярко озарял
Знамена, шарфы, перья, ризы,
Гербы, и ленты, и девизы,
Лазурь, и пурпур, и металл.

В таких звучных стихах столетья спустя воспел яркое зрелище, которое являла Клермонская равнина, поэт Аполлон Майков. Его воображению рисовались прежде всего рыцари, «богатыри со всей земли», собравшиеся в Клермон:

В узорных латах итальянцы,
Тяжелый шваб и рыжий бритт.
И галл, отважный сибарит,
И в шлемах с перьями испанцы...
Здесь строй норманнов удалых,
Как в масках, в шлемах пудовых
С своей тяжелой алебардой.

Поэтическая фантазия автора этих изящных строф не вполне соответствовала прозаической действительности: рыцари были французскими, а главную массу тех, кто сошлись сюда с раннего утра 26 ноября 1095 года, составляли простые селяне — хлебопашцы и виноградари. И совсем не роскошь обращала на себя внимание в этой пестрой толпе.

Уже давно ползли слухи, будто сам римский папа Урбан II (а он был француз по рождению) собирается выступить перед народом. Папа находился во Франции больше трех месяцев. Как раз за день до сборища, о котором наш рассказ, в самом вместительном клермонском храме закончились совещания высших церковных сановников, съехавшихся со всего королевства, — больше трехсот архиепископов, епископов, аббатов. Папа действительно участвовал в этом соборе французского духовенства, продолжавшемся целую неделю.

Увидеть и услышать папу римского — человека, которого богобоязненные люди на Западе считали земным наместником всевышнего, — такая возможность выдавалась не часто. Лишь исключительно важные обстоятельства могли заставить его святейшество покинуть свою резиденцию в Италии и перебраться через высокие Альпы. И уже одно то, что глава католической церкви собственной персоной пожаловал в Клермон, само по себе граничило с чудом. Разве можно было пропустить такое событие? Толпа прибывала. Нетерпение ее усиливалось. Над полем стоял гул. Он нарастал все больше. Вдруг народ заволновался, загудел. Вот все разом, будто по приказу, скинули с голов шапки, сняли шлемы. Многие бросились на колени.

Из раскрытых городских ворот (на том месте, где теперь находится названная в честь автора «Марсельезы» площадь Делиля) показалась торжественная процессия.

Впереди — полный пожилой человек среднего роста, в белой парчовой одежде, изукрашенной златоткаными крестиками, в высоком, сверкавшем драгоценными камнями головном уборе, увенчанном крестом. Это папа Урбан II. За ним — многочисленная свита участников Клермонского собора, разодетая в фиолетовое, малиновое и черное.

Папа взобрался — его поддерживали под локти два кардинала — на дощатый помост, сооруженный еще накануне. А чтобы его лучше было слышно и видно, встал на свой трон. Мановением руки Урбан II потребовал тишины. Когда шум голосов смолк, он обратился к толпе с большой и, как сообщают очевидцы, искусной речью. Речь папы в доподлинном ее виде осталась неизвестной потомству. Средневековые летописцы (хронисты), рассказывающие о событиях этого дня, передают ее по-разному — ведь только некоторые из них, как, например, монах Роберт из французского города Реймса, слышали ее сами. Тем не менее общий смысл речи Урбана II излагается примерно одинаково, а кое-что в передаче различных хронистов совпадает почти дословно.

Папа призвал всех верующих христиан опоясаться мечом и двинуться в далекие заморские страны на войну против мусульман. По словам Урбана II, «персидское племя турок» не только вторглось в пределы Романии (Византии) и обрушилось на ее жителей, христиан по вероисповеданию, но и завладело священным градом Иерусалимом. В руки «неверных» попали гроб господень и другие святыни. Турки предают их всяческому поруганию: они превращают храмы в хлевы для скота, «опрокидывают алтари, оскверняя их своими испражнениями», «топчут ногами предназначенные для богослужения сосуды», нанеся побой и оскорбления духовенству. Этого нельзя более терпеть. Необходимо как можно скорее отобрать у «неверных» Святую землю (так называли Пале-

стину, где, по евангельским преданиям, родился, жил, проповедовал и был распят основатель христианства — Иисус Христос). Пусть христиане вступят в бой с басурманами, а в знак того, что они воюют за правую веру, нашьют себе на одежду кресты из красной материи.

Обращаясь главным образом к рыцарям, папа добавил: «Земля эта, которую вы населяете, сдавлена отовсюду морем и горными хребтами, она стеснена вашей многочисленностью, обилием же богатств не преизбыточествует и едва прокармливает тех, кто ее обрабатывает. Отсюда происходит то, что вы друг друга кусаете и пожираете, ведете войны и наносите друг другу множество смертельных ран. Пусть же прекратится вапа ненависть, пусть смолкнет вражда, утихнут войны и заснут всяческие распри и раздоры. Становитесь на стезю святого гроба (принятое в те времена название пути, которым паломники шли в Иерусалим; другое название — «стезя господня». — *М. З.*), исторгните землю эту у нечестивого народа, покорите ее себе. Земля же эта, как гласит Писание, течет млеком и медом. Иерусалим — это пуп земли, край, плодоноснейший по сравнению с другими землями, он словно второй рай... Он жаждет освобождения и не прекращает молить о том, чтобы вы пришли ему на выручку».

В конце речи папа пообещал всем, кто «примет крест», то есть отправится на войну против мусульман, прощение грехов и долгов, тем же, кто погибнет в боях за христианскую религию, посулил вечное посмертное блаженство в раю. Выразительно и точно пересказал содержание папских увещаний и посул поэт Алексей Толстой:

Встаньте! Вас теснят не в меру
Те язычники лихие.

Подымайте стяг за веру,—
Отпускаю вам грехи я.
Все, кто в этом деле сгинет,
Кто падет под знаком крестным,
Прежде чем их кровь остынет,
Будут в царствии небесном.

Речь Урбана II произвела на присутствующих должное воздействие. Не раз толпа прерывала папу громкими возгласами: «Так хочет бог!» Эти слова по повелению римского владыки в дальнейшем стали воинским кличем крестоносцев: «И когда произойдет у вас схватка с неприятелем,— предписал им Урбан II,— пусть все в один голос вскричат: так хочет господь!»

Уже через четыре месяца после призыва к битве за святой гроб к Иерусалиму двинулись крестьянские ополчения из Франции и Германии. А спустя еще немного времени рыцари многих стран Западной Европы начали войну с мусульманским миром. За ней последовали другие войны против стран Ближнего Востока. Все они вошли в историю под названием крестовых походов — участниками их прикрепляли на грудь или плечи матерчатый знак креста.

Что же, собственно, подняло с места сперва массы земледельцев, а затем десятки тысяч рыцарей? Одна ли только религиозная вера — так что достаточно было слова римского первосвященника о надругательствах, якобы чинимых «погаными» Святой земле, чтобы тотчас побудить этих людей к войне в неведомых странах, с неведомым врагом? Или, может быть, имелись другие причины, заставившие простых крестьян, рядовых рыцарей, могущественных графов и герцогов отправиться по зову Урбана II воевать за гроб господень?

«В ту пору была большая нужда»

Одиннадцатый век в истории Западной Европы был беспокойным. Бедствия непрерывной чередой обрушивались на деревни и еще немногочисленные тогда города.

Деревня... Убогие, крытые соломой хибарки. Под одной крышей ютятся и крестьянская семья, и ее жалкий скот: редко — коровенка, чаще — коза, иногда — свинья. Трубы нет: дым из очага уходит через дыру в крыше, а часть его остается в жилище.

Жизнь крестьянина тягостна и безотрадна. Спину он гнул — и на господской пашне, и на своем поле — от зари до зари, семья же почти всегда голодала. Хлеба и других продуктов не хватало. Урожаи были скудными. Крохотные полоски земли, разбросанные в разных местах полей, обрабатывались вручную — лопатой да мотыгой. Были, правда, и плуги, но далеко не везде. Удобрляли землю редко и плохо. Сеяли, разбрасывая семена рукой, и птицы склевывали зерно, брошенное лишь в слегка взрыхленную почву. Сорняки не выпалывали. Урожай поэтому был так мал, что в пищу нередко пускали даже запас, отложенный на семена, и тогда по весне нечем было засеять поле. Голод был частым гостем деревни. В неурожайные годы не брезговали падалью, съедали кошек и мышей, варили траву, виноградные листья, дело доходило даже до людоедства.

Особенно зачастили голодные годы в конце столетия: «семь тощих лет» — так называли историки время, непосредственно предшествовавшее крестовым походам. «В ту пору, — отмечает французский хронист, аббат Гвиберт Ножанский, говоря о положении в стране в 1095 году, — была большая нужда... вследствие повсеместной нехватки хлеба... Толпы бедняков пробовали кормиться корнями дикорастущих растений, чтобы, поедая более доступное,

поскольку хлеб являлся большой редкостью, возместить недостаток повсюду разыскиваемой пищи». От голода умирали люди, погибал скот. Болезни косили тысячи крестьян и горожан, обессилевших от недоедания.

Из года в год повторялась примерно одна и та же картина, которую монотонно фиксируют составители хроник и анналов.

1093 год. Бури и непогода в Англии: весной — наводнения, зимой — колючий мороз. Все посевы вымерзли. Низкий урожай собран был в этом же году в Германии: стояла дождливая осень. В итоге — голод.

1094 год. Массовая смертность в результате повальной эпидемии «огненной чумы», то есть спорышной болезни, поразившей разные страны Европы. Обильные осадки: кое-где ливни и наводнения продолжались с октября 1094 по апрель 1095 года. Урожаю нанесен сильный урон. Голод затих было в Южной Франции и в некоторых областях Германии, но разразился с новой силой в Северной Франции и Англии. «Многие села остались без земледельцев», — лаконично сообщают анналы монастыря святого Августина.

1095 год, «год бедствий», по выражению монаха Сигберта из Жамблу. Он скупно записывает: «Давно угрожавший голод разразился жесточайшим образом».

Были и лето, и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы,
Хлеб на полях не созрел и пропал;
Сделался голод, народ пропадал.

Это — типичная для конца XI века ситуация: В. А. Жуковский отразил ее в стихах, повествующих о том, как скупой и жестокий епископ в ответ на мольбы изголодавшихся бедняков ссудить их хлебом заманил толпу селян якобы на угощение, а затем сжег всех, пришедших «на пир», в «огромном сарае».

Нищета деревни — а ведь Запад был тогда по преимуществу деревенским — объясняется не только неурожаем, и сами неурожаи не только плохой обработкой почвы или плохим уходом за посевами, а еще того меньше — засухами и наводнениями, о которых постоянно упоминают летописцы. Главная причина, обрекавшая крестьянина на нищенскую жизнь, заключалась в ином: он не был вольным землепашцем. Земля, на которой он пахал и сев, принадлежала феодалу-сеньору, а сам земледелец был его крепостным, сервом. За землю приходилось отдавать часть и без того скудного урожая. Да и на своей полоске крестьянин трудился не более трех дней в неделю: остальное время он был занят на барщине — то убирал хлеб с господского поля, то косил траву на лугу сеньора, то чинил ему дом или заготавливал дрова на зиму.

Помимо барщинных повинностей и натурального оброка — маслом и сыром, молоком и яйцами, которые надо было в срок доставлять господскому управителю, — сеньор требовал от серва различных взносов. С каждого жителя деревни господину ежегодно причиталась подушная подать; к рождеству взимался особый побор — подымное (с «дыма», очага). Платить нужно было и за то, что крестьянский скот пастся на господском лугу, и за право рубить деревья в лесу сеньора, и даже за то, что после смерти крестьянина его жена и дети оставались в той же лачуге, в которой жили раньше: ведь имущество крепостного считалось собственностью господина, а тот оставлял его наследникам покойного лишь за мзду.

В XI веке ко взносам натурой стали присоединяться и денежные оброки. Они были весьма обременительны. Чтобы внести вовремя деньги, подчас приходилось везти на продажу последние запасы продуктов. А сеньоры были неумолимы. К тому же, не довольствуясь обычными повинностями, они, как рассказывает один современник,

«сверх положенного трижды, четырежды и сколько им вздумается раз в году добро их (крепостных) расхищают, бесчисленными службами их утесняют и тяжкое, невыносимое бремя на них налагают». Таким образом, к платежам и повинностям, установленным обычаем, присоединялись произвольные поборы.

Не меньше, чем от поборов, деревня страдала от опустошительных войн, которые графы и бароны непрерывно вели друг с другом. В хрониках сплошь да рядом встречаются жалобы на феодальные раздоры: нигде нет мира, князья воюют между собой по ничтожному поводу. Во время междоусобиц деревне доставалось больше всего: противники жгли крестьянские жилища, отбирали у сервов скот, вырубали сады, вытапывали посевы; многие села подвергались полному разорению.

Уцелевшим ничего не оставалось, как покидать свои деревни и уходить куда глаза глядят. Доведенные до отчаяния крестьяне порой бунтовали. Голодные бедняки, по словам французского хрониста, «мучили богатых грабежами и поджогами». Гораздо чаще, однако, землепашцы просто бежали прочь от феодальных притеснений: кто — в леса, кто — на чужбину, а кто — к другому сеньору, у которого думали найти лучшие условия жизни. Ведь свободных-то земель, годных для обработки, уже нигде не было. «Нет земли без сеньора!» — гласила тогдашняя поговорка. Иногда снимались с мест целыми селеньями. «Они решили разойтись, так как нечего было есть», — сообщает летописец об одном из таких случаев. В бегстве крепостные прежде всего искали спасения от тягот феодального гнета, от произвола сеньоров и от нападений рыцарских банд: сопротивляться рыцарям, защищенным кольчугами, латами, вооруженным мечами, было почти безнадежным делом.

Легко понять, что, когда Урбан II бросил клич: «На

Восток!» — его призыв встретил горячий отклик в крестьянской массе. Ведь папа прямо сказал, что земля здесь едва прокармливает тех, кто ее обрабатывает. Разве не о них, бедных сервах, он говорил? Разве не им он рисовал такую заманчивую картину райской жизни в плодоснейших краях далекой Палестины, где реки текут млеко и медом?

Но не только перспективы лучшей жизни подействовали на воображение голодных селян. Задавленный гнетом сеньора, бессильный перед стихиями природы, страдавший от рыцарских набегов, крестьянин был темным человеком. Религия имела над ним немалую силу. Голод, неурожай, опустошение, нанесенное винограднику пестовством соседнего барона, — все такие события казались землепашцу карой небесной за какие-то совершенные им проступки перед богом — «грехи». Об этих «грехах» с раннего детства твердил крестьянину деревенский священник — кюре. Все, что с тобой ни происходит, внушал он ему, — все это от бога, наказующего грешников и милостиво прощающего праведников, тех, кто смиренно переносит ниспосылаемые свыше невзгоды. Ум и чувства крестьян были опутаны религиозными сетями. Ища выхода из своих бедствий, темные деревенские люди, привыкшие во всем верить священнику, преисполнялись мыслью, что бог облегчит их участь, если они сумеют замолить свои «грехи» или искупить их каким-нибудь необыкновенным, угодным небесам подвигом. Подвижнические настроения и стремления получили тогда широкое распространение в деревне. У крестьян, отмечают хронисты, появилась тяга в монастыри. Некоторые становились лесными отшельниками. Они уединялись в глухие места, проводили дни и ночи в молитвах, питались «чем бог пошлет», надеясь такой аскетической жизнью заслужить благоволение божье.

Теперь, когда сам римский папа призвал свою паству принять мученичество за веру, пойти войной на язычников, эти подвижнические настроения дали себя знать со всей силой. Конечно, сами крестьяне не отдавали себе отчет в том, что за их религиозными порывами стоят вполне земные побуждения. Однако в действительности это было именно так: сервы жаждали земли, неподвластной сеньору, они хотели вырваться из крепостной неволи. Вот почему крестовые походы и начались с выступления крестьянской бедноты. Наблюдательный немецкий хронист Эккехард Аурский, рассказывая о начале событий — а он был их очевидцем,— замечает: массу бедняков толкали в далекий путь «всяческие неблагоприятные обстоятельства — потому-то большая часть их двинулась вперед, отягощенная женами, детьми и прихватив с собой все семейное добро». Крестьяне не столько подвигались на священную войну, сколько пустились в бегство, спасаясь от «неблагоприятных обстоятельств»! Для измученной деревни это был уже привычный способ избавляться от тягот феодального гнета. Необычными являлись лишь гигантские масштабы и повсеместный характер всеевропейского крестьянского исхода да его религиозное обличье.

«Вы захватите и сокровища ваших врагов»

Вернемся, однако, в Клермон. Не успел Урбан II закончить свою речь, как к нему устремились «богатыри», возгоревшиеся желанием защищать гроб господень. Один за другим перед папой преклоняли колено спесивые рыцари и, вытащив меч из ножен, просили, чтобы папа благословил их самих и их оружие на ратные подвиги во славу всевышнего. А через три дня в Клермон прибыл блестящий кортеж: к папе явились четыре богато одетых

рыцаря в полном воинском облачении и с ними десяток слуг-оруженосцев. Это были послы графа Раймунда IV Тулузского из Южной Франции. Они объявили, что их сеньор и многие его вассалы жаждут встать «на стезю господню», чтобы покарать нечестивых. И тоже склонились ниц перед Урбаном II — тот никому не отказывал в благословении. Ведь папа и рассчитывал-то главным образом на рыцарство, когда призывал изгнать «персидское племя турок» из Святой земли: «О могущественнейшие воины и отпрыски непобедимых предков!» — так льстиво величал он своих «благородных» слушателей.

Рыцарство охотно отозвалось на обращение Урбана II по другим причинам, чем крестьянская беднота.

Феодал жил трудом своих крепостных. Они наполняли его закрома зерном, а кладовые — свинными тушами, бочонками с ячменным пивом и виноградным вином, одевали и обували сеньора, его семью и челядь. Сам же он отдавал свое время войнам, охоте, пирушкам. Феодалы построили на возвышенных местах своих владений замки, укрепили их каменными стенами и башнями, возвели вокруг них земляные насыпи, окопали рвами и наполнили их водой. И если в деревнях поднимался ропот, сеньор, закованный в броню, вместе со своими вассалами врывался в эти селения, избивал и убивал непокорных, бросал в подземелье и подвергал страшным пыткам наиболее «строптивых» из бунтовщиков или тех, кого он считал «смутьянами»... Недаром летописцы называют такие замки несчастьем для окрестных жителей.

Несколько позднее южнофранцузский поэт-трубадур Пейре Видаль, наблюдавший в сущности те же сцены, сравнит рыцарей со «стаей воронья»: они, по его словам, «бесстыднее разбойника-ублюдка».

Между тем у феодалов появилось много новых хлопот. В XI веке на Западе стали возникать города. Глаза баро-

на загорались, когда, проезжая через городской рынок, он видел искусно изготовленные ремесленниками шлемы и уздечки, аккуратно обшитые металлическими пластинами деревянные щиты и мягкие кожаные сапоги, в которых нога чувствовала себя так удобно. Разве могли его деревенские мастера-крепостные тягаться с этими искусниками-горожанами? А из-за моря, из сказочных восточных стран, в Европу начали все чаще поступать доселе невиданные товары: шелковые ткани и сукна всяких расцветок, тонкие вина, изящные украшения из слоновой кости, стальные клинки несравненной прочности и гибкости... И когда по реке, протекавшей через владения сеньора, проплывала полная заморских изделий барка какого-нибудь купца из Генуи или Пизы, Венеции или Марселя — с какой алчностью взирали на судно рыцарь и его домочадцы!

Аппетиты феодалов росли с каждым годом. Однако с полунитого крестьянина нельзя было требовать больше того, что он мог дать: голодные и озлобленные деревенские труженики и так уже, как мы знаем, старались бежать подальше от тиранства своих сеньоров. Стремясь любой ценой удовлетворить свои новые потребности, феодалы с необыкновенным усердием принялись тогда за разбойничьи войны. Отнять у соседа земли, подчинить себе его сервов, заставить их работать на себя — такова была цель этих «частных войн», или фэйд.

За поводами для конфликтов не надо было далеко ходить: их всегда было предостаточно. Можно было придаться к вассалу, не захотевшему явиться на службу по первому зову сеньора, и попытаться отобрать у него поместье. Сосед граф стал сооружать укрепление на границе своих владений, а его люди на пол-локтя углубились за липию межевых камней, — опять удобная причина для ссоры и для объявления войны. На худой конец припомни-

нались распри дедов и прадедов из-за прав на какой-нибудь луг или лес, разделявший две деревни. Возобновлялись старинные претензии, и для решения спора с неуступчивым виконтом пускались в ход мечи и копья. Так было и в XI, и в XII столетиях, когда среди рыцарей даже появились поэты, вроде воинственного провансальского трубадура Бертрана де Борна, которые стали воспевать и прославлять междоусобные войны:

Лишь тот мне мил среди князей,
Кто в битву ринуться готов,
Чтоб пылкой доблестью своей
Бодрить сердца своих бойцов,
Доспехами бряцая.
Я ничего за тех не дам,
Чей меч в бездействии упрям,
Кто, в схватку попадая,
Так ран боится, что и сам
Не бьет по вражеским бойцам.
Вот под немолчный стук мечей
О сталь щитов и пишаков,
Бег обезумевших коней
По трупам павших седоков!
А стычка удалая
Вассалов! Любо их мечам
Гулять по грудям, по плечам,
Удары раздавая!

Повседневная жизнь в странах Запада в XI веке, как никогда прежде, наполнилась шумом битв. Вражда феодалов не умолкала. Та местность, в которой мир и тишина царили хотя бы одно лето, считалась счастливой. Сильные разоряли более слабых, присваивали их земли. Потерпевшие тоже не оставались в долгу. При всяком подходящем случае они возмещали ущерб за счет недавнего обидчика либо превращались в разбойников, грабивших и купца, направлявшегося с товарами в далекий город,

и крестьянина, который вез в ближний городок на продажу вино или поросенка.

Находились, правда, и не столь воинственные рыцари, которые, оставшись при одной деревеньке в несколько дворов, сами брались за рукоять плуга. Летописец рассказывает об одном таком обедневшем рыцаре из Фландрии: он собственноручно вспахивал поле; чтобы подольше сохранить в употреблении единственный кафтан, он выворачивал его наизнанку. Однако для большинства феодалов наиболее простым и «достойным» способом поправить свое положение сделались разбой.

Мелких рыцарей, потерявших земли и вставших на путь войны и грабежа, в XI веке стало в Западной Европе великое множество. Этому сильно содействовал установившийся порядок наследования феодальных поместий: дом, поля, сад — все недвижимое имущество сеньора переходило к старшему сыну. У его младших братьев сохранялись подчас лишь конь и боевые доспехи. Поэтому рыцари нередко получали такие характерные прозвища, как Голяк, Бедняк, Безземельный, Неимуций. Больше всего они мечтали о приобретении хоть какого-нибудь, пусть самого захудалого, имения: только оно давало прочное положение, обеспечивало — пусть небольшой, но твердый достаток. А пока что эти обделенные наследники рыцарских родов, в одиночку или соединяясь в разбойничьи шайки, рыскали там и сям, нападали на беззащитные деревни и местечки, обирали, жгли, убивали. «Я видел этот буйный народ,— писал о ватагах рыцарей-разбойников еще в середине XI века римский папа Лев IX,— невероятно яростный и нечестием превосходящий язычников..., преследующий христиан, которых они иногда заставляют умирать в страшных мучениях... Они не щадили ни детей, ни стариков, ни женщин». И Урбан II в своей речи, произнесенной в Клермоне, тоже со-

крушался по поводу бесчинств, которые творили «похитители чужого добра» и «нарушители чужого права»: нет никого, кто бы чувствовал себя в безопасности. Дикие сцены рыцарских разбоев наблюдались повсюду. Французский хронист Фульхерий Шартрский, участник первого крестового похода, рассказывал об обстановке, царившей во Франции накануне этих событий: «Блага земли расхищаются, многие несправедливо содержатся закованными в плену, их бросают в ужаснейшие подземелья, вынуждая выкупать себя за непомерную плату либо подвергая там тройным пыткам, то есть голода, жажды, холода, и они погибают в неизвестности». Рыцари «повергают в огонь монастыри и села, не щадя никого из смертных»...

Рыцарские банды зачастую сплачивались в многочисленные дружины, которые отваживались и на довольно крупные завоевательные набеги: нормандцам в XI веке удалось овладеть Южной Италией и Сицилией; Англия тоже была завоевана нормандскими дружинами, собравшимися в 1066 году под знамена герцога Вильгельма; французские рыцари из Аквитании, Бургундии и других областей ринулись было даже в Испанию, чтобы принять участие в войнах тамошних христиан с арабами, давно утвердившимися на Пиренейском полуострове, однако здесь не поладили с местными феодальными сеньорами. К тому же они не раз бывали биты легкой арабской конницей.

Несмотря на малые и большие разбойничьи авантюры, в Европе сохранялся явный «избыток» рыцарской вольницы, не находившей «достойного» применения своему оружию и занимавшейся всякого рода бесчинствами. Охотников взяться за меч в надежде на легкую добычу было более чем достаточно. Не удивительно, что, когда папа призвал к священной войне, рыцари и многие сиеятель-

ные сеньоры поспешили нашить кресты на свои кафтаны.

Изъявляя готовность воевать за христианскую религию, феодалы разных рангов втайне помышляли о другом — о завоевании земель на Востоке, о приобретении поместий или даже об основании новых княжеств, а главное — о захвате богатств восточных стран.

В родных местах с их постоянными неурожаями и голодовками не слишком разживешься. А Восток... Там есть что пограбить и чем завладеть. И земля в Палестине, как утверждает папа, плодородна, и города полны всякого добра.

Да это и без папы многим было известно: ведь сотни рыцарей из Франции, Германии, Англии, Скандинавии сами успели побывать паломниками в Иерусалиме, сами убедились в том, как богаты тамошние края. Возвращаясь из дальних странствий, рыцари-паломники (пилигримы) с жадным восторгом рассказывали дома о великолепных дворцах арабских правителей в Сирии и Палестине, о густонаселенных больших городах, рынках которых забиты диковинными фруктами, бурдюками с винами, тюками пестрых материй, мягкими ворсистыми коврами и другими дорогими товарами. Вот что манило рыцарей, ставших впоследствии главной силой крестовых походов!

Паломник (рукопись Национальной библиотеки в Париже).

Урбан II, человек проница-

тельный, познакомившись во время своего пребывания во Франции с настроениями «голяков» и «неимущих», прекрасно понял их желания. Война на Востоке принесет им неслыханные богатства: «Кто здесь горестны и бедны, — сулил он, — там будут радостны и богаты!» «Вы захватите и сокровища ваших врагов», — говорил папа рыцарям. Что иное могли означать эти слова, как не призыв к ограблению заморских стран под видом войны за христианские святыни? Римский первосвященник выдвигал лозунги, близкие сердцам рыцарей, лозунги, учитывавшие положение и чаяния рыцарской мелкоты, ее острую нужду в поместьях. Именно следствием этой нужды была агрессивность рыцарства, готовая прорваться в войне за «спасение христианства» и освобождение восточных единоверцев («братьев христиан») от мусульманского «ига».

Конечно, соображения религиозного характера тоже были не вовсе чужды рыцарям. У одних они играли большую, у других меньшую роль. В целом, однако, феодалы — суровые воины — были людьми своего времени, а религия тогда пустила глубокие корни в сознание людей. Завидев церковную колокольню, рыцарь, такой же неграмотный и суеверный, как и крестьянин, спешил осенить себя крестным знаменем. Вопрос о том, что станет с его душой после смерти, беспокоил рыцаря не менее, чем простого пахаря. Священники паставляли всех одинаково: виновных в «грехах» ожидают адские муки на том свете; напротив, души христиан, преданных богу, попадут в рай. И феодалы старались заслужить расположение всевышнего: кто сам постригался в монахи, кто передавал лишь некоторые из своих поместий в дар епископам и монастырям, кто отправлялся поклониться святым мощам в Рим, Константинополь или Иерусалим (здесь хранились ключья пеленок, в которые якобы заворачива-

ли младенца Иисуса Христа, ржавые гвозди, которыми будто бы спустя 33 года прибили к кресту его руки и ноги, бутылочки с каплями слез, пролитых матерью сына божьего, и прочие столь же «священные» предметы, сфабрикованные церковниками). Всем этим, как рыцари полагали, они искупят перед господом свои преступления, которых на совести у них накопилось вдоволь.

Призыв Урбана II, без сомнения, затронул и религиозные струны, звучавшие в рыцарской душе. Воевать с мусульманами за Святую землю — такое дело стоило, пожалуй, сотен покаянных молитв и не одного паломничества. Ведь папа не зря от имени бога даровал полное прощение грехов воинам, которые возьмут на себя труд сражаться за гроб господень!

Кто хочет жизнь сберечь свою,
Святого не берет креста.
Готов я умереть в бою,
В бою за господа Христа,—

признается рыцарь-поэт, участник одного из последующих крестовых походов.

Религиозные и мирские соображения сплавлялись как бы воедино. Вот почему феодалы одобрили затею папства и живо откликнулись на его призыв двинуться в Иерусалимский поход.

Любопытно отметить, что хронисты-церковники, догадывавшиеся, какие реальные намерения в первую голову руководили рыцарством, и тем не менее стремившиеся прославить крестовый поход именно как святое дело, далекое от земной суеты и посясторонних интересов, с наивной настойчивостью старались скрыть от читателей эти «низменные» мотивы воинов христовых: рыцари, оказывается, если верить аббату Гвиберту Ножанскому, «не были побуждаемы к своему предприятию ни желанием славы, ни своекорыстием, ни жаждой расширить пределы своих

владений». Пусть никто не смеет так думать! Для сеньоров и их вассалов участие в священной войне, с его точки зрения, было всего-навсего лишь способом обрести райское спасение: «...Не отрекаясь от мира и не посвящая себя... монашеской жизни или выполнению каких-либо других религиозных обязанностей, но оставаясь при своем обычном образе жизни, продолжая заниматься своими прежними делами, заслужат они благоволение божье».

«Желая верность испытать»...

Выступая в Клермоне, Урбан II не пожалел красок и трогательных слов, чтобы обрисовать несчастья Святой земли, которые она будто бы испытывает под игом «столь презренного, отвратительного племени, служащего дьявольским силам». Папа, оставшийся на полгода во Франции, разослал в разные страны Европы письма к «верным», призывавшие к крестовому походу. В этих письмах он тоже в самых мрачных тонах изображал положение восточных христиан под властью мусульман, и в особенности надругательства, которые нечестивые якобы причиняют святыням. Затем римский владыка и уполномоченные им епископы развернули еще более широкую проповедь священной войны — войны в защиту от мусульманской опасности, которая, по их словам, угрожала всему христианскому миру, и прежде всего главному священному памятнику — гробу господню в Иерусалиме.

Монахи увещевали христиан готовиться к спасению Иерусалима. Певцы-сказители перелагали клич церковников на стихи и распевали их перед собравшимися где-нибудь на лужайке или лесной опушке слушателями:

Чтоб вновь был светом осиян
Во тьму повергнутый народ,—
Спою о том вам, сколько ран

Земля господняя несет,
Какой она от басурман
Испытывает тяжкий гнет.
Должны добиться мы тех стран,
Куда в день оный всяк войдет.

Иерусалим рыдает,
О помощи взывает...
О, горе свыше наших сил —
Гроб приснославный потерять,
Места, где наш господь ходил,
Поруганными увидать!
Всевышний это допустил,
Желая верность испытать
Тех, кто служить ему сулил
И за него врагам отмщать.
Иерусалим рыдает,
О помощи взывает...

Все это была неправда. Во второй половине XI века на Востоке действительно произошли крупные политические перемены. Многие страны и области, одни из которых раньше входили в состав Византийской империи, а другие являлись персидскими или арабскими, подверглись в это время завоеванию кочевников тюрок-сельджуков, пришедших сюда из Средней Азии. Они захватили также Иерусалим — город, считавшийся священным и у христиан, и у мусульман, и у евреев и до того подчинявшийся Египту. Здесь, как и в других городах Палестины, Сирии, Малой Азии, проживали люди различных народностей: арабы, армяне, греки, евреи, сирийцы. Их религиозные верования были неодинаковыми. Армяне, греки и сирийцы в большинстве своем исповедовали христианство, арабы — ислам, евреи поклонялись богу Яхве. Сельджуки, как и арабы, веровали в Аллаха и в его пророка Магомета, то есть были мусульманами.

Однако, утвердив свое господство в странах Восточного Средиземноморья, они не чинили каких-либо особых

утеснений приверженцам других религий. Подобно арабам, сельджуки отличались веротерпимостью. Те, кто предпочитал отбивать поклоны иконам с изображением Христа и девы Марии, могли по-прежнему предаваться этому занятию. Церкви и часовни, как и раньше, оставались в распоряжении христиан. Патриархам, высшим чинам христианского духовенства, разрешено было пребывать там же, где их резиденции находились и до того времени, — в Иерусалиме и в Антиохии. Гроб господень, точнее — архитектурное сооружение внутри одного из иерусалимских храмов, почитавшееся гробницей евангельского богочеловека, куда он будто бы был тайно положен своими учениками (апостолами) после казни, тоже никто не трогал. Никаких сколько-нибудь ощутимых гонений на религиозные обычаи христиан сельджуки не устраивали. Не подвергали они оскорблениям и паломников, зачистивших в XI веке в Иерусалим и к другим палестинским святыням, связанным с историей новозаветного Иисуса Христа. Пилигримы уплачивали здесь только небольшой налог — но ведь поборы с богомольцев вносили и власти христианского Константинополя, — никто на это и не думал жаловаться. Сами христиане Сирии и Палестины, оказавшиеся под владычеством сельджуков, не просили римских пап ни о какой помощи. Тема припева в жалостливых выступлениях сказителей, повторявших мотивы церковных проповедей («Иерусалим рыдает, о помощи взывает»), в действительности не имела реального основания и по существу являлась лишь поэтической метафорой.

Урбан II и его епископы умышленно распускали ложные вести о злодеяниях сельджуков против христианства: рассказами о мусульманской угрозе «братьям по вере» и об опасностях, нависших над религиозными святынями христианского мира, церковники Запада хотели

возможно сильнее разжечь религиозную вражду к иноверцам на Востоке. Это было тогда самое верное средство организовать большую войну европейского рыцарства в дальних странах.

Таким образом, захватническим, грабительским в своей основе предприятиям феодалов придавался характер священных войн, якобы ведомых в защиту религии, для отражения «угрозы с Востока», надвинувшейся на христианство.

«Да станут грабители воинами Христа!»

Могут спросить: если предлоги для проповеди крестовых походов были в значительной мере надуманными, то для чего же все-таки Урбану II вообще понадобилось поднять Запад на войну с Востоком?

Римский папа стоял во главе католической церкви, представлявшей собой на Западе влиятельную и притом организованную феодальную силу. Папе были подвластны кардиналы, из числа которых выбирался и сам римский первосвященник, чуть ниже стояли архиепископы; архиепископам подчинялись епископы; за ними шли настоятели монастырей — аббаты, в свою очередь распоряжавшиеся монахами. При каждом храме имелось свое духовенство, или причт — священники, их помощники — дьяконы и другие, еще меньшие по чину служители божьи, находившиеся уже в самом низу духовной иерархии.

Церковники занимали важное место в феодальном обществе: они помогали светским сеньорам держать в повиновении трудовой народ. Крестьянам и горожанам сызмальства внушалось, что надо во всем слушаться господ, чтобы заслужить царствие небесное; непокорные будут веками жариться в адском пекле, а смиренные, напротив, наслаждаться безмятежной жизнью в раю.

Эту вечную тему своих проповедей служители церкви развивали далеко не бескорыстно: сами они тоже кормились трудом крепостных. Римские папы, архиепископы, епископы, монастыри и их настоятели сделались в XI веке крупнейшими землевладельцами в Европе: им принадлежала третья часть всех земель, причем хозяйство на них велось куда более рачительно, чем в поместьях светских феодалов. Церковники гораздо систематичнее и беспощаднее обирали крестьян, были изобретательнее и прижимистее в поборах. Помимо обычных повинностей, которые несли крепостные, духовенство взимало со всего населения особую подать — десятину. Десятая доля урожая — десятый сноп ржи и пшеницы, десятая копна сена, десятая корзина овощей и плодов, а также десятая часть приплода от домашнего скота и птицы, десятая вязанка хвороста, собранного в лесу, — все это в обязательном порядке поступало в монастырские и церковные кладовые и амбары. В дни жатвы сборщики десятины, как хищные волки, рыскали по полям, шарили по крестьянским сараям. Не утаил ли чего серв от «рабы божьей» — церкви?

Поместья духовенства были самыми богатыми. Не только феодалы средней руки, но и именитые князья, а то и короли дарили и завещали церковным иерархам землю с прикрепленными к ней людьми, луга, леса, мельницы, виноградники, всякого рода драгоценности. Церковь нужна была рыцарям и сеньорам всех рангов. С ее помощью легче было гасить бунтарские настроения среди деревенского люда или даже вовсе не допускать возникновения мятежного духа. Да и сами феодалы, как мы уже видели, разделяли религиозные верования эпохи, были привержены к церкви, так или иначе чтили ее установления, совершали предписанные ею религиозные обряды, молились, отмечали церковные праздники...

И тем не менее все это не мешало возникновению и

развитию некоторой враждебности в отношениях между светскими и церковными землевладельцами: первые явно и тайно завидовали вторым. Ломящиеся от всякого добра сундуки монашеской братии, тучные стада хорошо откормленных коров и овец, пасшиеся на ее лугах, обширные виноградники, окружавшие епископские и архиепископские замки, порождали совсем не дружеские чувства к святым отцам у «голяков» и «неимущих», у тех, кто подчас, как выражается более поздний французский юрист, «один час в одном месте, следующий — в другом».

Поэтому рыцарские разбои в XI веке не миновали и церковных поместий. Более того, владения церковных иерархов и монахов становились наиболее соблазнительной приманкой для рыцарей (из числа младших сыновей небогатых сеньоров, у которых не было никакой надежды ни получить отцовские или материнские владения по наследству, ни приобрести феодал посредством вступления в выгодный брак или за службу): ведь в монастырях реже можно было встретить вооруженный отпор. Банды рыцарей нападали на безоружных клириков (служителей церкви) и монахов, не стесняясь, по словам грамоты того времени, «причинять вред... землям и владениям, коими церкви... клирики, монахи и монахини пользуются».

Рыцарские разбои приняли настолько опасные размеры, что иные, более дальновидные церковные деятели стали призадумываться: а нельзя ли как-нибудь избавиться от бесчинств этой рыцарской мелкоты? Влиятельные монахи Ключийского ордена (Ключи — обитель в Южной Франции, центр орденовой организации) при поддержке римских пап первыми попробовали бороться с этим злом. Вначале они попытались было церковными мерами унять «безземельных» и «бедняков»: в отдельных местностях или даже целых странах феодальные войны и вообще всякие вооруженные действия запрещались — то на не-

сколько лет (это называлось объявлять «божий мир»), то на три-четыре дня в течение каждой недели («божье перемирие»). Однако смута не утихала: «Днем и ночью нет покоя от татей и разбойников», — жаловался Урбан II в Клермоне. Сам папа видел, как «предаются насильственному поруганию святыни, повергаются в огонь обители и усадьбы, не щадят никого из смертных, насмеваются падо всем божеским и человеческим».

Грабители-рыцари угрожали порой также владельческим светским сеньорам, хотя и меньше, нежели церковникам, которые почти не располагали военными силами, способными обуздать расходившуюся рыцарскую волю.

И вот тогда-то перед высшими феодалами (а церковные землевладельцы принадлежали именно к ним) встала общая задача: отвести в сторону агрессивность рыцарства, обезопасить от него собственные поместья, но в то же время предоставить ему возможность вдалеке пограбить где-то в чужих, по возможности далеких странах. Постепенно рождалась мысль — направить томившуюся от безделья «лишнюю» массу грабителей в рыцарских доспехах за пределы Европы. Таким образом можно будет уберечься от ее опустошительных набегов и разбоев.

Это стремление и выразил Урбан II, указав рыцарству в качестве цели богатый Восток: завоевать его, а заодно освободить гроб господень — вот, заявил он, благородная и богоугодная задача, для решения которой нужно положить конец междоусобным войнам и грабительским нашествиям у себя дома: «Да станут ныне воинами Христа те, кто раньше были грабителями. Пусть справедливо бьются теперь против варваров те, кто в былые времена сражался против братьев и сородичей», — провозгласил папа.

Однако не только это было на уме у высокопоставлен-

ных церковных деятелей во главе с римским первосвященником, когда они поднимали западное рыцарство на крестовый поход. Оградить накопленные церковью и светскими магнатами земельные и иные богатства от распоясавшейся рыцарской мелкоты — это только полдела. Уже давно в Риме зрели планы гораздо более дальнего прицела: а не попробовать ли расширить рыцарским мечом границы влияния католической церкви вне Европы?

На Западе в XI веке не было сильных, централизованных государств. Почти повсюду царил феодальный беспорядок. Одни только церковные землевладельцы разных чинов были сравнительно неплохо организованы. Папский Рим являлся их главным центром. Опираясь на церковных феодалов, на богатства духовенства, используя силу влияния религии, римские понтифики во второй половине столетия сумели забрать в свои руки большую власть. Предшественник Урбана II — знаменитый папа Григорий VII возмнил даже, что апостольский престол — выше всех светских властей в мире: государи и князья, герцоги и графы — все обязаны лобызать папскую туфлю и подчиняться папе, как вассалы сеньору.

Таким образом, папство выступило с притязаниями на то, чтобы встать не только во главе церкви — здесь оно уже многого достигло, — но и объединить под своим началом всех феодальных собственников. Установление верховенства римских владык в феодальном мире сделалось одной из важнейших целей папской политики. Для этого католической церкви мало было удержать за собой те богатства, которыми она уже распоряжалась: требовалось значительно увеличить их. Каким образом? Вот тут-то рыцарство и могло сослужить папам хорошую службу, завоевав богатые восточные страны. Ведь Урбан II побуждал рыцарей к овладению ими во имя религии, во имя веры! Конечно, в случае успеха рыцарства церковь тоже

должна была получить свое: и поместья, и десятину, и долю добычи.

Таковы были подлинные причины, которыми руководствовалось папство, бросив клич: «За спасение гроба господня!»

Греческое царство и проекты римской курии

Римского владыку привлекала не только «земля Иерусалимская», щедроты которой он так живо расписывал в своей клермонской речи. Урбан II добивался и другой цели: поставить в подчинение себе Византийскую империю.

За четверть века до Клермонского собора, в августовский день 1071 года, далеко от Рима произошло событие, которое заставило церковные верхи на Западе вплотную заняться делами Греческого царства. В этот день в сражении при Манцикерте, что к северу от озера Ван, в Армении, огромное, но разношерстное наемное войско византийского императора Романа IV было наголову разбито сельджуками. После этого большие конные отряды восточных завоевателей начали захватывать одну за другой малоазиатские области сильно ослабевшей к тому времени Византии. Наконец, они появились у самых стен ее столицы — Константинополя. Из окон императорского дворца можно было видеть на другом берегу Босфорского пролива горы, которые уже не принадлежали империи: там, в Малой Азии, образовалось сельджукское государство, и его столицей стал греческий город Никея.

Вторжением сельджуков и катастрофой, казалось, неумолимо надвигавшейся на Византию, тотчас воспользовался властный Григорий VII. Надо «оказать помощь» Константинополю, решил папа. Византия — христианское государство; братья по вере не должны подпасть под иго

мусульман. Папа уже принял было меры к тому, чтобы собрать в Европе желающих идти на войну против нехристей, которые угрожают Константинополю. Если верить переписке папы, то ему будто бы удалось завербовать чуть ли не 50 тысяч рыцарей. Однако двинуть их к византийской столице папа не смог: его отвлекла — и надолго — распря с германским императором Генрихом IV. И хотя тот в конце концов «пошел в Каноссу», раздоры вспыхнули затем с новой силой. Планы похода на Восток, составленные в римской курии и даже как будто предложенные рыцарству, временно пришлось отложить.

Несостоявшиеся проекты Григория VII не были забыты. Вскоре их воскресил Урбан II. В его намерения тоже входило подчинение некогда могущественной греческой державы. Двинуть рыцарские войска к Константинополю — чего проще? Сама Византийская империя еще в конце 80-х годов XI века запросила западных сеньоров о помощи против сельджуков.

В это время империя была значительно изнурена и внутренними феодальными неурядицами, вроде тех, что раздирали Западную Европу, и частыми поражениями, которые наносили ей внешние враги. Особенно тяжело пришлось греческим императорам (василевсам), когда остатки их былых владений — балканские земли и Константинополь — начали подвергаться одновременным нападениям многих врагов и с разных сторон. Через северную границу — Дунай — все чаще совершали опустошительные набеги полчища печенегов. Они разоряли не только села и пригородные местечки, но даже крупные города. Сельджуки придвинулись непосредственно к Константинополю. Эмир Чаха, настоящий пират, снарядил флот против византийской столицы. В его руки уже попали многие прибрежные малоазиатские города, острова Хиос и Лесбос. Оставалось нанести удар по самому Кон-

стантинополю. Чаха завязал переговоры с соплеменниками-печенегами; их передовые отряды находились поблизости от «владычицы городов», и эмир хотел действовать наверняка. У Византии не было ни армии, ни флота, чтобы отразить одновременный натиск печенегов и сельджуков. Дела империи, писала позднее об этих днях дочь императора Алексея I Комнина, византийский историк Анна Комнина, «как на море, так и на суше были в весьма худом положении, тем более что суровая зима заперла все выходы, так что от сугробов снега нельзя было даже отворить двери домов».

В этот трудный момент хитроумный властитель империи, не видя иных средств поправить положение, обратился за поддержкой на Запад: из императорского дворца в далекие Францию и Италию были отправлены послания с просьбами о помощи. Алексей I искал ее и у графа Роберта Фландрского, который несколько лет назад, возвращаясь из паломничества, был гостем императора, и у самого папы Урбана II. Пусть они пришлют рыцарские отряды, чтобы навсегда отбить у «неверных» охоту покушаться на безопасность Константинополя. Ничего большего Алексей I не хотел, кроме как попользоваться рыцарями в качестве наемников. Это было обычное дело: у Византии и раньше служили англосаксы, норманны, славяне, датчане...

Однако на Западе просьбу императора поняли по-своему. Византия в опасности? Что же, тем лучше! Надо и в самом деле ей помочь против сельджуков, а заодно уж и поживиться на ее счет. Призывы Константинополя еще более распалили алчность феодалов и в то же время вселили в папу отрадные надежды. Рыцарство жаждет большой войны. Пусть оно и поведет ее на Востоке — во славу пресвятой церкви и ради приумножения ее власти и доходов! Поистине и волки будут сыты, и овцы целы.

Было бы неправильно думать, что крестовые походы являлись исключительно папским предприятием. Их причины, зревшие исподволь, постепенно, были многозначны. Рыцарство и сеньоры в XI веке все время искали какого-то выхода из тех затруднений, в которые их поставило несоответствие между возросшими потребностями и скудными возможностями. Они искали этого выхода, как мы уже говорили, в разных направлениях: кто дрался с соседними сеньорами и разорял деревни своих или чужих вассалов, кто превращался в грабителя с большой дороги и потрошил кошель проезжающих купцов, кто в надежде на богатую пожизну пускался в Испанию и другие окраинные области Запада. Суть «поисков» была единой: грабеж и война, чем бы то и другое ни прикрывались.

При таких-то обстоятельствах в Риме и было задумано слить все эти разрозненные грабительски-завоевательные устремления феодальных банд в один общий поток, направить разбойничавших рыцарей, а с ними и сеньоров, жаждавших умножения своих владений, к некоей единой цели. Папы решили это сделать ради того, чтобы обеспечить и их, и свои собственные интересы.

Международная обстановка, взаимоотношения феодальных государств Западной Европы и Ближнего Востока складывались таким образом, что удобнее и выгоднее всего было указать рыцарям в качестве цели Восток. Войну, предпринятую против восточных стран, можно было легко завуалировать и даже героизировать с помощью религиозных стягов, осенив меч знамением креста. Так и поступил Урбан II, по чьему призыву были развязаны крестовые походы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

С мечтой о воле

Проповеди Петра Пустынника

Миновала зима. Весенние ветры принесли с собой март нового, 1096 года. Поля не успели просохнуть как следует, и первая зелень трав едва-едва стала пробиваться к солнечному свету. В это-то время в деревнях Франции, потом Германии, а затем и других западных стран началось сильное брожение. Сельская голытьба завершала сборы, готовясь отправиться, по словам хрониста Гвиберта Ножанского, в «добровольное изгнание».

Измученные голодом, войнами и все возраставшими требованиями сеньоров, крестьяне, как замечает другой летописец, «не могли спокойно оставаться в своих домах». За время, истекшее после Клермонского собора, они понаслушались зажигательных речей различных проповедников, призывавших «покаяться в грехах» и двинуться на спасение святого гроба в Иерусалим. А таких проповедников в ту зиму объявилось немало. Хотя выступление Урбана II, по оценке, данной ему полвека спустя другим

римским папой, прозвучало во Франции трубным гласом, раздавшимся с небес, все же одного этого, пусть и авторитетного, гласа было недостаточно, чтобы поднять массу людей на войну с нехристями, какие бы блага она ни сулила.

Для поддержки своего главы католическая церковь мобилизовала множество священников, монахов, юродивых и кликуш. В самые дальние уголки Запада разнесли они весть о Клермонском соборе, о том, что папа провозгласил войну против «неверных» священным долгом всех христиан. Сельские кюре — в своих церквушках, монахи и юродивые — на деревенских и городских площадях скликали местных жителей и пылко увещевали их в том, что настало время отомстить язычникам за поругание палестинских святынь. Народ охотно внимал речам проповедников: сколько бы ни распространялись они о страданиях братьев христиан на Востоке, о поношении турками святых мест и о гонениях, которым подвергаются паломники в Иерусалиме, бедняки усваивали из этих проповедей прежде всего ту главную идею, что надо отправиться в далекие страны, где много плодородных земель и где жизнь будет вольготной; что, исполнив дело, угодное богу — освобождение Святой земли, — они тем самым сбросят с себя тяжкое бремя грехов, а значит, добудут не только лучшую долю, но и посмертное спасение. Призывы церковников и кликуш крестьяне, таким образом, понимали по-своему, переводили на доступный им язык. Не удивительно, что «каждый шел к своим соседям и родичам, увещевая их вступить на стезю господню, как называли тогда ожидаемый поход», — вспоминал впоследствии Гвиберт Ножанский. Особенно возбуждающе действовали на деревенский люд речи некоего французского монаха родом из города Амьена — Петра, по прозвищу «Отшельник», или «Пустынный». Маленького

роста, худощавый, с вытянутым смуглым лицом, в шерстяной накидке до пят, наброшенной прямо на голое тело, с грязными босыми ногами, этот пожилой человек, в молодости — рыцарь, был прямо-таки неутомим. Он появлялся на своем тщедушном осле то в окрестностях Шартра, то в местечках Орлеанэ, то в других районах Северной и Средней Франции. Везде вокруг него собирались толпы голодных селян и безудельных рыцарей, повсюду он обращался к ним с призывами — немедля идти выручать гроб господень из турецкого «полона».

Петр Отшельник, красноречивый оратор, умел задеть за живое и простолюдина, и знатного сеньора. Есть сведения, что он был племянником епископа, во всяком случае — человеком, знакомым с церковной литературой. К тому же, произнося свои речи, Отшельник сам как бы воспламенялся от звуков собственного голоса. Когда он гневно клеймил «неверных», изрыгающих хулу святому гробу, и, потрясая железным распятием, звал «верных» к войне за эту святыню, слушателям чудилось, будто даже глаза монаха загорались необычайным огнем.

Он с жаром повествовал о бедствиях, которые братья по вере якобы претерпевают на Востоке от сельджуков. При этом Петр Пустынный рассказывал, как ему было небесное видение, возвестившее волю всевышнего. Некогда он, Петр, якобы посетил паломником Иерусалим. Однажды, когда он уснул здесь на ступенях у входа в церковь, явился ему во сне ангел и повелел через него, недостойного раба божьего, передать всем христианам наказ господя — покаяться в грехах и отправиться воевать против поганных турок.

На благочестивые выдумки амьенский монах был горазд: как установили позднее ученые, исследовавшие все исторические данные о жизни Петра Отшельника, в Иерусалиме он вовсе никогда и не бывал, хотя в паломничест-

ве действительно участвовал и даже успел покрыться в пути южным загаром. Однако прозябавшие в умственной темноте и падкие до всякого рода священных небылиц крестьяне слушали его, разинув рты. Всем своим обликом, всем своим поведением он вызывал у них доверие к себе. Было известно, что этот монах — не чета жирным епископам и аббатам, обирающим хлебопашцев, как липку. Петр Отшельник изводил себя постами, хлеба почти не ел или ел очень мало, совершенно не употреблял в пищу мяса, довольствуясь лишь рыбой и виноградным вином. Он не владел никаким имуществом, кроме худосочного ослика: монах был так же гол и нищ, как сами сервы.

Тем не менее он щедро сыпал медяками, помогая нуждающимся. Обычно сеньоры не скупилась на мелкую монету для таких проповедников. Подаяние в те времена всячески поощрялось: было принято думать, что нищий — это праведник, подражающий Христу, который согласно евангелиям жил в полной бедности. Неимущие люди ближе-де к Христу, бедняк — это как бы образ самого Христа. Поэтому сеньоры охотно — и сами, и через монахов — подкармливали нищих в расчете на то, что таким легким способом сумеют, заслужив благоволение божье, спасти свою душу на «том свете». Жертвовали они немалые суммы и Петру Отшельнику. Помимо душеспасительных целей сеньорами руководило и другое не менее важное побуждение: ведь проповедуя покаяние и призывая идти походом в Палестину, он и ему подобные аскеты отвлекали гнев народа от феодалов, заставляли хлебопашцев верить, будто во всех их бедах виноваты они сами, их прегрешения перед господом. Однако усталым от голодовок земледельцам Северной и Средней Франции, где Петр Отшельник главным образом вел проповедь, источники его щедрости, а уж тем паче ее мотивы были невдомек. Этим людям, вдоволь натерпев-

шимся от поборов, насилий, нужды, он казался настоящим пророком, ниспосланным свыше.

Бедняки, тайне лелеявшие мечту обрести землю и волю в заморских странах, жадно ловили каждое его слово. Когда Петр Пустынный взбирался на своего осла и уезжал в другое село, слушатели стремглав бросались ему вслед, хватали его за полы одежды, а иные «выдергивали шерсть из его осла», чтобы оставить ее себе на память в качестве талисмана или реликвии: осел принадлежал как-никак святому лицу, чьи помыслы целиком были устремлены к одному только божественному!

«Вот этот-то человек,— повествует уже знакомый нам Гвиберт Ножанский,— собрав многочисленное воинство, увлеченное отчасти общим порывом, а отчасти его проповедями», и выступил одним из вожakov крестового похода сельской бедноты.

«Отвага бедняков возгорелась великим рвением»

Речи Петра Отшельника и прочих проповедников распалили религиозный фанатизм в народе, вселили в бедноту надежды на лучшее будущее. Притеснения сеньоров сделали жизнь совершенно невыносимой. Кто знает, какой урожай родится на полях этим летом? Не придется ли снова мыкаться, как в прежние годы, из-за жалкой мерки зерна для семьи и корма для скотины? Ободренные речами фанатиков, крестьяне стали спешно готовиться в дорогу: точили топоры и двурогие вилы, вырезали в лесу дубины покрепче, прилаживали оси и спицы своих двухколесных тележек, а главное, старались запастись провизией и деньгами. Думалось, что много и не потребуется: римский папа сказал же, будто дорога в Иерусалим кратка. Лишь бы добраться до этого земного рая, а уж там не придется заботиться о хлебе насущном. Да

и уходить следовало по возможности скорее: ведь сеньоры тоже собирались на священную войну, а с ними сервам было не по пути. Надо было их опередить.

Современные событиям хронисты скупыми, но выразительными штрихами рисуют картину недолгих и протекавших в какой-то лихорадке сборов деревенских жителей: на скорую руку и по дешевке распродавалось все имущество, не нужное в походе, и столь же поспешно, но, увы, дорого покупалось все, необходимое в пути. Никто не заботился, рассказывает Гвиберт из Нождана, своими глазами наблюдавший такие сцены, о надлежащей распродаже домов, виноградников... «Каждый, стараясь всеми средствами собрать сколько-нибудь денег, продавал как будто все, что имел, не по стоимости, а по цене, назначенной покупателями», — лишь бы не вступить последним на стезю господню. За одну овцу, свидетельствует этот аббат, раньше давали больше, чем теперь за 12 овец! Сбыв за гроши, что можно было, крестьяне вместе с семьями второпях бросали свои лачуги и, напив кресты на грудь, пускались в святое паломничество.

С середины марта 1096 года дороги Северо-Восточной Франции и прирейнских областей Германии заполнили тысячные толпы первых крестоносцев-бедняков. Они двинулись в путь из разных мест, двинулись стихийно, выступив в разное время, и вскоре также стихийно соединились в пять или шесть больших отрядов. В каждом насчитывалось примерно от 6 до 15 тысяч человек — мужчин, женщин, детей. Всего, таким образом, в бедняцком походе участвовало около 60—70 тысяч народу. Это были люди, которых отчаяние и нужда сделали жертвами религиозного опьянения. Некоторые были до того возбуждены фанатичными проповедями церковников, что даже выжидали кресты у себя на руках или на груди. Разум таких бедняков помутился. Им мерещилась всякая невидаль:

«небесные знамения» и «откровения» звали их в «землю обетованную». А «божьем знамением» считались и молния, разбившая столетний дуб, и комета, промелькнувшая на ночном небосклоне, и чума, истребившая полдеревни в течение нескольких дней. Многим крестовый поход казался «делом не человеческим, а божьим», как считал монах-летописец Роберт Реймский.

Несмотря на свои религиозные знамена и окраску, поход бедняков, по существу, был антифеодальным, освободительным движением. Участники его стремились избавиться — и как можно скорее — от ига ненавистных господ. О том, что это предприятие было враждебно феодалам, понимали или, вернее, догадывались некоторые наиболее проникательные современники. Немецкий монах Эккехард из Ауры, писавший по свежим следам событий, подчеркивал, что выступление бедноты, мол, не было истинным крестовым походом: нужно, назидательно замечал он, «отделять высевки от пшеничной муки». Полвека спустя видный церковный деятель аббат Бернар Клервосский прямо назовет бедняцкий поход ужасным примером «ложного крестового похода». Конечно, церковникам, озабоченным прежде всего делами рыцарства, князей, светских и духовных, аббатам, служившим интересам крупного землевладения, движение бедноты представлялось не настоящим, а фальшивым крестовым походом: ведь крестьяне-крестоносцы, отправляясь на Восток, в первую очередь мечтали о том, чтобы сбросить цепи крепостной неволи, хотя по внешности и выступали под теми же религиозными лозунгами, которые чуть позже будут воодушевлять рыцарство. Недаром церковная знать, в том числе и сам папа Урбан II, увидев, какие огромные размеры принял весной 1096 года «исход» крестьян, и опасаясь, как бы феодальные поместья не остались без рабочих рук, пыталась задержать бедняков дома: их

увещевали остаться, говоря, что они, мол, не умеют владеть оружием и что, беря с собой семьи, лишь затрудняют дело победы над «неверными». Церковники постановили, чтобы миряне не пускались в святое паломничество иначе как с благословения священника. Настоятеля монастырей особенно упирали на долги крестьян: нельзя-де уходить, не расквитавшись со своими «благодетелями», то есть монастырями.

Никакие уговоры, однако, не действовали: обездоленные сервы рвались к земле и свободе с такой силой, что удержать их было невозможно: «отвага бедняков воспламенилась... великим рвением», — писал в связи с этим Гвиберт Ножанский.

«И заполнили все дороги»

«Общий порыв увлек их, и они заполнили все дороги», — рассказывает византийская царица Анна Комнина о первых крестовосцах. И действительно, вереницы мужицких обозов потянулись по дорогам, проторенным паломниками на Восток. Сперва шли к границе Германской империи — широкому Рейну, затем направлялись вдоль берегов этой реки, против ее течения — на юг, по «поповской дороге» (так прозвали в те времена Рейн, потому что на обоих его берегах располагались владения самых крупных немецких церковных князей — архиепископства Кельнское, Трирское и прочие). Путь длился несколько недель. В конце апреля — начале мая крестовосцы сворачивали к другой большой реке — Дунаю и следовали через земли венгров и болгар, а потом Византийской империи — к Константинополю.

Тот, кто со стороны взглянул бы на этих первых крестовосцев, сразу увидел бы, что это не войско, а скорее беспорядочное скопище переселенцев, которое являло

весьма пестрый вид. Кто шел пешком, в холщовых онучах, перекрученных лыком или бечевкой, и деревянных башмаках, кто ехал на небольших тележках, запряженных быками, — их подковывали, как лошадей. Вместе со взрослыми находились и малые детишки, которые каждый раз, когда отряд приближался к какому-нибудь замку или городу, тоскливо спрашивали у родителей, «не Иерусалим ли это, к которому они стремятся». Между повозками блеяли козы, слышалось мычание коров и повизгивание свиней — это брел «живой запас провизии», который, впрочем, очень скоро иссяк.

На тележки был погружен скудный крестьянский скарб, а также тряпье, которым во время ночных остановок укутывали детей и самих себя. Одеты были эти крестоносцы тоже не как воины, а обычно, по-крестьянски; на голове — полукруглый или удлинненный шерстяной колпак; на плечах немногих — серые кафтаны из грубой шерсти. Большинство же было в длинных, перевязанных кушаком домотканых рубахах и таких же штанах.

И оружие деревенских крестоносцев было своим, привычным: косы, двурогие вилы, топоры, ножи на толстых деревянных рукоятках, иногда — массивные суковатые дубины или охотничьи рогатины. Анна Комнина презрительно назовет впоследствии отряды этих крестоносцев «безоружными толпами», а латинские хронисты, иные из которых собственными глазами видели обозы бедноты, — «босым и оборванным народом».

Крестьянское воинство не имело никакой организации и порядка. У бедняков не было командиров в строгом смысле слова, отсутствовала сколько-нибудь твердая дисциплина. «Они шли без головы», — напишет позднее о первых крестоносцах архиепископ-хронист Гийом из сирийского города Тира. А другой хронист, лотаринжец Альберт Аахенский, расскажет, что впереди одного отряда шество-

вали гусь и коза, почитавшиеся крестьянами как священные животные, «проникнутые божественным духом». Для каноника из Аахена, преданного служителя церкви, гусь и коза, считавшиеся вожжами божьего предприятия, — «омерзительное преступление» черни, «глупого и сумасбродного пешего скопища». Хронист негодует против впавших в «языческое заблуждение», которые нравами «сами подобны животным», коль скоро полагают, будто «господь Иисус хотел, чтобы гроб его святейшего тела посещался грубыми, неразумными тварями и будто бы повелел содеять их предводителями тех христианских душ, которые сам удостоил искупить своей драгоценной кровью и омыть от грязи идолопоклонства». Праведное возмущение Альберта Аахенского легко объяснимо: в религиозных представлениях крестьянства переплетались и христианские, и языческие верования, в том числе культ домашних животных. Причем этот культ был как бы выражением стихийного протеста против официальной церковно-феодальной идеологии, которая освящала классовое неравенство и классовое угнетение.

Бедняки хотя и воспринимали церковные воззрения, но приспособляли их к пережиткам языческого «идолопоклонства», переосмысляя на свой лад официальную программу крестового похода. Сервы тронулись в путь как будто бы для того, чтобы вырвать Иерусалим из рук «неверных»; подспудно, однако, — и эти-то подспудные чаяния символизировали гусь и коза, мистические предводители отряда крестьян, — они несли в своих сердцах приверженность к старым, докрепостническим порядкам, которые, как хлебопашцы смутно надеялись, быть может, вновь вернуться в «землю обетованную», когда войны христовы свершат там свой предудказанный господом ратный подвиг.

Среди многоголосой толпы деревенских бедняков резко

выделялись небольшие группы настоящих воинов, статно восседавших на конях и вооруженных по-рыцарски. Хроники сохранили нам их имена: граф Ламберт Бедняк, все достояние которого заключалось в единственной лошади; виконт-разбойник Гийом Шарпантье (по-французски — «плотник»: прозвище происходит оттого, что он наносил своим мечом мощные удары, подобные ударам плотницкого топора); Готье Неимуций — это были французские рыцари; граф Эмих Лейнингенский, рыцарь Гуго Тюбингенский и другие — из немецких земель. Всего таких титулованных воинов, примкнувших к крестьянам, было несколько сот человек — из числа тех, кому не терпелось пустить в ход свои мечи и копья. Поэтому они и не стали дожидаться, пока в поход соберутся главные силы рыцарства, а пошли с «черной костью». К тому же эти нищие графы и виконты рассчитывали воспользоваться численностью и силой крестьян в собственных, захватнических целях.

Однако крестьяне старались отделаться от непрошенных попутчиков. Они не желали иметь с рыцарями ничего общего, тем более что графы и виконты стремились замять положение военных предводителей в крестьянских ополчениях.

«Стали добычей мечей»

Поход крестьянской бедноты продолжался немногим более полугода. Уже на европейской территории крестоносцы начали разбойничать и заниматься грабежами. Рыцарям, попутчикам сельской бедноты, этот промысел был привычен. Крестьяне же часто вынуждены были силой добывать продовольствие у местного населения, ибо запасы продуктов быстро истощились, скот был перерезан, а мешочки с мелкой монетой, которые бедняки береж-

но хранили за пазухой, тоже опустели, — покупать съестное стало не на что. Кроме того, по пути к крестьянским отрядам примкнуло много всякого сброда: тут были профессиональные воры, убийцы и иные преступники, сумевшие избежать наказания. Этим людям крестовый поход вообще служил лишь удобным предлогом для грабежей.

В немецких и чешских городах крестоносцы учинили жестокие еврейские погромы. Фанатичным ратникам креста, преисполненным иступленной враждебности к любым иноверцам, евреи представлялись такими же «врагами господ», как и мусульмане: ведь некогда именно суд еврейских священнослужителей (синедрион), внушали народу церковники, приговорил сына божьего Иисуса Христа к смертной казни через распятие. О том, что сам Иисус, согласно евангельскому рассказу, тоже был евреем, невежественный крестоносный люд (мало кто из этих воинов знал хотя бы начатки грамоты), конечно, и не ведал.

Именно со времени первого крестового похода, кстати сказать, еврейские погромы стали все чаще практиковаться в Европе: они на столетия сделались средством, с помощью которого господствующий класс отвлекал внимание угнетенных низов от подлинных причин их страданий.

Проходя городами и местечками Венгрии, крестоносцы также вели себя как отъявленные мародеры: по двое, по трое и целыми шайками вламывались они в дома, набивали мешки и сумки всякой снедью и, произведя вдобавок погром, спешили дальше. Венгерский король Коломан говорил позднее, что крестоносцы «воздали нам злом за добро»: «хотя мы предоставили им право покупать по стоимости и весу и разрешили мирно идти через венгерскую землю», они «награбили в нашей стране золото и серебро, увели коней, и мулов, и всякий скот», убили

около четырех тысяч человек, «отняв у них имущество и одежду». Примерно то же самое повторилось в Болгарии, находившейся тогда под властью Византии. Прослышав о приближении крестоносцев, болгары нередко покидали города и села — в войнах христовых они видели грабителей и разбойников. Так, в одном из болгарских селений 7-тысячный отряд Петра Пустынника, как о том рассказывает Альберт Аахенский, вообще не обнаружил ни людей, ни какого-либо имущества; крестоносцам пришлось терпеть здесь нужду — не нашлось никого, кто бы продал или предложил им что-нибудь. В конце концов горожане и власти вынуждены были принять ответные меры против бесчинствовавших пришельцев. Крестоносцев, которые, увлекшись грабежами, отставали от своих, хватали, избивали, а то и сжигали живьем или вешали прямо на городских стенах, чтобы остальным неповадно было повторять их «геройские подвиги». В Софии византийские послы передали отряду Петра Пустынника повеление Алексея Комнина, запрещавшее крестоносцам останавливаться где-либо на срок свыше трех дней, поскольку, как заявили послы их вожаку от имени василевса, «в его государстве твое войско производило грабежи и беспорядки».

В Венгрии и Болгарии произошли ожесточенные стычки с местным населением и войсками. Для разрозненных и плохо вооруженных воинов божьих такие столкновения оканчивались, как правило, плачевно. Из пяти-шести крупных отрядов три были либо полностью истреблены, либо рассеяны. Таким образом, здесь погибло до 30 тысяч человек, то есть чуть ли не половина крестоносцев. Однажды венгры, уничтожив большой отряд воинов христовых, побросали их тела в Дунай в таком числе, что, по словам Альберта Аахенского, воды этой реки побагровели от крови.

А летом 1096 года, когда крестоносцы вступили в пределы Византии, им пришлось столкнуться уже с войсками самого василевса. Разведав через лазутчиков, что, как пишет Анна Комнина, «все племена варваров, сколько их есть по ту сторону Адриатики, вплоть до Геркулесовых столпов, двинулись в путь целыми семьями и прошли всю Европу», Алексей I приказал своим военачальникам «следовать и наблюдать за варварами и, если они станут нападать и грабить близлежащие земли, обстреливать и отгонять их отряды». Греки, выполняя императорский приказ, причинили крестьянскому воинству немалый урон.

В жаркие июльские дни сильно потрепанные и поредевшие в числе крестьянские отряды добрались до византийской столицы. Фактически их единственным вожаком к этому времени остался Петр Отшельник.

Появление «босого и оборванного народа» у стен Константинополя не сулило византийскому правительству ничего доброго. Впустить в город этих оборванцев было просто опасно. Они уже раньше выказали свой грабительский нрав. Да и в предместьях Константинополя воины христовы продолжали бесчинствовать: разоряли сады и виноградники, поджигали дворцовые постройки, устраивали из-за пустяка драки с греками и даже, позабыв о своей высокой миссии спасителей христианских святынь, врывались в церкви и монастыри, растаскивали хранившиеся здесь драгоценности.

Однако ссориться с авангардом крестоносцев византийские власти тоже считали ненужным: при константинопольском дворе вынашивались далеко идущие планы насчет того, как поступить с западными варварами к выгоде империи. Монаха Петра Алексей Комнин даже принял во дворце, о чем подробно повествует, основываясь на рассказах своего отца, Анна Комнина. Алексей I

порекомендовал Петру Пустыннику «дождаться прихода остальных графов», но тот не внял совету. Греки пробовали было утихомирить крестоносцев силой и уговорами, удержать их от грабежей. Тщетно! Ко всему этому нужно было еще и прокормить многотысячную ораву беспокойных пришельцев.

Тогда, не видя другого выхода, император отдал распоряжение срочно предоставить крестоносцам суда для переправы через Босфор — это давало возможность, по крайней мере, избавить столицу от опасных гостей. Таким образом, крестоносцы не пробыли близ Константинополя и недели. На барках и лодках их перевезли на азиатский берег и разместили лагерем в пустовавшем укреплении, которое за несколько месяцев до того было выстроено неподалеку от города Еленополя для англосаксонских военных наемников (по-гречески оно называлось Циботус, а европейцы именовали его Цивитотом). Однако и здесь воинам Петра Отшельника не сиделось. Им чудилась близкая земля Иерусалимская — молочные реки и кисельные берега.

Начались рискованные вылазки против сельджуков в окрестности Циботуса. А спустя еще некоторое время орды крестоносцев, среди которых пронесся неясный слух, будто какой-то из их отрядов уже успел пожить-ся в Никее, устремились в направлении столицы сельджукского султана (Циботус находился примерно в 37 километрах от нее). Ораторские таланты Петра Отшельника оказались бессильными остановить воинов христовых. Махнув рукой на своих «подначальных», аменьский монах с горсткой бедняков предпочел вернуться в Константинополь.

Сельджукская разведка была прекрасно осведомлена о том, что происходит в стане крестоносцев в Циботусе и что собой представляют сами эти воины. Соответствующ-

щие сведения своевременно сообщались султану Кылыч-Арслану. В узкой пустынной долине между Никеей и селением Дракон сельджуки устроили засаду. В нее-то и попалась гольтьба, неудержимо рвавшаяся вперед, по словам византийской писательницы, «неправильным строем». 21 октября тучи стрел неожиданно посыпались на крестоносцев со склонов гор, из лесной чащи... Вслед за тем сельджукская конница атаковала в лоб крестьянское войско. Острые кривые клинки сельджуков, врезавшихся в беспорядочные толпы крестоносцев, рубили их направо и налево. Преследуемые сельджуками «божьи бедняки» пустились в бегство — назад, к Циботусу.

Часть их сумела спастись от преследователей: одни бежали к морю, другие укрылись в лесах, но таких счастливых оказалось не более трех тысяч. Погибло же в этот день до 25 тысяч человек.

Крестьяне, ринувшиеся на Восток по призыву церкви, не добрались до конечной цели похода — им не довелось узреть желанного Иерусалима. По выражению царевны Анны, «все они стали добычей мечей». Таков был первый результат крестового похода католической церкви.

Движение бедноты и его финал оказались совсем не такими, на которые рассчитывала церковная иерархия. Духовные вожди сеньоров и рыцарей отнюдь не собирались, как мы уже знаем, подымать массы крепостных крестьян и уводить их из Европы — это могло причинить ущерб сеньорам, чьи интересы представляла и защищала своими средствами католическая церковь. Организуя крестовый поход, папство добивалось удовлетворения именно нужд феодалов. Дальнейшие события тоже во многом пошли вразрез с первоначальными намерениями римских первосвященников. Однако первые и самые тяжелые жертвы от папского похода понес простой народ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

За гроб господень?

«И на плечах у них были красные кресты»

В то время как деревенские бедняки устремлялись навстречу своей гибели, феодалы еще только готовились к крестовому походу. Ведь по решению Клермонского собора он должен был начаться лишь 15 августа 1096 года. Сеньоры собирались на войну не столь скоропалительно, как простонародье. Предстояла большая и, возможно, длительная кампания, и подготовиться к ней нужно было основательно: обновить оружие и доспехи, поднакопить денег, которые могли понадобится в пути. И сеньоры старались добыть их, где и как только возможно. Тот с крайней придирчивостью взимал платежи и недоимки со своих крестьян; этот усерднее, чем раньше, совершал разбойничьи налеты на соседей. Одни, отдавая в залог замки и поместья, договаривались с аббатами и епископами, чтобы они ссудили их деньгами для «божьего дела»; другие и вовсе распродавали свои деревни, уголья, мельницы, сады. Церковники, пользуясь выгодной ситуацией, охотно скупали владения у знатных рыцарей.

В августе — октябре 1096 года, после того как был убран урожай, главные силы крестоносцев — рыцарство, бароны и князья — выступили на священную войну. С сеньорами шла челядь — слуги и оруженосцы. За феодалами увязался и «босой и оборванный народ» — сельская голытьба, те, кто не успел влиться в «первую волну» бедняцкого движения. Они отправлялись пешком. Именно рыцарство составляло основное боевое ядро этих ополчений.

Крестоносцы, становившиеся теперь на стезю господню, не были беспорядочным скопищем переселенцев. На Восток двинулись хорошо вооруженные, тщательно экипированные и относительно организованные воины. У каждого рыцаря имелся длинный меч с обоюдоострым стальным клинком и деревянное копьё с железным наконечником в виде ромба (длина копьё обычно достигала двух с лишним метров). Для защиты от стрел и копий врага служил выгнутый — круглый или в форме вытянутого треугольника (почти в рост человека) — щит с металлическими пластинками на обтянутом кожей остове. Рыцарь держал такой щит левой рукой, и он прикрывал все его туловище.

Помимо того, на исподнее, под кафтан, с пришитым к нему знаком креста из красной материи, надевалась кольчуга — защитная рубашка из маленьких, густо переплетенных металлических колечек. Иногда колечки связывались в два слоя (двойная кольчуга). Сверху кольчуга доходила до подбородка, снизу спускалась до колен. Она не стесняла рыцаря в движениях и в то же время, плотно облекая тело, служила ему дополнительной (к щиту) «броней». Стоили кольчуги дорого, и потому они были далеко не у всех рыцарей. Большинство закрывало верхнюю часть тела легким, но прочным металлическим панцирем или латами. На голову надевался шлем, полукруг-

лый или похожий на низкий цилиндр, с сеткой для лица и с щелями-прорезями для глаз. Такой шлем надежно предохранял голову от ударов. Ноги также были защищены кожаными наколенниками и железными пластинками, доходившими до самой щиколотки, — понджами.

Оружие и доспехи брали с запасом. Целые обозы воинского имущества и снаряжения передвигались вместе с рыцарской конницей. Здесь же, в обозах, под ворохом кольчуг, панцирей, тяжелых секир (они нужны были для пешего боя), помещались и ларцы с золотыми и серебряными монетами. Их бдительно охраняли наиболее верные слуги. Рыцари победнее довольствовались мешочками с деньгами, вшитыми в пояс, к которому прикреплялись ножны меча.

Между обозными упряжками — их тащили лошади или волы — резвились своры борзых собак, а в самих повозках, рядом с военным снаряжением, пристроились клетки о железных прутьях. Оттуда слышалось клекотание птиц с острыми крючковатыми клювами — это были соколы. Снаряжаясь на войну, феодалы не забыли о привычных забавах и удовольствиях: они прихватили с собой и соколов, и собак, и все остальное, нужное для охоты. Святыни святынями, а почему бы не пострелять в пути дичь, а то и лесного зверя?

Рыцарские дружины, пустившиеся в дорогу, казалось

Крестоносец (барельеф, XII в.).

бы, с одной и той же целью, не образовывали, однако, единой армии. У рыцарей разных стран и областей не было ни общего плана действий, ни единого верховного командования. Каждое ополчение вначале шло своей дорогой, не имея сведений о местонахождении и маршруте других. Все знали только одно: надо собраться в Константинополе, а уж оттуда идти походом дальше, к священному граду Иерусалиму. Ополчения были неодинаковыми по численности: некоторые насчитывали по несколько тысяч рыцарей (к ним примыкали десятки тысяч пешего люда), иные были поменьше, третьи состояли всего-навсего из сотни-другой воинов. Каждый рыцарский отряд имел своего предводителя — сеньора, возглавлявшего собственных вассалов, а через них и субвассалов. Авторы средневековых хроник и анналов, западных и восточных, не только сохранили нам имена этих предводителей, но и рассказали, с разной степенью полноты и правдивости, о причинах, побудивших их принять участие в священной войне. Сопоставляя сообщения летописцев со скупymi сведениями документальных источников (купчих и закладных грамот, поместных описей), с данными переписки, мы можем себе представить облик главарей крестовосцев.

Вот, например, герцог Нижней Лотарингии Годфруа IV, предводитель лотарингского ополчения, именуемый обычно Готфридом Бульонским, 36 лет, высокий, статный, широкоплечий, со светло-русой бородой и голубыми глазами. Он отправился в поход одним из первых — в августе 1096 года. Генуэзский хронист Каффаро ди Каскифелоне рассказывает, что в свое время владетель арденнского замка Бульон (отсюда прозвище), возвращаясь из святого паломничества, был якобы избит «неверными», после чего будто бы и решил сделаться крестовосцем. Рассказ хрониста — лишь одна из тех многочис-

ленных легенд, которые впоследствии окружили имя Годффрау Бульонского, рисовавшегося потомкам главным героем крестового похода. Летописи, сказания, поэмы о войне за Иерусалим, сложившиеся десятки лет спустя по ее окончании, на все лады воспевали отвагу достойного герцога и особенно его благочестие: он выстаивал в молитвах по многу часов кряду. Во всех этих произведениях мотивы, заставившие Годффрау IV взять крест, представлялись примерно одинаково: в крестовый поход герцога Лотарингского увлекло исключительно его религиозное рвение. Он «покинул свою землю и сородичей не для завоеваний,— читаем у Альберта Аахенского (как раз от этого лотарингского хрониста и пошло прославление Годффрау Бульонского),— а предпринял поход в Иерусалим ради Христа».

В действительности дело обстояло не совсем так. Хотя этот феодал носил пышный герцогский титул и кичился своей родословной, восходившей чуть ли не к Карлу Великому, он был небогат, да и в тех немногих владениях, которые ему принадлежали, не являлся полновластным государем: Годффрау IV находился в вассальной зависимости от германского императора и жаждал освободиться от нее. Война за гроб господень давала для этого прекрасный повод.

Чтобы собрать деньги на поход, герцогу пришлось заложить родовой замок Бульон (и две мельницы в придачу) епископу Льежскому за 1300 (по другим сведениям — за 1500) марок серебром. Этой суммы оказалось, видимо, мало. Едва только лотарингское ополчение прибыло в Кёльн, а затем в Майнц, как сей воин божий поспешил ограбить здешних евреев, вынудив их заплатить ему 1000 марок. Впрочем, ему было все равно кого грабить — иноверцев ли, своих ли. Годффрау Бульонский занимался систематически вымогательствами у близлежащих к его

замку монастырей. Только перед самым началом священной войны он преподнес монашеской братии ценные подарки: неудобно было облачаться в одежду крестоносца, имея репутацию расхитителя монастырских богатств.

А вот другой вождь крестоносцев и один из главных организаторов всей иерусалимской авантюры — граф Раймунд IV Тулузский, возглавивший в октябре 1096 года большое войско из Южной Франции. Ему было за пятьдесят, однако он отличался завидным здоровьем. Человек в высшей степени упрямый и честолюбивый, в походе граф постоянно ссорился с другими князьями и с самого начала претендовал на роль предводителя всего крестового воинства.

Сирийский летописец XII века утверждает, будто крестовый поход возник следующим образом: некий князь по имени Сеншиль, совершавший паломничество в Иерусалим, не поладил со стражником у ворот этого города. В стычке Сеншилю выбили глаз. Озлобленный князь по возвращении на родину стал склонять рыцарей к тому, чтобы пойти войной за Святую землю. В подтверждение необходимости такой войны он демонстрировал всем свой глаз, потерянный в результате коварства «неверных». Сеншиль — искаженное французское Сен-Жилль, а Раймунда Тулузского часто именовали графом Сен-Жилль — по названию его главного замка. Самый же рассказ хрониста — легенда вроде той, которую передавали о Годфруа Бульонском. И смысл ее опять-таки апологетичен: показать, что мотивы отправления Раймунда Тулузского в поход были якобы исключительно религиозного свойства.

Раймунд IV являлся одним из крупнейших феодальных сеньоров не только Франции, но и всей Южной Европы. В изображении сопровождавшего его на Восток духовника граф выступает центральной фигурой священной

войны, непосредственным исполнителем божественных предначертаний. Тем не менее графский исповедник, на долю которого выпала и миссия историка, не в состоянии умолчать об алчности и честолюбии своего героя — они были поистине беспредельны. Еще папа Григорий VII, замышлявший поставить под начало апостольского престола Византийскую империю, возлагал надежды на этого князя. Война «в защиту» Константинополя, как мы уже говорили, тогда не состоялась. Позже граф Сен-Жилль бился против «неверных» на Пиренейском полуострове — в расчете, что удастся расширить свои владения если не во Франции, то в Испании. Однако и тут его постигла неудача. Все это лишь распалило аппетиты Раймунда IV. Особенно его соблазняла мысль, что в случае успешной войны в Палестине можно будет подчинить торговые города восточного побережья Средиземного моря, с которыми связаны торговлей подвластные ему порты Южной Франции. Если бы удалось осуществить этот замысел — сколько бы золота полилось в графскую казну от пошлин с товаров, отправляемых с Запада на Восток и с Востока на Запад!

Таковы были главные соображения, которые побудили Раймунда Тулузского встать на стезю господню. Разумеется, будучи человеком своего времени, он воздавал также должное религии и церкви, но в первую очередь действовал как алчный феодальный захватчик. Примечательно, что Раймунд раньше всех других французских сеньоров нашел общий язык с Урбаном II: направляясь в Клермон, папа встретился с графом в замке Сен-Жилль. Там-то они заблаговременно договорились, что граф подаст пример феодалам, изъявив готовность к крестовому походу, как только папа провозгласит его.

Явственное стремление обосноваться государем в заморских землях отличало и предводителя небольшого, но

хорошо вооруженного и сравнительно дисциплинированного норманнского ополчения из Южной Италии — князя Боэмунда Тарентского. Его живописный портрет сохранила Анна Комнина, которая в юности имела не один случай видеть и слышать князя, встречавшегося с ее отцом, императором Алексеем I, в его константинопольском дворце. Высокотелого роста, румяный, стройный, как молодой человек, несмотря на свои совсем уже не юные лета, Боэмунд даже внешне выделялся среди других вождей крестоносцев (Анна всех их называет «графами»). Он носил короткие волосы, что не было принято у рыцарей, и в отличие от прочих бородатых «графов» регулярно брился. В его чертах, замечает Анна Комнина, сквозило что-то жестокое, и даже улыбка была какой-то мрачной... Боэмунд действительно был самым коварным из предводителей крестоносцев и вместе с тем самым алчным из них. Он умел, как никто другой, скрывать свои истинные намерения, а в них вовсе не было ничего общего с религией — они имели чисто завоевательный характер.

Боэмунд родился от первого брака знаменитого норманнского вождя Роберта Гвискара, во главе с которым дружины скандинавских рыцарей, овладевших когда-то полуостровом на северо-западе Франции (Нормандией), прочно обосновались в XI веке в плодородных долинах Южной Италии. Сын провел с ним не одну военную кампанию в Италии и в особенности в Византии. Однако затем отец поддался настойчивым уговорам второй жены и почти все свои земли, поместья и города, так же как и герцогский титул, оставил в наследство сыну от этой новой супруги, а Боэмунду завещал лишь скромное княжество Тарент. Обделенный наследник ничего не желал так страстно, как добыть для себя владения и власть, чтобы они обеспечивали ему, доблестному сыну Роберта Гвискара, престиж и доходы, по крайней мере, не меньшие, чем те,

которые достались его сводному брату. Достигнуть этого можно было только оружием — завоевать земли и основать в них собственное государство. Анна Комнина выразительно пишет о нем: «Не владея никакими землями, он покинул родину для вида — ради поклонения гробу господню, на самом деле — чтобы добыть себе владения».

Боэмунд давно и по праву считался закоренелым врагом Византии. В войнах с ней норманны Южной Италии понесли в конечном счете поражение. Правда, это случилось почти полтора десятка лет назад, но старое не было забыто Боэмундом. Враждебно настроенная по отношению к нему, Анна Комнина, конечно, впадает в преувеличение, утверждая, будто князь Тарентский и на Восток-то двинулся лишь для того, чтобы отомстить ее отцу за прежние обиды, будто он замыслил только «лишить самодержца власти и овладеть столицей» (то есть Константинополем). Это не вполне соответствует действительности, но нет сомнений, что враждебные Византии намерения не чужды были Боэмунду. Он всегда помнил завещание своего отца, где, по словам нормандского хрониста Ордерика Виталия, говорилось: «Константинополем владеет изнеженный народ, который живет только ради собственных удовольствий и предается порокам. Поэтому я решил, коли это будет угодно богу, подчинить его при помощи моих католических воинов».

Выступая в крестовый поход, Боэмунд, по-видимому, намеревался — об этом пишут и некоторые западные хронисты — отнять у Византии территории, завоеванные им некогда на Балканах вместе с Робертом Гвискарсом (земли от Драча до Солуни). Однако у Боэмунда имелась и иная цель. Его тоже привлекал Восток, и отчасти по тем же соображениям, что и графа Сен-Жилля: добыв себе там княжество, можно было бы наложить железную руку на юж-

ноитальянских купцов, давно уже богатевших на торговле с Сирией и Палестиной.

Боэмунд Тарентский являлся наиболее одаренным из вождей крестоносцев: ловкий дипломат, не стеснявшийся в выборе средств для достижения своих целей, он был, по словам Анны Комниной, «очень находчив в любых обстоятельствах, а подлостью и бесстрашием настолько превосходил всех прошедших через нашу страну латинян, насколько уступал им в количестве войска и денег».

Среди предводителей особое место занимал епископ Адемар из южнофранцузского города Пюи: Урбан II уполномочил его быть духовным главой всего войска крестоносцев. Этот священнослужитель отличался не только дипломатическим тактом, трезвостью суждений и умением внушительными речами сдерживать рвение непомерно горячих голов, но и обладал военными способностями. Он происходил из графского рода Валентинуа и у себя на родине, несмотря на высокий духовный сан, нередко сменял епископский посох на рыцарский меч, чтобы защитить свои владения от соседних феодалов. Епископ Пюи был «ловок в седле», как пишет о нем хронист, и неплохо владел оружием. В крестовый поход он выступил представителем (легатом) папы римского и в то же время во главе целой дружины собственных вассалов-рыцарей.

Разными путями — одни «поповской дорогой» (вдоль Рейна), другие через Италию, третьи морем — направились крестоносные ополчения к своему сборному пункту — Константинополю. Рыцарей было, пишет Анна Комнина, «больше, чем песка на берегу и звезд в небе, и на плечах у них были красные кресты», но, добавляет она, князья, подобные Боэмунду, «обманывали простодушных людей, прикидываясь, что отправляются против турок мстить за гроб господень». На уме у них были прежде всего захваты и грабежи.

Крестоносцы в Константинополе

Первые отряды рыцарских войск начали подтягиваться к византийской столице зимой 1096/97 года. Раньше других, в декабре 1096 года, увидели ее высокие стены и крепостные башни крестоносцы Годфруа Бульонского. В апреле 1097 года к городу стали подходить норманны под командованием Боэмунда Тарентского, провансальцы, возглавляемые Раймундом Тулузским, и прочие ополчения. Однако еще задолго до этого в Константинополь пришли вести, что на Восток двинулся «весь Запад»;— так писала позднее Анна Комнина, двинулись «все племена варваров, сколько их есть по ту сторону Адриатики вплоть до Геркулесовых столпов».

О продвижении этих «варваров» с крестами на кафтане императору доносили чиновники, управлявшие городами и фемами (военно-административные округа империи) Балканского полуострова, через которые лежал путь крестоносцев. Донесения были весьма тревожными. Бесчисленная рать латинян шла с намерениями, явно враждебными Византии, подвергая местное население грабегам и насилию. Сперва сербам, затем болгарам и грекам пришлось испытать на себе их бесчинства. Крестьяне, спасаясь, бежали из деревень. Они забивали скот, уничтожали запасы продовольствия,— лишь бы ничего не досталось пришельцам. Подчас население вступало в борьбу с вооруженными крестоносными бандами.

Разъяренные тем, что местные жители не желают ни продавать им продукты питания, ни давать проводников, крестоносцы вели себя совсем не по-рыцарски и уж никак не по-христиански. Граф Сен-Жиль в Славонии (Далматии) изощренно издевался над пленниками: далматинцам (их было шестеро), захваченным однажды провансальцами, он приказал, как хладнокровно повествует его капел-

лан-хронист, «одним — выколоть глаза, другим — отрубить ноги, у третьих — отрезать носы и руки». Дикий грабеж учинили рыцари Раймунда Тулузского во фракийских городах Руссе и Редесто: они ворвались сюда с громким воплем, служившим боевым кличем: «Тулуза, Тулуза!» — и дочиста ограбили всех ремесленников и купцов. Воины Боэмунда Тарентского сожгли в болгарской земле Пелагонию, предварительно разорив ее жителей. Крестоносцы захватывали и уничтожали целые города на византийской территории.

Все это серьезно беспокоило правящие круги Константинополя. Несколько лет назад Алексей I молил западных князей и самого папу римского о помощи против сельджуков. Эти тяжелые времена прошли. Византия окрепла и в помощи более не нуждалась. Да, судя по всему, крестоносцы и не собирались оказывать ее. Напротив, они идут на Восток как завоеватели и, кажется, вовсе не намереваются считаться с интересами Греческого царства.

Особенно встревожило Алексея Комнина одно донесение. Ему передали, что князь Боэмунд Тарентский, старинный враг Византии, пробует завязать переговоры с герцогом Годфруа Бульонским о совместной войне против василевса. Правда, сообщали, будто герцог Лотарингский отклонил полученные на этот счет предложения, заявив посланцам норманнского князя, что он выступил в поход не для того-де, чтобы воевать с христианским государем. Однако благородные речи не мешали тем временем его войнам разбойничать во Фракии.

Алексей Комнин — политик опытный, осторожный, но когда надо — и весьма решительный, припял крутые, хотя и ловко замаскированные, меры для защиты балканских владений империи от непрошенных гостей. Прежде всего навстречу войскам варваров выехали им-

ператорские чиновники в ранге послов. Одеты в парчу и бархат, подбитые бобровым мехом, они одним своим видом поражали западную деревенщину — рыцарей. Еще более, чем одежды, удивляли витиеватые речи, с которыми греческие послы обращались к предводителям крестоносцев, и такие же вычурные, полные лести и высокопарных похвал доблестным герцогам и графам императорские грамоты, привезенные послами из Константинополя. Смысл их не сразу доходил до рыцарей: они не привыкли к льстивым ухищрениям придворной дипломатии, а константинопольский царедворец не мог ведь без них обойтись.

Суть же посольских речей и грамот Алексея I была простой: прекратите разбой и грабежи — тогда вам будет предоставлено продовольствие, за умеренную плату вы сможете покупать его на наших рынках.

В то самое время, когда уполномоченные императора изгибались в бесконечных поклонах перед надменными Годфруа и Бозмундами, расточали им сладкие улыбки и произносили затейливые и преисполненные любезностями речи, из Константинополя один за другим следовали тайные приказы местным военным властям: по всем дорогам, ведущим к столице, скрытно расставить части пехоты и конницы (из печенежских наемников); пусть эти войска оказывают всяческое противодействие попыткам латинян разорять византийские села и города; союзники-печенеги время от времени должны совершать внезапные нападения на рыцарские ополчения и причинять им возможно больший ущерб. Надо устрашить этих кичливых воинов, возомнивших себя безнаказанными, поубавить их спесь и ограбить византийские владения от разбоев; надо дать рыцарям почувствовать, что империя еще сильна и не им тягаться с константинопольским василевсом.

Вместе с тем лукавый самодержец, по отзыву его дочери-историка, «удивительно умевший предвидеть будущее и заранее принимать нужные меры», распорядился все же доставлять крестоносцам продовольствие. Он поручил это специально назначенным людям, «чтобы у латинян не возникло ни малейшего повода и никакой причины к неудовольствию». Приказы императора неукоснительно исполнялись.

Отряды крестоносцев продвигались вперед с большим трудом. То и дело — на речных переправах или при переходе через горы — их обстреливали неуловимые печенежские лучники; порой крупные подразделения греческих войск вступали в открытый бой с рыцарями, нанося им ощутительные удары.

Проводя такую двуличную политику, Алексей I рассчитывал не только защитить земли империи от вражеского нашествия и охладить непомерный стяжательский пыл наиболее воинственных ревнителей христовой веры. Он хотел также привлечь их к себе показательным дружелюбием. Зачем? Дело в том, что в Константинополе возникли свои планы в отношении крестоносцев: речь шла об использовании сил западного воинства в непосредственных интересах империи. Воины с красными крестами на плече должны стать — такова была суть этих замыслов — вассалами императора, а земли на Востоке, которые они сумеют завоевать у «неверных», — ленными владениями, зависимыми от византийской короны. Удастся ли, однако, склонить варваров, зачастую не умеющих подписывать собственное имя, но гордых своими звучными титулами и древностью рода, к тому, чтобы они признали византийского василевса сюзереном?

Как только под стены Константинополя явилось ополчение Годфруа Бульонского и сторожевые посты донесли, что на покрытой легким снежком равнине

близ столицы выросли палатки и шатры, были сделаны попытки немедленно провести в жизнь проекты, созревшие в императорском дворце. К герцогу поскакал — в роли доверенного лица Алексея I — брат французского короля Филиппа I, рыцарь Гуго Вермандуа. Знатный, но нищий принц, он раньше всех крестоносцев очутился в Константинополе и к тому же при весьма неблагоприятных для себя обстоятельствах: Гуго потерпел кораблекрушение у берегов Греции. Императорские чиновники доставили рыцаря в столицу. Получив от василевса кучу денег, он сразу же согласился принять вассальную присягу. Теперь Гуго Вермандуа взялся уговорить герцога Бульонского последовать тому же примеру. Однако Годфруа упрямо твердил, что его цель — освободить гроб господень и никаких иных обязательств он на себя не примет, тем более что связан вассальной присягой германскому императору. Тогда Годфруа Бульонского пригласили в императорский дворец. Спесивый герцог не пожелал принять приглашения. Он послал к василевсу трех рыцарей — своих вассалов, которые только выслушали предложения Алексея Комнина и уехали, не дав никакого ответа.

Время проходило в бесплодных словопрениях. Между тем проволочки становились все более опасными для Алексея I: ведь вскоре должны были подойти другие ополчения варваров. Нельзя было допустить, чтобы все они сошлись в Константинополе. Справиться с ними тогда будет много сложнее.

Чтобы заставить Годфруа Бульонского подчиниться, император решил набросить на латинян петлю голода: он хорошо знал по опыту, что там, где бессильны лстивые слова, помогают более грубые средства. Было приказано прекратить подвоз хлеба, рыбы и вина для крестоносцев и сена — для их коней. Воины Годфруа начали роп-

тать, затем стали грабить окрестности, и Годфруа, взбешенный до крайности нажимом императора, отважился даже вывести своих рыцарей из лагеря и атаковать столицу Византии: «Полагаясь на свою многочисленность,— пишет Анна Комнина,— они настолько обнаглели, что дерзнули поджечь ворота, находящиеся под императорским дворцом». Тогда в дело вмешались войска Алексея Комнина. Они заставили лотарингских воинов отступить в лагерь; его тотчас оцепила печенежская конница и засыпала тучами стрел. Крестоносцы вступили в бой, но не сумели одолеть противника: печенеги действовали совместно с другими войсками василевса. Герцог Годфруа в душе мог сколько угодно проклинать коварство императора, однако перед силой пришлось ретироваться. Через несколько дней в присутствии византийских вельмож он принес константинопольскому самодержцу торжественную вассальную клятву: «Все города и земли, а также крепости, которыми он овладеет,— пересказывает Анна Комнина содержание этой присяги,— он передаст под начало того, кто будет назначен с этой целью императором». (Речь шла о территориях, которые раньше принадлежали Византии.)

Алексей I щедро одарил герцога Бульонского и его приближенных, устроил в их честь пир во Влахернском дворце. Затем лотарингским рыцарям и всем, кто находился в их ополчении, были предоставлены суда для переправы через пролив: на больших галерах и простых весельных лодках воинство Годфруа Бульонского перевозили на азиатский берег Босфора.

Все это происходило в начале апреля 1097 года. Как раз к тому времени в Константинополе появился предводитель крестоносцев, справедливо казавшийся Алексею Комнину наиболее опасным противником,— Боэмунд Тарентский. Его замыслы, направленные против

Византии (а в их существовании при дворе не сомневались), внушали страх греческим царедворцам и самому василевсу. Многим вспоминалось древнее пророчество, согласно которому франк (франками, или латинянами, называли в Византии жителей западноевропейских стран) лишит константинопольского императора и жизни, и государства. Боэмунд Тарентский мог считаться самым вероятным исполнителем этого предсказания.

К общему удивлению, однако смешанному с недоверием, Боэмунд повел себя совсем не как недруг Византии. Оставив своих рыцарей в пригороде, он прискакал в столицу в сопровождении всего лишь десятка воинов. Посланцы императора с низкими поклонами провели этого ладно скроенного сеньора в приемные покои Влахернского дворца. Придворная челядь выражала восхищение его осанкой, доспехами, легким шлемом, изящно отделанным серебром и венчавшимся гребнем в виде дракона, раскрывшего пасть, а также коротким мечом в ножнах из металла и слоновой кости и серебряными шпорами, позвякивавшими при каждом шаге. Когда Алексей Комнин увидел своего старинного врага, смело и с открытым взором направившегося прямо к его золотому трону, он сам поднялся ему навстречу. Император приветствовал Боэмунда так, словно это был его лучший друг и союзник. Алексей I усадил его рядом с собой, долго и сочувственно расспрашивал о пути, который был проделан, о том, где он оставил своих сподвижников... Как передает Анна Комнина, «дружеской речью он старался уничтожить воспоминания об их войнах и прежней вражде». После беседы Боэмунда отвели в предоставленную ему резиденцию в монастыре Космидий. Император проявлял необычайную любезность и предупредительность.

В просторном покое, куда ввели Боэмунда, его уже

ожидал «богатый стол со всякими мясными блюдами и закусками». Анна Комнина рассказывает: «Затем довара принесли сырое мясо животных и птиц и сказали: «Мы приготовили эти блюда, как видишь, по нашим обычаям, но если они тебе не нравятся, то вот сырое мясо — его приготовят так, как ты захочешь». Алексей Комнин не без основания подозревал, что Боэмунд, опасаясь быть отравленным, не станет есть блюда с императорской кухни. И в самом деле, норманнский князь, не доверяя своему гостеприимному хозяину, отказался попробовать предложенную ему пищу: «Коварный Боэмунд не только не отведал кушаний, но даже не захотел дотронуться до них кончиками пальцев. Он тотчас оттолкнул их от себя и, не обмолвившись и словом о своем подозрении, стал раздавать блюда присутствующим; он делал вид, что милостиво одаряет всех, а в действительности, как было видно всякому пронизательному человеку, готовил им смертельный напиток». Все, однако, обошлось благополучно...

В последующие дни оба — и Алексей Комнин и Боэмунд — старались превзойти друг друга в учтивости, выражении взаимной приязни и дружелюбия. Император, зная, что Боэмунд нуждается в деньгах, щедро одарял его золотыми и серебряными монетами, а также одеждой «и другими, менее дорогими вещами». Со своей стороны и Боэмунд, имевший, как говорит Анна Комнина, «ум скрытный и преисполненный кознями», старался хотя бы по видимости сблизиться с Алексеем I. И когда, наконец, речь зашла о присяге, норманнский вождь несколько не колебался. Он тотчас поклялся в вассальной верности своему исконному врагу и обязался держать на правах ленника империи земли, которые будут отвоеваны у нехристей и которые являлись византийскими. Боэмунд, по характеристике византийской писательницы-историка, «вообще

был лжив по природе и поэтому с большой готовностью подчинился воле самодержца». Князь Тарентский рассыпался в дружеских уверениях императору. Искусством лицемерить этот норманн не уступал своему новообретенному сюзерену и никакого значения принесенной клятве не придавал. Что будет дальше, покажут события, а пока совсем ни к чему обострять отношения с императором, который к тому же не скупится на дары и, мало того, обещал ему, Боэмунду, территорию близ Антиохии «в 15 дней ходу длины и 8 дней — ширины» (об этом упоминает один из латинских хронистов, грамотей рыцарь из отряда Боэмунда, не сохранивший для потомков своего имени, — его обычно называют поэтому «норманнским Анонимом»).

Разумеется, и Алексей I сильно сомневался в искренности своего вассала, но в данный момент ему важно было связать Боэмунда хотя бы формальной присягой верности. Насчет дальнейшего у императора были особые планы.

Вскоре отряд князя Тарентского тоже был переправлен через Босфор.

А тем временем прибывали новые и новые полчища крестоносцев. «О, какой знатный и красивый город, — делился впоследствии своими впечатлениями участник похода, французский священник Фульхерий из Шартра. — Сколько в нем монастырей, дворцов, построенных с удивительным мастерством! Сколько также удивительных для взора вещей на площадях и улицах. Было бы слишком утомительно перечислять, каково здесь изобилие богатств всякого рода, золота, серебра, разнообразных тканей и священных реликвий». Такое созерцательное отношение к увиденному составляло, однако, исключение для воинов креста. Руки рыцарей, не привыкших чересчур считаться с чужой собственностью, сами собой тянулись к рыночным прилавкам, заваленным кипами узорчатых восточных материй, ящичками с остро пахнущими

пряностями и прочим купеческим добром. У лавок, особенно ювелирных, где, переливаясь всеми цветами радуги, сверкали чудесные ожерелья индийского жемчуга, золотые и серебряные браслеты, табакерки, ларцы и многое другое, было всегда людно. Здесь то и дело вспыхивали ссоры, и греческим стражникам с трудом удавалось унимать буйных ратников с крестами на одежде. Греки не могли удержаться от язвительных улыбок при виде будущих «освободителей гроба господня». Из уст в уста передавали рассказы служителей бань о том, какие ручьи грязи текли с крестonosцев, когда они попробовали вымыться в константинопольских термах: ведь благородные бароны и виконты до сих пор не имели даже представления о том, что можно мыть тело горячей водой! И в довершение всего эти пришлые варвары еще позволяли себе насмешки над религиозными обычаями греков и над самими православными священниками!

Любая рыночная ссора могла перерасти в вооруженное столкновение. Надо было этого избежать, полагал Алексей I.

И пока западные воины таращили глаза на богатства Константинополя, смывали с себя грязь и приставали к рыночным торговкам, василевс спешил ласковыми речами и подарками склонить остальных вождей к тому, чтобы они пошли по стопам «доблестного» Годфруа Бульонского и «несравненного рыцаря» Боэмунда Тарентского. Он сулил им за это союз и дружбу. По словам Фульхерия Шартрского, император выдал им «вволю из своих сокровищ — и шелковых одеяний, и коней, и денег, в которых они весьма нуждались для совершения такого похода». Тем не менее уговорить предводителей воинства христово принять на себя вассальные обязательства было нелегко: для этого понадобилось употребить все искусство византийской дипломатии.

Среди крестоносцев предложение Алексея Комнина вызвало противоречивые толки. Некоторые сеньоры понимали, что союз с Византией, достигнутый, в сущности, такой скромной ценой, как вассальная присяга, принесет большие выгоды: будет обеспечена поддержка византийского флота; греки позаботятся о том, чтобы войско не испытывало в пути нужды в продовольствии. Впереди — пустыни, горы, трудная дорога, а грекам известны все ходы и выходы, они дадут опытных проводников. Нужно согласиться с требованием василевса. Однако большинство делало упор на то, что, признав императора сюзереном, они потеряют плоды своих ратных трудов. Быть или не быть им князьями в землях, которые находятся сейчас в руках сельджуков, — все это окажется в зависимости от милости сюзерена — константинопольского императора. Ради чего тогда воевать?

Особенно упорно отказывался стать императорским ленником граф Раймунд Тулузский. Благочестивый, как монах, и жадный, как норманн, по выражению хрониста, этот сеньор серьезно опасался, что присяга Алексею Комнину лишит его новых земель и добычи. Сопrotивление греческим планам оказали и некоторые другие рыцари. Танкред, двоюродный брат Боэмунда Тарентского, чтобы избежать присяги, переоделся даже в крестьянское платье и вместе с друзьями-норманнами тайно перебрался на противоположный берег Босфора.

В конце концов византийская дипломатия все же вышла победительницей из этого состязания в хитрости: рыцари, за исключением немногих, присягнули на верность императору. Один за другим они преклоняли перед ним колени и, положив руку на Евангелие, клялись, что признают его своим верховным сюзереном по тем землям, которые предстоит отвоевать у «неверных». Греческие вельможи, никогда не видевшие чего-либо подобно-

го, дивились этой варварской, на их взгляд, церемонии. Что до рыцарей, то почти никто из них не принимал ее всерьез. А один граф, уязвленный этой присягой, показавшейся ему унижительной, даже позволил себе бестактность в отношении Алексея Комнина. Воспользовавшись тем, что император поднялся с тронного кресла, он просто уселся на его место. Когда рыцаря взяли за руку и сделали ему соответствующее внушение, воинственный сеньор выразил недовольство, что с ним так обращаются: «Что за деревенщина! — пробурчал он, насупившись, и с ненавистью глядя на василевса. — Сидит один, когда вокруг него стоит столько военачальников». Алексей Комнин позвал к себе, рассказывает его дочь Анна, «надменного и бесстыдного латинянина» и, прикинувшись его доброжелателем, успокоил хорохорившегося рыцаря, дав ему совет, как вести себя в боях с турками: «Я советую тебе не находиться ни в задних рядах, ни в голове фаланги, а держаться в середине». Неловкость была таким образом сглажена.

Вожди крестоносцев стали вассалами византийского императора. Однако стороны не доверяли друг другу. И это не удивительно: крестоносцы, да и то не все, пошли на видимые уступки, чтобы легче было осуществить свои захватнические замыслы, а Алексей Комнин, добивавшийся восстановления былых границ империи на Востоке, понимал, что невозможно полагаться на «варваров». «Он наперед видел, насколько латиняне ненадежны, не верны слову... устремляются от одной крайности к другой и из корыстолюбия готовы продать за обол¹ своих жен и детей», — писала автор «Алексиады». При таких обстоятельствах к лету 1097 года ополчения крестоносцев одно за другим были перевезены в Малую Азию.

¹ Обол — мелкая византийская монета.

«Великая Никея пала»

Переpravившись через Босфор, крестоносцы оказались во вражеской стране. Невдалеке от моря высились могучие стены столицы государства сельджуков — Никеи. Начинать войну против нехристей нужно было именно отсюда: Никея лежала как раз на дороге, ведущей в глубь Малой Азии.

Это был старинный греческий город, сотни лет принадлежавший Византии и по своей истории тесно связанный с судьбами христианства: в 325 году здесь заседал знаменитый Вселенский собор, на котором «отцы церкви» впервые приняли «символ веры» (краткое изложение религиозных догматов), ставший обязательным для каждого христианина. В том же IV веке Никею основательно укрепили. Длина ее стен составляла свыше шести километров; в западной части города, которая примыкала к Асканскому озеру, они поднимались прямо из воды — озеро здесь было неглубоким. Стены, образуя неправильный пятиугольник вокруг города, перемежались высокими башнями — их насчитывалось больше двухсот или, по другим сведениям, трехсот.

К этому-то городу-крепости постепенно и собрались ополчения крестоносцев. Султан Кылыч-Арслан в этот момент находился далеко от своей столицы: он воевал с одним из эмиров в глубине Малой Азии, осаждая город Мелитену. Отряды рыцарей с ходу кинулись на городские стены, но оттуда на их головы обрушился дождь стрел и полились ручьи кипящей смолы. Пришлось приступить к длительной осаде Никеи. Граф Этьен Блуасский и Шартрский, один из главарей крестоносцев, писал из-под Никеи на родину своей супруге Адели: «Наши досточтимые князья, видя, что Никея защищена башнями... которые нельзя взять обычными средствами, прило-

жили немалый труд, чтобы соорудить чрезвычайно высокие деревянные башни с бойницами и построить всякого рода орудия» (то есть камнеметательницы, тараны, лестницы и т. п.). Осада продолжалась почти шесть недель. Крестоносцы Раймунда Тулузского попробовали было как-то произвести подкоп под одну из башен с южной стороны города, но потерпели неудачу.

Вскоре с востока, из Каппадокии, прибыли войска никейского султана, срочно переброшенные им к столице. Произошла жестокая сеча. «От грозных криков сотрясалась земля,— пишет армянский хронист Матвей Эдесский,— от свиста стрел бросало в дрожь лошадей». Армия Кылыч-Арслана, ослабленная в его войнах с сельджукскими эмирами, была наголову разбита крестоносцами. «Наши неустанно преследовали их (сельджуков. — М. З.),— сообщал об этой победе Этьен Блуасский в том же письме,— многих перебили и гнали на большое расстояние, кого рая, кого убивая; если бы не крутые горы, незнакомые нашим, то враг испытал бы в этот день непоправимое поражение. Из наших же не пал никто», — хвастливо добавляет граф, хотя на самом деле (что известно из других источников) потери крестоносцев составили не менее трех тысяч человек. И все же это была крупная победа. Рыцари возликовали. С поля боя они возвращались, по рассказу Анны Комниной, «наколов головы врагов на копыя и неся их наподобие знамен, чтобы варвары, издали завидев их, испугались такого начала и отказались от упорства в бою». Для пущего устрашения защитников Никей победители стали перекидывать свои «трофеи» через городские укрепления. Чтобы забросить головы убитых сельджукских воинов наверх, крестоносцы обвязывали их веревками, найденными в сельджукском лагере: султан заранее заготовил «материал» для пленных — настолько он был уверен в исходе сражения. Дикарски

угрожающие выходы рыцарей не возымели действия: никейский гарнизон не сдавался.

Обложив город почти со всех сторон, рыцари упустили из виду важное обстоятельство: с Асканского озера доступ в крепость оставался открытым — сельджуки по воде получали продовольствие, вооружение и подкрепления от своих единоверцев. Тогда вожди крестоносцев обратились за подмогой к грекам, и вскоре по распоряжению Алексея I на озеро спустили греческую флотилию с вооруженными воинами. Теперь Никея была полностью окружена, помощи ждать ей было неоткуда.

Наконец, на 19 июня главари крестоносцев назначили общий штурм. Ночь прошла в приготовлениях. Наутро, повествует Анна Комнина, «с двух сторон раздались боевые крики: кельты (так она иногда называет западных рыцарей. — *М. З.*) с жаром кинулись на приступ». Каково же было удивление и негодование воинов креста, когда в ярком свете солнечных лучей их взорам предстало неожиданное (по крайней мере, для рядовых воинов) зрелище: на башнях Никеи горделиво развевались флаги византийского самодержца! Это могло означать лишь одно: никейский гарнизон капитулировал, но не перед атаковавшими город крестоносцами, — он сдался грекам.

Так оно и было на самом деле. Пока рыцари неумело блокировали Никею, Михаил Вутумит, начальник византийских войск, посланных Алексеем I якобы для поддержки крестоносцев, завязал секретные переговоры с командованием сельджуков. Император, во-первых, не слишком рассчитывал на то, что, захватив Никею, воины креста выполнят условия своей клятвы, то есть отдадут город под власть Византии, во-вторых, он не хотел допустить разгрома Никеи: зачем ему нужен полуразрушенный город? Со своей стороны, турки, изуверившись в том, что султан в состоянии оказать им сколько-нибудь эффектив-

ную поддержку, предпочли лучше сдать город Алексею Комнину, чем подвергнуться истреблению со стороны фанатичных католических воинов.

Договоренность с греками была достигнута, и в ночь на 19 июня войска Алексея I вошли в Никею. Добычу, которую крестоносцы уже видели в своих руках, у них вырвали буквально из-под носа. Ярости рыцарей не было границ. Они уже предвкушали грабеж богатого города (неважно, что его жители являлись большей частью христианами), а вместо этого их по приказу греческого военачальника лишь небольшими группами по десять человек пропускали теперь в Никею, да и то под бдительной охраной стражников: Михаил Вутумит, пишет Анна, «хорошо знал нрав кельтов и не согласился впустить их всех скопом». Рыцари надеялись было получить выкуп за сельджукскую знать, которая попала бы к ним в плен, а вместо этого узнали, что мусульманских вельмож вместе со всеми их драгоценностями увезли в ставку Алексея Комнина — город Пелекан, неподалеку от Никеи. Мало того, василевс отпустил из плена без всякого выкупа султаншу, которую в Константинополе приняли с царскими почестями. И в довершение всего император после отвоевания Никеи потребовал вассальной присяги еще и у тех рыцарей, которые ранее уклонились от нее.

Как ни бесновались вначале крестоносцы, которых так ловко обвел вокруг пальца их союзник и сюзерен, они тем не менее довольно быстро примирились с происшедшим: Алексей I умело сыграл на слабой струне воинов христовых — их алчности. Из доставшейся ему казны Кылыч-Арслана он щедро одарил рыцарей и их вождей. «Алексей обещал князьям и пароду франков, — рассказывает провансальский хронист Раймунд Ажильский, — что отдаст им все золото и серебро, и коней, и все припа-

сы, которые находились в городе». Теперь переход Никеи к Византийской империи уже не казался неудачей. Напротив, крестоносцы легко дали себя убедить в том, что одержали первую важную для будущего победу над «неверными», причем достигли ее сравнительно недорогой ценой и за короткое время. Среди победителей царило воодушевление: несомненно, впереди их ждут гораздо более значительные успехи. Граф Этьен Блуасский и Шартрский сообщал своей супруге, что «19 июня бог восторжествовал — великая Никея пала». Исполненный оптимизма, он писал далее: «Если нас не задержит Антиохия, то через пять недель мы будем в Иерусалиме».

Французский сеньор ошибся, и на много, а его оговорка, «если не задержит», обернулась предвидением. Пройдет еще два с лишним года, прежде чем крестоносцы приблизятся к главной цели. Пока же соблазненные и успокоенные щедрыми дарами василевса «графы» отправились к императору в Пелекан. Они, передают Анна Комнина, «тотчас же позвали тех, кто еще не клялся: те собрались и принесли клятву».

В конце июня 1097 года «кельты снова переправились через пролив и на следующий день выступили по дороге на Антиохию».

«Ворвемся туда вместе!»

От Никеи крестоносцы повернули на юго-восток и двинулись по высокому пустынному плоскогорью. Вокруг — почти никакой растительности. Водоемы встречались редко: разве кое-где появится темная гладь соленого, покрытого тиной и зарослями заболоченного озера да на склоне блеснет ручеек или горная речушка. Пресную воду нужно было доставать из глубоких колодцев, разбросанных вдоль дороги, на больших расстояниях друг от

Крестоносцы в походе (средневековая миниатюра).

друга. Между тем стояла непривычная для европейцев иссушающая жара.

Крестоносцы разделились на две армии. Одна шла вслед другой — так легче было обеспечивать пропитание и утолять жажду. Продвигались вперед с боями и нередко лишь по ночам. Сельджукские отряды появлялись там и сям, внезапно атакуя разморенных зноем рыцарей. Никейский султан, чтобы развязать себе руки в борьбе против крестоносцев, заключил мир со своими недавними противниками — эмирами восточных областей Малой Азии.

В конце июня 1097 года объединенное сельджукское войско приготовилось встретить франков в долине близ города Дорилея. Сельджуки расположились на холмах, окружавших ее. Едва лишь авангард крестоносцев во главе с Боэмундом Тарентским вступил в долину — день только начинался, и рыцари собрались было вынуть затекшие ноги из стремян и напиться прохладной речной воды, а иные уже сбросили доспехи, — как со всех сторон на них обрушился град стрел. Сельджуки действовали по своему излюбленному способу: они старались застигнуть противника врасплох, атаковав его из луков. Когда ряды врагов охватывало смятение, в бой вступала стремительная кавалерия. Так было и на этот раз. Врезавшись в гущу войска крестоносцев, сельджуки острыми кривыми саблями сносили их головы с плеч. Тысячи воинов падали под ударами клинков и стрел. Повсюду струилась кровь, раздавались вопли раненых, крики и плач испуганных женщин и детей. Сотни людей мусульмане забирали в плен.

Оправившись от первого испуга, рыцари спешно облачались в скинутые было доспехи и с поднятыми мечами, с копьями наперевес мчались навстречу врагу. Особенно яростно сражался Боэмунд. Собрав наскоро совет наиболее близких к нему воинов, князь, как о том повествует рыцарь-хронист Аноним, призвал их «быть единомышленными в вере христовой». К этому он прибавил: «Все вы разбогатеете, если на то будет божья воля». Бой разгорелся с новой силой.

Наступил жаркий полдень. К этому времени подоспел аррьергард крестоносных ополчений. Его предводителем был Раймунд Тулузский. Теперь уже сельджуки, полагавшие, что битва ими выиграна, оказались перед неожиданностью.

Большую панику вселило в них появление некоего

рыцарского отряда, спустившегося в долину с одной из окрестных высот. Возглавлял его человек, имевший весьма странный для воина вид. Он был одет в длинную сутану, целиком скрывавшую ноги; на шее у этого военачальника болтался серебряный крест, а в руке он держал короткую толстую палицу. Это был епископ Адемар, папский легат, действовавший по собственной инициативе. Дубинка заменяла ему меч: ведь священнослужитель не вправе был проливать кровь! Среди мусульман началась сумятица. Недавние победители спешно побросали не только все свое снаряжение, но и пленных, шатры эмиров и султана, полные драгоценностей.

Не приняв боя, сельджукские полчища ускакали прочь. Эта битва при Дорилее происходила 1 июля 1097 года. В результате нее войны хрестовы, по словам Анонима, «взяли большую добычу, золото и серебро, коней, ослов, верблюдов, овец, быков и многое другое».

Сеньоры и рыцари, отдохнув три дня в зелени дорилейской долины и предав погребению тела павших в схватке, пустились в дальнейший путь.

Хотя для сельджуков поражение при Дорилее было, по существу, катастрофой, они не отказались от сопротивления, но переменяли тактику. Сравнительно редко отваживались турки на открытые сражения с крестоносцами, зато прилагали всяческие старания, чтобы по возможности осложнить продвижение противника. Крестоносцы шли пустынными местами — вдоль старой караванной дороги. По одну сторону ее тянулись высокие горы, по другую лежала выгоревшая от жары безводная степь. Ночами слышался вой шакалов, наводивший ужас на суеверных рыцарей. Эти хищники, а также змеи да ящерицы были едва ли не единственными в такое время года обитателями тех районов, через которые проходили крестоносные ополчения.

Нигде даже намек на тень. С раннего утра до ночи — палящий зной. Да и ночью воздух наполняла переносимая духота. Все томилось от жажды — и не только потому, что стояла жара. Воды почти не было: сельджуки, отступая, засыпали песком и заваливали камнями колодцы. От нехватки воды страдали и люди (особенно те, кто был постарше), и животные. По рассказу лотарингского хрониста как-то в начале августа в один день погибло от зноя и жажды около 500 человек. Воины, «изнемогая от обильного пота и чрезмерной жары, ели с раскрытыми ртами и хватали прозрачайший воздух, дабы, наивно полагал этот участник похода, уменьшить жажду, что им никак не удавалось». Кони, обесиленные недостатком воды, падали. Многим рыцарям пришлось спешиться. Некоторые пересели на волов, оказавшихся более выносливыми. Снаряжение, погруженное в повозки, везли теперь козы, овцы; впрягали и собак, — они едва тащились, высунув языки. Альберт Аахенский пишет: «Соколы и другие ловчие птицы, составлявшие утеху знатных и благородных мужей, умирали от жары в руках несших их; и даже собаки, приученные к достохвальному охотничьему искусству, подыхали таким же образом от мук жажды в руках своих хозяев». «Мы едва живыми вырвались или, лучше сказать, выбрались оттуда», — как бы со вздохом облегчения вспоминал впоследствии Аноним.

Сельджуки лишали крестоносцев не только источников воды, но и запасов продовольствия. Если им попадались поля — то необработанные, если встречались селения — то покинутые жителями. Даже о пути не у кого было спросить. А греческим проводникам крестоносцы явно не доверяли: со времени никейских событий греков постоянно подозревали в коварстве и измене. Своей тактикой измора сельджуки добились того, что войско спа-

сителей гроба господня стало испытывать сильную нужду в продуктах питания и в корме для коней. Рыцари начали страдать желудочными заболеваниями. Захворал сам граф Раймунд Тулузский.

Настроение у крестоносцев поднималось лишь тогда, когда изнуряющая жара пустыни вдруг сменялась тенистой прохладой оазисов, которые враг не успел или не смог полностью опустошить. Такой оазис повстречался у города Икония, к которому крестоносцы подошли в середине августа 1097 года. Сам город был дотла razорен сельджуками, но вблизи него рыцари обнаружили озера и прекрасные луга. В речной долине и в предгорьях располагались отличные пастбища. Были тут и проточная вода, и множество садов. Склоны гор покрывали густые лиственные леса.

Разбив среди лугов палатки, рассказывает лотарингский хронист, принимавший участие в походе, сеньоры «взирают на богатые и прекрасные окрестности, столь подходящие для охоты, которой любит тешиться знать»; они «складывают оружие и добычу, выбирают обильно наполненный дичью лес, прихватывают свои луки и колчаны и, опоясавшись мечами, направляются в этот соседний с горами лес, дабы с помощью ловчих собак пострелять дичь».

Однако таких оазисов крестоносцам встречалось немного. Когда они, дав короткий, но успешный бой туркам, миновали Ираклию и, повернув на северо-восток, а затем на юг, прошли Коману и Коксон, перед войском выросли горные цепи. Это был хребет Антитавра, «дьявольские горы», как называл их в своих записках безвестный норманнский рыцарь-хронист, проделавший с войском крестоносцев переход через эти горы. Уже настало осеннее время — октябрь. Полились дожди. Узенькие горные тропинки, ведущие через высокие пере-

валы, размыло. Десятки километров нужно было буквально карабкаться. Приходилось то забираться чуть ли не на самые вершины, то круто скользить вниз по каменным обрывам.

В одном месте хроники Аноним описывает восхождение крестоносцев на некую «дьявольскую гору, которая была столь высока и проходы столь тесны, что никто из наших не отваживался пойти первым по тропинке, которая шла с краю горы». Порой и люди, и лошади, и волы сваливались в пропасть. Так как вычужных животных связывали вместе — для большей безопасности, то достаточно было оступиться одному, и добрый десяток их вместе с повозками и снаряжением летел в бездну: «лошади срывались там, и одна упряжка тянула за собой другую», — повествует очевидец-хронист.

Рыцари вынуждены были подчас бросать даже свое вооружение. Наиболее предприимчивые не терялись и старались сбыть его пешим воинам: «Не зная, что будет с ними самими и с их оружием, рыцари продавали свои щиты и наилучшие кольчуги со шлемами за три или пять денариев или сколько кто мог получить. Не сумевшие продать даром бросали их прочь и шли».

Переход по безводной фригийской пустыне, через горные хребты отнюдь не ослабил у рыцарей страсть к завоеваниям. Напротив, теперь-то, когда силы султана всерьез потрепаны, если не разгромлены окончательно, можно, мнилось воинам христовым, приступить к главному — к захвату земель. Первыми подали пример некоторые рыцари из войска Годфруа Бульонского и Боэмунда Тарентского. Еще миновав Ираклию, они отделились от основной армии крестоносцев и круто повернули на юг, в страну армян — Киликию. Здесь было несколько сравнительно крупных городов. Рыцари креста не склонны были особо присматриваться, за чей счет — «басурман» или восточ-

ных «братьев христиан», к числу которых принадлежали армяне, удастся достигнуть завоевательных целей. Как-то граф Бодуэн, младший брат Годфруа Бульонского, цинично предложил двоюродному брату Боэмунда — воинственному Танкреду совместно ограбить христианский город Тарс и разделить добычу, которой они там овладеют: «Ворвемся туда вместе и ограбим город, и кто сможет получить больше — получит, кто сможет больше взять — возьмет».

Бодуэн и Танкред вступили в кровавую распрю друг с другом из-за киликийских городов — Аданы, Мамистры, Тарса. Однажды оба отряда крестоносцев жестоко схватились между собой: в бою были убитые, раненые, пленные. В конце концов соперники урегулировали распри, заключив формальный мир. Он сохранил фактически сложившееся к тому времени положение вещей, или, как говорит хронист Рауль Каэнский, установил порядок, согласно пословице: «Кто имеет — имеет, а кто потерял — тот уже потерял».

Оставив в городах Киликии небольшие гарнизоны (якобы для защиты от сельджуков), Бодуэн и Танкред присоединились к главным силам крестоносцев. Брат герцога Бульонского оказался более удачливым. Вместе со своим отрядом (включая пехотинцев, насчитывавшим около двух тысяч воинов) он двинулся в глубь армянских земель. Бодуэн сумел овладеть здесь рядом крепостей, а затем, уже в начале 1098 года, утвердился в богатом городе Эдессе. Сперва он сделал вид, будто намерен защищать Эдессу от соседних сельджукских эмиров. Затем, упрочив свое положение в городе — низвергнув его законного правителя князя Тороса, против которого вошел в заговор с частью армянской знати, стремившейся устранить князя, — принял самым беспощадным образом грабить жителей — христиан. Награбленное Бодуэн

раздавал своим приближенным, «каждый день, — по словам Матфея Эдесского, — расточая много подарков золотыми безантами, талантами, серебряными сосудами».

Эдесситы подняли восстание против своих «освободителей» и даже обратились за помощью к сельджукам. Бодуэн и его рыцари жестоко расправились с мятежниками: десятки горожан казнили, а тех, кто побогаче, бросили в темницы, потребовав огромного выкупа за освобождение. «И подобные неисчислимыя дела они совершали ради грабежа сокровищ, — с горечью писал позднейший эдесский историк, — предав страну разграблению, а людей — жестоким мучениям. Они помышляли лишь о зле и полюбили стезю злодеяний».

Так было основано первое государство крестоносцев — графство Эдесское. По мере дальнейших завоеваний на Востоке таким же разбойничьим путем будут созданы другие государства рыцарей креста. Именно захват земель и богатств с самого начала, как мы уже не однажды говорили, составлял важнейшую цель феодалных участников крестового похода. Их объединяла в первую очередь общность захватнических намерений. В Эдессе эти намерения получили свое очевидное воплощение: часть крестоносцев так и осталась на армянской территории.

Мысли о религиозных святынях и вообще какие-либо религиозные соображения быстро улетучивались из голов рыцарей при виде золота и серебра, при виде колосющихся нив, тучных стад скота, налитых спелыми плодами фруктов садов. Латинские хронисты, рассказывающие о походе, многословно распространяются о единодушии, якобы царившем среди захватчиков на почве общих религиозных устремлений. «Хотя мы говорили на разных языках, — пишет Фульхерий Шартрский, — казалось, однако, что мы являемся братьями и близкими родичами,

единодушными в любви к богу». В действительности единство крестоносцев было крайне непрочным. Распри Бодуэна и Танкреда в Киликии предвещали еще более острые столкновения между «единодушными в любви к богу» сеньорами и рыцарями. Эти новые столкновения вспыхнули вскоре после того, как воинство крестоносцев поздней осенью 1098 года вышло в Сирию — страну плодородных долин, щедро приносящих зерно и овощи, апельсиновых рощ и виноградников, а вместе с тем страну гор и пустынных степей, в которых обитали лишь кочевники-бедуины со своими верблюдами.

Чудо святого копья

Ключом к Сирии являлась Антиохия. Это был крупный город, лежавший на равнине в северной части страны, примерно в 18 километрах от моря. С одной стороны города протекала река Оронт, с другой возвышалась гора Сильпиус. Сохранилось описание Антиохии, сделанное арабским писателем XI века Ибн-Бутланом и относящееся к 1050 году. Судя по нему, город бы настоящей крепостью. Антиохию окружало двойное кольцо стен, на юго-западе поднимавшихся круто в гору и настолько широких на всем своем протяжении, что по ним вполне могла проехать упряжка из четырех коней. Вдоль стен располагались до 360 (по другим данным — свыше 400) массивных, каменной кладки башен и башенок с бойницами наверху и караульными помещениями внизу. Помимо наружных стен, в самом городе имелась мощная внутренняя цитадель, расположенная на склонах Сильпиуса.

Укрепления Антиохии начали воздвигаться в VI веке, в царствование византийского императора Юстиниана (в те времена город входил в состав Византийской

империи). Позднее, в X веке, греки, отвоевавшие Антиохию у арабов, в чьих руках она находилась свыше 300 лет (в 637—969 гг.), еще больше укрепили ее. Они хотели сделать город совершенно неприступным: здесь было что оберегать. В Антиохии трудились искусные ремесленники — мастера ковровых дел, ткачи шелка, гончары, ювелиры, стеклодувы, — их изделия славились далеко за пределами страны. Город служил также важным центром левантийской торговли. Находясь в некотором отдалении от морского берега, Антиохия тем не менее имела большую гавань, связывавшую город со Средиземным морем, — этой главной торговой магистралью, которая соединяла Запад с Востоком. Антиохия играла большую роль и в культурной жизни.

Город, богатый и красивый, утопал в садах. Фруктовые деревья и виноградники всегда получали проточную воду — большая редкость на Востоке и одна из достопримечательностей Антиохии. Другую достопримечательность составляли роскошные бани с горячей водой, подробно описываемые Ибн-Бутланом.

Крестоносцы знали, что Антиохия необыкновенно богата. Тем сильнее стремились они прибрать ее к своим рукам. Особенно торопился граф Раймунд Тулузский. Еще когда крестоносные ополчения пробирались через «дьявольские горы» в Малой Азии, граф, не поставив об этом в известность прочих предводителей, выслал к Антиохии отряд в 500 своих воинов в надежде внезапно захватить ее и опередить остальных главарей (кто-то пустил слух, будто турки покинули город). Весть, однако, оказалась ложной. Антиохией по-прежнему правил сельджукский эмир Ягысыани. Провансальцы вернулись не солоно хлебавши. Боэмунд Тарентский, узнав о сепаратных действиях Раймунда Тулузского, пришел в ярость: ведь он сам имел виды на Антиохию.

Теперь, когда почти все отряды крестоносцев подошли к ее стенам, Раймунд по-прежнему проявлял рвение. Со свойственной ему горячностью он заявил, что нужно с ходу, немедленно идти на штурм. С его мнением не согласились: крепость выглядела слишком мощной, и пытаться одолеть ее с налету, считали вожди, пустая трата сил. К этому времени дошла молва, что с Запада выступили новые крестоносные ополчения, и «графы» склонялись к тому, чтобы обождать подкреплений. А пока решено было повести осаду.

Разбив палатки близ городских стен, крестоносцы блокировали Антиохию. Впрочем, никакого плана осады, да и руководства ею фактически не было. Каждый предводитель расставлял своих воинов, где и как ему казалось нужным. Действовали вразброд. А потому южная часть Антиохии вообще осталась свободной для выхода. В распоряжении властителя города, эмира Ягысьяни, находилось сравнительно немного воинов, но, несмотря на это, сельджуки совершали частые вылазки и наносили серьезный урон осаждавшим.

Несогласованность действий дополнялась своекорыстием крестоносцев. Вокруг Антиохии были расположены небольшие селеньица, сады, пасся скот местных жителей. Рыцари и щитоносцы, соединившись группами, занялись систематическим разорением этих мест. Они производили привычные для них грабительские набеги, уводили у жителей коров и овец, отбирали припасы, набивали сумки апельсинами и персиками, привязывали к седлам амфоры с вином и, возвратившись к себе, устраивали буйные пиршества и попойки. Выразительные сцены пребывания крестоносцев под Антиохией рисует Раймунд Ажилский; после очередного разграбления ее окрестностей, рассказывает он, в лагере было в изобилии съестное, «так что у быка вырезывали только филей и огузок; лишь некото-

рые, кто хотел, да и то очень редко, поедали грудинку; о хлебе же и вине и говорить нечего — они добывались с легкостью».

Обжиряющиеся до беспамятства крестоносцы забывают даже выставить часовых и вообще позаботиться о том, чтобы расположиться правильно устроенным лагерем, свидетельствует далее этот очевидец. Разбои причиняли подчас ущерб окрестным «братьям христианам», которых по идее крестоносцы собирались «вызволить» из мусульманского ига. Они не останавливались даже перед тем, чтобы вступать в явно недозволенные, казалось бы, для убежденных противников ислама дипломатические отношения со своими врагами. В начале февраля 1098 года под Антиохию прибыли послы египетского султана, с которыми предводители крестоносцев завязали переговоры: султан враждовал с сельджуками. Переговоры намечено было продолжить в самом Египте. Уполномоченные крестоносцев отбыли из-под Антиохии вместе с египетскими послами, чтобы заключить с султаном договор о союзе против сельджуков и разделе территории Сирии и Палестины.

К концу третьего месяца осады продовольствие, собственное и награбленное, оказалось на исходе. В стане осаждавших начался голод. А воины сельджукского гарнизона продолжали свои вылазки. Чтобы положить этому конец, крестоносцы приступили к сооружению осадных деревянных башен, которые устанавливали напротив городских ворот. В башнях всегда находились воины, способные отразить вражескую вылазку.

Еще в конце декабря 1097 года в поисках продовольствия был организован большой рейд за Оронт, к югу от города, под командованием графа Роберта Фландрского и Боэмунда Тарентского. С ними ушло 20 тысяч пешего люда, чуть ли не половина крестоносцев. Близ города

Албары они подверглись нападению отрядов эмира Дукака Дамасского и других сельджукских военачальников, направлявшихся на подмогу осажденной Антиохии. Правда, нападение было отбито вовремя подоспевшим Боэмундом (его отряд шел несколько позади отряда Роберта Фландрского, на которого напали турки), но с большими потерями для крестоносцев.

Голод среди осаждавших особенно усилился в хмурые дождливые январские дни. Сотни людей умирали от нехватки пищи. Мучились и животные. По словам хрониста, у крестоносцев осталось всего 700 лошадей, да и тех нечем было кормить. Рыцари, вчера еще беззаботно пировавшие, приуныли, а затем стали мало-помалу покидать лагерь. Вместе с другими исчез Петр Отшельник. За дезертирами снарядили погоню, их вернули, но в войске воцарилось гнетущее настроение. «Всеми, — признается Фульхерий Шартрский, — овладело отчаяние, а многие стали тайне подумывать о спасении бегством по суше или морем».

Латинские хронисты в своих повествованиях нередко расточают похвалы мужеству и храбрости крестоносцев и их вождей. На самом деле воинские «доблести» этих «героев» были более чем скромными. В их рядах, как видно из рассказов самих участников событий, — немало слабодушных, трусов, пугающихся трудностей и в нарушение своих крестоносных обетов дезертирующих из войска при первой возможности. В бега ударились даже некоторые именитые сеньоры и рыцари — герцог Роберт Нормандский и уже известный нам граф Этьен Блуасский и Шартрский, которого князья в конце марта 1098 года поставили было командовать осадными операциями против Антиохии. Он, по словам хрониста, «сказался пораженным тяжелой болезнью» и незадолго до взятия города «постыдно ушел» в Александретту.

Однажды вечером, рассказывает восточный летописец, франки увидели, как мусульмане хоронят на кладбище (оно было за городом) своих воинов, убитых днем в стычке с крестоносцами. Рыцари не тронули этих людей, наутро же бросились к кладбищу, вырыли мертвецов и сняли с них драгоценности. Конечно, утолить голод этим золотом было нельзя, но грабеж уже вошел у рыцарей в обыкновение.

В сложной обстановке затянувшейся осады не растерялся только Боэмунд Тарентский. Он давно мечтал сесть князем в Антиохии. Боэмунд пронюхал, что комендант одной из сторожевых башен, расположенной в западной части стены, попал в немилость к эмиру Ягысыяни и сам питает к нему жгучую ненависть. Князь Тарентский тотчас завязал секретные переговоры с этим комендантом. За крупную сумму тот согласился предать своих и впустить в город рыцарей Боэмунда.

Когда Боэмунд сообщил знатым сеньорам, что знает способ быстро овладеть Антиохией, — пусть только все поклянутся, что город станет его владением, — «спасители гроба господня» заколебались. С какой стати лишаться добычи, которая здесь наверняка их ожидает?

С Запада уже стали прибывать подкрепления: в гавани св. Симеона (так называлась гавань Антиохии) бросили якорь десятки генуэзских кораблей, потом приплыли суда из Англии — они доставили строевой лес, нужный для сооружения осадных башен, различные военные орудия. Победа и так не за горами! Больше остальных противился притязаниям Боэмунда его главный соперник — граф Тулузский. Он не упустил случая напомнить о присяге, которую вожди принесли Алексею Комнину (ведь Антиохия по праву, мол, принадлежит Византии), хотя сам, как мы знаем, в свое время дольше других отказывался стать вассалом византийского императора.

Ну, что же, не желаете — не надо, хладнокровно ответил графам и герцогам Боэмунд; что касается его, то он покидает войско и ввиду неотложных домашних дел отбывает на родину. Отъезд Боэмунда, самого способного из военачальников крестоносной армии, в столь критический для нее момент мог повлечь за собой серьезные последствия: не кончилась бы битва за Антиохию провалом! Этого явно опасалось — и не без основания — большинство предводителей. В середине мая по армии поползла удручающая новость — ее передавали бежавшие из города христиане (армяне, греки, сирийцы): на помощь Ягьсыяни Антиохийскому с севера и востока движется огромная армия; сельджукские эмиры соединили свои силы и направили их против франков под командованием правителя Мосула — Кербоги. Тревоги крестоносцев усилились. «Доблестные» грабители, в том числе и знать, в еще большем числе стали оставлять войско.

При таком паническом настроении главарям крестоносцев, тоже немало обеспокоенным грозной вестью, пришлось согласиться с притязаниями Боэмунда. Пусть он берет себе Антиохию!

Темной июньской ночью 1098 года отряд норманнских рыцарей встал наготове у крепостной башни под названием «Двух сестер», находившейся в восточной части города. Другие воины засели неподалеку, заняв позицию против ворот св. Георгия. Время от времени по стене проходила стража. В руках одного из стражников мерно качался масляный светильник. Когда очередной патруль, дойдя до башни «Двух сестер», повернул обратно, комендант башни — предатель Фируз, подкупленный Боэмундом, подал сверху условленный сигнал. В полной тишине рыцари Боэмунда принялись вскарабкиваться по приставной лестнице. Поскольку, рассказывает хронист, «все действовали второпях, так что один спешил пере-

гнать другого, лестница обломилась». Однако часть рыцарей уже успела проникнуть в спавший город. Ближайшие ворота были взломаны изнутри, другие подверглись сокрушительным ударам окованных железом бревенчатых таранов. С громкими победными криками «Бог так хочет!» крестоносцы ворвались в Антиохию и быстро овладели остальными башнями. Застигнутые врасплох, защитники города не смогли удержать его. Большая часть их была тут же перебита, и только горстка храбрецов сумела запереться в цитадели внутри города. Произошло как раз то, чего более всего опасался эмир Ягьсыяни: измена открыла франкам дорогу в город. А Боэмунд, передает находившийся в его отряде рыцарь-хронист, «не теряя времени, он приказал водрузить свое достославное знамя на возвышенности, прямо напротив крепости».

Очутившись в Антиохии, захватчики учинили жестокую резню. При этом они истребляли всех подряд — и «неверных», и христиан. Хронисты с циничной откровенностью повествуют об оргии кровавых убийств. «Все площади, — пишет Аноним, — были уже полны телами мертвецов, так что никто не в состоянии был из-за сильного зловония там находиться. Никто не мог пройти по улицам иначе, как по трупам». Убивали всех мужчин, годных носить оружие.

Город был подвергнут дикому грабежу: «Сколько же было взято добычи в Антиохии, мы не в состоянии и сказать: вообразите, сколько сумеете, — писал очевидец, — и считайте сверх того. Не ведаем и сколько пало тогда турок и сарацин. Жестоко рассказывать, как погибали они разными видами смерти и как различными способами умерщвлялись».

Отбросив недавние тревоги, крестоносцы с лихвой вознаграждали себя за перенесенные лишения. Священник Раймунд Ажилльский, капеллан графа Тулузского, с со-

крушением отмечает, что франки «вовсе позабыли о боге, который столь их облагодетельствовал»: они «объедались на великолепных пиршествах» и «наслаждались, слушая пение языческих волшебниц». За несколько дней были уничтожены все запасы хлеба, мяса и вина. Впрочем, их было не так много: ведь город в течение семи месяцев подвергался осаде.

А пока рыцари пировали и развратничали, пока челядь во избежание эпидемии срочно убирала трупы с улиц и площадей, к стенам Антиохии подошла трехсоттысячная армия Кербоги. Со всех сторон сельджуки обложили город, и крестоносцы, еще четыре дня назад осаждавшие его, сами попали в положение осажденных. Позже, в письме к папе Урбану II, они рассказывали ему, что турки «окружили нас отовсюду так плотно, что и никто из нас не мог выйти и к нам не мог проникнуть». Голод и болезни снова стали косить воинство христово. Есть было нечего. В пищу пошли кожаные части сбруи, кожаные пояса, древесная кора, трава, дохлые кошки. Не выдерживая голода, крестоносцы вновь обратились в бегство. Ночью на веревках они спускались со стен и старались незаметно пересечь вражеские линии, чтобы добраться до кораблей, стоявших в гавани. «Веревочные беглецы» — так прозвали их те, кто оставался в городе.

В безвыходной обстановке воинам креста ничего не оставалось, как возложить все свои упования на сверхъестественную помощь. Крестоносцы были людьми, веровавшими во всемогущество божье, хотя их грабительские цели и поступки не имели ничего общего с религией и ее заповедями. Испытывая муки голода, страшась того, что произойдет, если Кербога захватит город, они поневоле начали усердно искать спасения в религии, вновь поддались ожившим в их душах религиозным настроениям. Многие впадали в молитвенный экстаз, с утра до вечера

простаивали на коленях в антиохийских церквах, вымаливая у небесных сил избавление от напастей, прося ниспослать чудо.

И «чудо» совершилось. Его историю расскажет потом хронист Раймунд Ажилский. Этот священник был одним из инсценировщиков и ведущих «актеров», разыгрывавших религиозный спектакль. В своем сочинении «История франков, которые взяли Иерусалим» он, разумеется, скрыл тайные пружины и механизм «чуда». Однако ученые XIX—XX веков, сопоставляя его рассказ с известиями других летописцев, западных и восточных, установили, кто и как сотворил это «чудо». По-видимому, в его истории сплелись воедино подлинные религиозные галлюцинации, обуявшие воображение наиболее слабонервных участников похода, с умышленно подстроенным благочестивым представлением.

Однажды некий провансальский серв по имени Пьер Бартеlemi (быть может, он был подучен священнослужителями, а возможно, они просто воспользовались религиозной экзальтацией простолюдина) объявил, что несколько раз видел во сне апостола Андрея, который «открыл» ему небесную волю. В церкви св. Петра в Антиохии будто бы зарыто копьё, которым, по евангельскому сказанию, некий римский воин пронзил бедро распятого Иисуса Христа. Если крестоносцы разыщут копьё, оно чудесным образом поможет им справиться с полчищами Кербоги.

Начиная с VI столетия на Западе получили широкое распространение легенды об этой священной реликвии. Считалось, что римского воина, ударившего Христа копьём, звали Лонгином. Вокруг его имени сложилось множество всяческих небылиц — о том, как он исцелился от глазной болезни, случайно поднеся к глазам ладонь с каплей крови распятого Христа, как обратился в хри-

стианство, как затем пал жертвою гонений на христиан в Кесарии. Словом, мифический Лонгин был довольно популярной фигурой среди верующих, а копьё, будто бы обогренное кровью раненного Лонгином сына божьего, превратилось в одну из наиболее почитаемых реликвий.

Едва только весть о видении Пьера Бартелеми дошла до графа Раймунда Тулузского, он распорядился отрядить в храм, указанный «ясновидцем», группу рыцарей и священников, дабы произвести раскопки копьё. Сказано — сделано. Подняли каменную плиту, стали рыть под ней землю, копали целый день, и, наконец, уже в сумерках, — о чудо! — на дне глубокой ямы увидели кусок ржавого железа... Святое копьё, то самое, насчет которого апостол Андрей «просветил» Пьера Бартелеми, было найдено и извлечено из земли. Богобоязненный Раймунд Ажилский, ревностно выполнявший поручение графа Тулузского в этом благочестивом спектакле, без всякого стеснения и не опасаясь быть уличенным во лжи, пишет в своем произведении: «Благочестием своего народа склонился господь показать нам копьё. И я, который написал это, поцеловал его, едва только появился из земли кончик копьё».

На самом деле, конечно, копьё заранее было закопано в храме св. Петра, и находка явилась, попросту говоря, мистификаторским трюком графа Тулузского и тех, кто действовал по его заданию. Благочестивое мошенничество — к этому способу обмана церковники сплошь да рядом прибегали во все времена, пользуясь легковерием паствы. Что в данном случае налицо грубый подлог, сразу стало ясно многим. В «чудо» отказался поверить даже папский легат Адемар из Пуи. Епископ, как пишет об этом в раздраженном тоне Раймунд Ажилский, не усмотрел в рассказе Пьера Бартелеми «ничего, кроме одних слов». Отвергли благочестивые побасенки и некото-

рые священники, находившиеся в войске. Священник-хронист Фульхерий Шартрский считал, что Пьер Бартеlemi «повинен в подделке копья». Церковь подстраивала «чудеса» с разбором: чересчур грубая фальсификация могла ведь подорвать ее престиж, и надо было соблюдать осторожность при подтасовках такого рода. Боэмунд Тарентский, выступив в совете предводителей, открыто высмеял всю проделку со «святым копьем». «О деревенская глупость! О мужицкое легковерие!» — воскликнул он, говоря о тех, кто «приписывает куску железа нашу победу». Хронист Рауль из Казна прямо называет Пьера Бартеlemi «хитроумным изобретателем лжи». Словом, среди крестоносцев нашлось немало скептиков¹.

Однако те, кто инсценировали «чудо», те, кто были постановщиками и исполнителями религиозного действия, знали, что делают. Благочестивый подлог нужен был им для того, чтобы поднять настроение христовой рати, ждавшей чудес и как бы настроившейся на них. Только так, оправдав ее ожидания, можно было покончить с дезертирством, укрепить у крестоносцев веру в скорое избавление от бедствий и в победу над сельджуками. Эта цель была достигнута. Слух о «чуде» тотчас разошелся среди осажденных. Испытывая в тот момент подъем религиозных чувств, горя желанием прорвать блокаду и спастись от голодной смерти или хотя бы избежать

¹ Обоснованность этих скептических настроений полностью подтвердили исследования ученых XIX века. Так, немецкий историк К. Клайц, сопоставив свидетельства различных источников (его книга вышла в свет в 1894 г.), доказал, что «находка» святого копья — образец «религиозного мошенничества». В наши дни с этой точкой зрения фактически соглашается американский католический автор Дж. Брандейдж: в своей документальной истории крестовых походов, опубликованной в 1962 году, он упоминает, между прочим, о том, что лживый характер версии Раймунда Ажилльского признал позднее даже один из римских пап (Бенедикт XIV).

плена, крестоносцы воодушевились. Чудесное копьё наверняка выручит их из беды!

Тогда главари войска (притом основную роль тут сыграл Боэмунд, ибо граф Тулузский в это время заболел) разделили его на шесть отрядов и 28 июня 1098 года повели в атаку против «супостата» Кербоги. Изнуренные голодом, крестоносцы шли в бой в каком-то иступлении. Впереди каждого отряда развевалось его знамя. А возле одного из знаменосцев бежал, поддерживая на ходу свои белые ризы, капеллан графа Тулузского, Раймунд Ажилский. Он нес святое копьё, вид которого должен был придать силы атакующим.

Случилось так, что еще накануне между сельджукскими эмирами вспыхнули раздоры. Некоторые из эмиров, как рассказывает арабский историк Ибн ал-Асир, затаившие вражду к Кербоге, изменили ему и намеренно бежали со своими отрядами с поля боя. Таким образом, войско мусульман значительно сократилось. Особенно чувствительно сказался на его боеспособности уход эмира Дамасского.

Сельджуки не ожидали выступления франков. И хотя сельджукские лучники стали пускать свои отравленные и бившие без промаха стрелы, как только увидели вышедшие из ворот отряды крестоносцев, последние сумели в бурном натиске прорвать центр осаждавших. Среди них вспыхнула паника. Завязались рукопашные схватки рыцарей с сельджукскими всадниками. Вскоре поредевшая армия Кербоги была обращена в бегство. Заканчивая рассказ о событиях этого дня, Ибн ал-Асир пишет: «Франки перебили несколько тысяч мусульман, захватили все, что было в лагере, — пищу, деньги и утварь, коней и оружие».

28 июня 1098 года Антиохия вновь перешла к крестоносцам. Теперь соперничество князя Тарентского с гра-

фом Тулузским из-за обладания ею приняло открытую форму. Каждый из них стремился удержать и закрепить Антиохию за собой. В ход пускались всяческие ухищрения. Раймунд Тулузский, еще недавно отказывавшийся принести оммаж (вассальную присягу) Алексею I, теперь вдруг со странным упорством принялся настаивать на передаче города императору (в соответствии с вассальным договором) — лишь бы он не достался Боэмунду. В храме св. Петра, том самом, где было найдено пресловутое копьё, шли бесконечные заседания главарей крестоносцев, до хрипоты споривших о «справедливом решении» вопроса — кому владеть Антиохией? Соперники с пеной у рта доказывали значительность своего вклада в завоевание города и, следовательно, свое преимущественное право на власть над ним. В то время как все прочие предводители, будучи поставлены перед свершившимся фактом, отказывались в пользу Боэмунда от укреплений, занятых ими после разгрома Кербюги, благочестивый граф Сен-Жилль ни за что не желал уступить ему своей «доли» — ворот у моста через Оронт. В конце концов сеньорам и епископам, взявшим на себя посредническую миссию, удалось добиться соглашения между соперниками и прекратить раздоры. Это произошло уже в сентябре 1098 года.

Крестоносцы, обращающие сарацин в бегство (фрагмент витража Парижского аббатства Сен-Дени).

Право владеть городом предоставили Боэмунду Тарентскому. В Антиохии образовалось, таким образом, второе государство крестоносцев. Новоиспеченный князь Антиохийский и не помышлял теперь о походе на Иерусалим. Он добился своего, а Святую землю пусть освобождают другие.

«Мы разрушим город»

Однако и другие сеньоры и рыцари тоже не торопились к Иерусалиму. Они словно перестали и помышлять о гробе господнем. Их вполне устраивала богатая сирийская земля. Отряды крестоносцев, разбредясь по ней, предавались грабежам, а их вожди старались тем временем упрочить свои позиции в тех местах, которые были уже завоеваны раньше, и захватить новые районы. Годфруа Бульонский овладел крепостями Тель-Башир и Равендан, Роберт Нормандский — портовым городом Латакийей, итальянские норманны и провансальцы взяли многонаселенный город Маарру. Ненасытный Боэмунд, рассказывает норманнский хронист, приказал горожанам собраться в одном месте, «пообещав спасти их от смертной участи», а затем, когда они пришли туда «вместе с женами, детьми и прочим достоянием», «отобрал у них все, что они имели, — золото, серебро и различные драгоценности, которые были при них». При этом «одних он распорядился умертвить, других же приказал увести для продажи в Антиохию».

Открытым разбоем озаменовали свое пребывание в Маарре не только норманны — в разграблении города участвовали все крестоносцы. По словам арабского историка Ибн ал-Каланиси, франки «грабили все, что им удавалось найти, и требовали у людей невозможного». Рыцари отчаянно препирались друг с другом и с челядью

«из-за добычи либо из-за наворованного», — приходится признать хронисту Раймунду Ажильскому.

За два с лишним года крестоносная рать сильно побавилась: в Малой Азии и под Антиохией, в боях, от болезней и голода погибла примерно половина крестоносцев. Рядовые воины — мелкие рыцари, обнищавшие в пути, слуги и особенно — крестьянская часть крестоносцев, натерпевшаяся более других, в конце концов стали возмущаться своекорыстием главарей. Захватнические действия знати вызывали гнев «маленьких людей» — тех, кого западные хронисты обозначают словами «плебс», «бедняки», «меньшой народ», «малые людишки». Этим «людишкам», в массе своей целиком находившимся во власти религиозных представлений, чудилось, что, освободив Иерусалим, они исполнят долг перед богом, «очистятся» от грехов и таким путем получают желанную волю, а с ней придет и все остальное — настанет конец нищете, голодухе, страшным болезням! Алчность сеньоров мешала достигнуть этих заветных целей. И бедняки, которые, по описанию Гвиберта Ножанского, «шли босиком, без оружия, вовсе без денег и кормились кореньями и самыми грубыми попадавшимися им травами», прониклись все более острой враждой к графам и герцогам.

Еще в то время, когда вожди не могли прийти к соглашению, кому из них княжить в Антиохии (четырежды собирался совет знати для решения этого вопроса!), простой народ, убедившись, что сеньорам нет до него никакого дела, дал волю своему негодованию. Оборванные, в лохмотьях, с дубинками и ножами в руках, бедняки ворвались в храм, где заседал феодальный совет. Громко крича, они потребовали от вождей прекратить распри и повести войско дальше, на Иерусалим. «Пусть, кто хочет владеть золотом императора, владеет им, и кто хочет — пусть получает доход с Антиохии. Мы же, которые

идем сражаться за Христа, двинемся дальше под его водительством»,— воскликнул один из «малых». «Да погибнут во зле те, кто желает жить в Антиохии, как погибли недавно ее жители»,— поддержал его другой бедняк.

Заявлять, что «малые» пойдут вперед «под водительством Христа», значило выражать в религиозной форме протест против феодального предводительства крестоносцами, а следовательно, и против феодальных целей крестового похода, чуждых бедноте. «Если все это будет продолжаться,— добавил третий смельчак, ворвавшийся в храм св. Петра,— мы разрушим стены Антиохии... и тогда, с разрушением города, установится мир среди вождей, который сохранялся у них до взятия Антиохии». К этой угрозе присоединена была и другая, не менее серьезная,— вовсе прекратить поход и вернуться домой: «А иначе, прежде чем мы будем полностью загублены здесь голодом и тоской, мы должны возвратиться восвояси». Это были явно бунтарские настроения. Вскоре они прорвались наружу еще более явственно.

Зимой 1098/99 года в Маарре, которую тоже никак не могли поделить между собой Раймунд Тулузский и другие вожди, в войске крестоносцев поднялся настоящий бунт бедноты. Здоровые и больные, рассказывает автор «Истории франков, которые взяли Иерусалим», молодые и старые и даже слабые и хромые, опираясь на костыли, спешили выказать свой гнев. Бедняки были возмущены, узнав, что граф намеревается оставить в Маарре многих рыцарей и пеших из своего ополчения для ее охраны. «Как! — раздавались речи.— Спор из-за Антиохии и из-за Маарры спор! И во всяком месте, которое нам отдал бы бог, будет распря между предводителями, а войско божье будет сокращаться? Нет, пусть в этом городе окончательно прекратятся раздоры. Пойдемте и разрушим его стены, и тогда... граф уже получит уверенность, что не утратит

город». На этот раз плетс привел к исполнению свой угрозы. Бедняки двинулись к городским укреплениям. «И там один человек, ослабевший от голода, — повествует хронист, — легко выворачивал из стены и далеко откатывал такой камень, который едва ли могли тащить три или четыре пары быков». Напрасно пытались священнослужители и приближенные графа Тулузского, метавшиеся по всему городу, успокоить разбушевавшихся бедняков. Гнев их был беспределен, и разрушение стен продолжалось. В один день все укрепления и башни Маарры были снесены до основания: пусть сеньорам будет неповадно грызться друг с другом из-за городов!

Бунт простого народа отрезвил часть предводителей, в том числе и графа Сен-Жилля. Был отдан приказ о продолжении похода. Весной 1099 года, спустя почти три года после начала священной войны, крестоносцы вступили в Палестину. Они беспорядочно и быстро устремились к Иерусалиму, но не потому, вынужден сознаться хронист-очевидец, что горели неодолимым желанием поскорее узреть святой град, а совсем по другой причине: «Каждый хотел опередить остальных, увлекаемый желанием овладеть замками и деревнями», «ибо, — продолжает он, — у нас было обыкновение, что, если кто-нибудь первым подходил к крепости или селению и водружал свое знамя и ставил стражу, никто после этого уже не оспаривал его прав». И хронист с сокрушением отмечает, что лишь «немногие помнили о боге».

«Если поведаем правду, превзойдем всякую вероятность»

Взобравшись знойным июньским утром 1099 года на высокую гору (впоследствии ей дали название «Горы радости»), сеньоры, рыцари, «малые людишки» увидели, наконец, перед собой город на скалах — Иерусалим, цель

своих «благочестивых вожделений». В то время он являлся арабским: владел им султан Египта, чьи войска за год до этого отняли Иерусалим у сельджуков. Взорам крестоносцев открылось множество мечетей с полукруглыми куполами, высокими минаретами, больших и маленьких белых домов, причудливо извивавшихся улиц и улочек.

Иерусалим с IV века, когда в нем построили церковь Святого гроба, считался священным центром христиан. Его чтили, как священное место, евреи. В глазах мусульман он тоже был религиозной святыней. Таким образом, это был священный город трех религий, что всегда придавало особую ожесточенность войнам различных народов и государств из-за Иерусалима, войнам, которые, в сущности говоря, велись совсем не по религиозным причинам, хотя и под религиозными знаменами. Так случилось и во время крестового похода конца XI века.

Иерусалим являлся основательно укрепленной твердыней. С трех сторон его окружал глубокий ров. Город был обнесен толстыми стенами, в их башнях прорезаны бойницы, через широкие отверстия которых можно было пускать стрелы и дротики во врагов, бросать в них камни и выливать им на головы кипящее масло. Город имел все нужное для обороны. Башенные бойницы с внутренней стороны загораживали от вражеских копий и стрел тюки с хлопком и сеном. Такие же тюки арабы заготовили и для другой цели — чтобы спускать их на веревках вниз, когда нападающие попытаются проламывать стены своими бревнами-таранами. Лучники запаслись в большом количестве стрелами. Правда, гарнизон защитников Иерусалима составлял не более тысячи воинов, но он мог рассчитывать на поддержку, по крайней мере, части мусульманского населения. Находившийся в пустынной, безводной местности, город располагал достаточными запасами пресной воды, которая хранилась в цистернах

и бочках. Окрестные же колодцы были, напротив, заблаговременно отравлены.

Вначале ратники божьи попробовали взять Иерусалим приступом, однако попытки их не увенчались успехом. Нападавшие испытывали сильный недостаток в метательных орудиях, а также в лестницах, без которых нельзя было одолеть иерусалимские стены. Строить все это на месте? Но из чего и чем?

На помощь рыцарям пришли предприимчивые купцы. В порт Яффу, служивший для Иерусалима гаванью, вскоре после подхода сюда крестоносцев причалили два грузовых корабля из Генуи и четыре английских. Они привезли доски, веревки, гвозди, топоры — все то, что требовалось для сооружения осадных приспособлений. На кораблях прибыли и искусные мастера. Они помогли крестоносцам построить стенобитные механизмы — тараны (из толстых бревен, обитых с одного конца железом), а также возвести высокие, многоярусные, на колесах, деревянные башни, которые можно было вместе с укравшимися в них воинами придвигать вплотную к городским стенам. За несколько дней сколотили множество лестниц. Лес для сооружения осадных приспособлений нашелся неподалеку, в области Самарии. Оттуда их по частям доставляли в лагерь, а уже там подгоняли и собирали детали: «Вы, те, которые это читаете, — считает нужным подчеркнуть латинский хронист, — не думайте, что это был маленький город и что тут не требовалось каких-либо особенных усилий. Ведь от того места, где все эти разобранные на части орудия были изготовлены, до того, где их собрали, была целая миля».

Несколько раз бросались крестоносцы на стены Иерусалима, однако арабские стрелки и жители города, оказывавшие им содействие, отгоняли франков. В деревянные осадные башни летели снаряды с «греческим

огнем» — так называлась горючая смесь из селитры и нефти, издавна применявшаяся византийцами (при этом в морских сражениях: через трубы жидкость выбрасывалась на неприятельский корабль, который, таким образом, предавался пламени), но ко времени крестовых походов ставшая известной также сельджукам и арабам: они пользовались ею в сухопутных боях. Со стен города в осаждавших не только бросали камни и пускали стрелы, но и, как рассказывает очевидец, обрушивали на них стволы деревьев и швыряли зажженные пуки соломы. «Потом, — повествует хронист далее, — они начали кидать в наши орудия просмоленные, обмазанные воском и серою деревяшки, обертывая их в горящее тряпье. Я говорю, что они были со всех сторон обмазаны серою и еще утыканы гвоздями для того, чтобы, куда бы ни попадали, цеплялись и, цепляясь, воспламеняли бы». Крестonosцам приходилось тоже проявлять изобретательность: они набрасывали на свои сооружения сырые звериные шкуры и кожи, чтобы предотвратить воспламенение этих деревянных конструкций. Вот когда пригодились охотничьи трофеи графов и герцогов!

Воинов мучила жажда. От нехватки воды околевали и вьючные животные. Аноним, участник событий, впоследствии вспоминал: «Во время этой осады мы так мучились от жажды, что сшивали шкуры быков и мулов и приносили в них воду за шесть миль; из таких-то сосудов мы пили отвратительную воду, и точно так же, как от этой мерзкой воды, каждодневно страдали мы от ржаного хлеба. Сарацины же, конечно, расставляли нам тайные засады у окрестных источников и речушек; они везде убивали наших и разрубали на части тех, кого встречали; а скотину уводили...»

Тем не менее даже в этой обстановке не прекратились распри феодалов, торопившихся поделить шкуру еще не

убитого медведя. Только когда стало известно, что к Иерусалиму вот-вот должны подойти арабские подкрепления из Египта, раздоры заглохли.

В первых числах июля началась подготовка к решающему штурму. Под непрерывным градом камней и снарядов с «греческим огнем» к северной стороне иерусалимских стен, равно как к восточной и южной подтягивались передвижные башни, устанавливались лестницы.

Чтобы поднять боевой дух крестоносцев и воодушевить их перед боем, церковнослужители устраивали торжественные молебствия. Вокруг Иерусалима совершались крестные шествия. Был объявлен трехдневный пост. Шли босиком, распевая религиозные гимны. Процессии, возглавляемые священниками, которые несли большие деревянные кресты и размахивали кадилами, направлялись к особо важным с религиозной точки зрения местам — Сионской и Масличной горам. Здесь к воинам обратились с последними проповедями и наставлениями наиболее влиятельные из церковников. Держал речь и Петр Отшельник, снова пустивший в ход свое красноречие.

15 июля с восходом солнца отряды крестоносцев устремились на штурм Иерусалима. Главный удар они нанесли там, где египетские воины менее всего ожидали. В одном месте рыцарям удалось вскарабкаться на стену и, завязав рукопашную, потеснить арабов. В другом, когда осадная башня, прикрытая шкурами, была придвинута к стене, сарацины, по рассказу Фульхерия Шартрского, «стали действовать против них и поливали кипящим маслом и жиром и жгли пылающими факелами упомянутую башню и рыцарей, которые в ней находились. И таким образом, для многих сражавшихся с той и другой стороны наступала смерть быстрая и преждевременная». Бой длился несколько часов. В конце концов перевес склонился на сторону крестоносцев. С торжест-

вующими возгласами заполнили они улицы города. Однако, словно с удивлением отмечает очевидец-хронист, «уже когда город был захвачен французами, тем, кто был с графом (Раймундом Тулузским.— *М. З.*), сарацины все еще оказывали сопротивление, словно и не были разгромлены наголову». Стойкость защитников города была все-таки сломлена, и они, как горестно пишет арабский историк Ибн ал-Каланиси, «обратились в бегство; а франки вошли в город и овладели им». После пятинедельной осады Иерусалим пал.

Насилия и разбои, которые крестоносцы учинили в Иерусалиме, намного превзошли все, что было совершено ими где-либо ранее. «Страшно было видеть,— читаем у очевидца,— валявшиеся повсюду тела убитых и их разбросанные члены; вся земля была залита кровью. Ужасное зрелище являли не только изуродованные трупы и отрубленные головы; в еще больший трепет обращало то, что сами победители были в крови с головы до ног». Рыцари проносились по улицам священного города, убивая, разрушая, сжигая все на своем пути. Тот же летописец рассказывает, как, разойдясь по городу и разделившись на группы, крестоносцы «вытаскивали, словно скот, из узких и самых дальних переулков тех, кто укрывался от смерти, и избивали их на месте», как они «ходили по домам и извлекали оттуда отцов семейств с женами и детьми, прокалывали их мечом или сбрасывали с крыш».

Многие мусульмане надеялись найти спасение хотя бы в мечетях или возле них. Напрасно! Воины креста считали, что именно в двух главных мечетях — Омаровой и ал-Акса (воздвигнутых еще во времена халифата Омейядов) спрятаны крупные ценности. Первыми сюда ринулись Годфруа Бульонский и Танкред, ранее остальных ворвавшиеся в город. За ними последовали и другие

рыцари. С обнаженными мечами бросились они в здание мечети ал-Акса (она была построена на месте древнего храма царя Соломона — так ее и называют западные хронисты). Под высоким куполом здесь укрылись несколько сот человек — седобородые старики, женщины с грудными младенцами, калеки, ребятишки. Близ стен мечети тоже искали убежища тысячи мусульман разного пола и возраста. Рыцари не пощадили никого. Они, говорит Аноним, «хватали многих мужчин и женщин в храме и кого хотели — умерщвляли, а кого хотели — брали живыми». Убивали даже детей, разбивая их головы о камни. Раймунд Ажилский, приступая к повествованию о бойне в Соломоновом храме, выражает сомнение, что его рассказу поверят: «Что было там содеяно? Если поведаем правду, превзойдем всякую вероятность. Достаточно сказать, что в храме Соломоновом и в его портике передвигались на конях в крови, доходившей до колен всадника и до уздечки коней».

Латинские хронисты утверждают, что в районе храма царя Соломона было убито 10 тысяч человек, а арабские летописцы увеличивают это число в семь и даже десять раз: по их мнению, крестоносцы истребили от 70 до 100 тысяч человек. И это не считая тех, «чьи трупы валялись по улицам и площадям и кто были умерщвлены в разных местах города; говорят, — вскользь и «осторожно» добавляет французский хронист, — число таких тоже было немалое». Резня охватила весь город. «Ты мог бы увидеть удивительное зрелище, — обращается к читателю Раймунд Ажилский, — одни из сарацин были с разбитыми головами, что являлось для них более легкой смертью; другие, пронзенные стрелами, вынуждены были бросаться с укреплений; третьи долго мучились и погибали, горя в пламени».

В зверских убийствах мирного населения участвовали

не только воины, но и церковнослужители. Они сочли возможным пренебречь тем лицемерным правилом, по которому христианская религия возбраняла им проливать кровь. Восточный летописец Михаил Сириец, христианин по убеждениям, рассказывает в своей «Всемирной хронике», как сам патриарх Иерусалимский, нанося удары направо и налево, шествовал с мечом по одной из улиц: он убивал на своем пути всех «неверных». Так патриарх дошел до церкви Святого гроба, держа на рукояти меча руки, обгаренные кровью. Войдя же в церковь и омыв руки, этот пастырь принялся отправлять торжественное богослужение, во время которого признался, что никогда еще не приносил столь приятной жертвы господу богу.

Насилия и зверства продолжались трие суток подряд. После великого кровопролития, пишет Фульхерий Шартрский, «крестоносцы разбрелись по домам горожан, захватывая все, что в них находили. При этом установился такой порядок, что всякий, вломившись в дом первым, был ли он богат или беден, присваивал, получал и владел домом и всем, что в нем имелось, как собственным». Каждый ратник божий, облюбовавший тот или иной дом, спешил повесить на его дверях свой щит или другое оружие, «чтобы таким образом оповестить других, что они должны идти дальше, ибо это место имеет уже своего хозяина». В поисках золота «освободители гроба господня» обшаривали все уголки жилищ. Мало того, будучи уверены, что мусульмане способны на все, рыцари даже «вспарывали животы умерших, чтобы извлечь из них золотые монеты», которые те якобы «проглотили при жизни. Ради этого они (рыцари) через несколько дней сложили трупы в большую кучу и сожгли в пепел, чтобы легче было находить упомянутое золото».

Дав волю жадности и всем низменным инстинктам, рыцари в то же время усердно молились и калялись в гре-

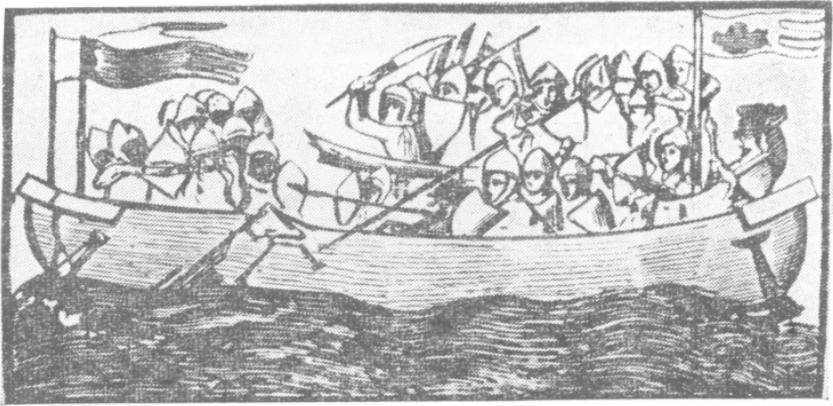
хах. Одни били лбами о плиты церкви Святого гроба, другие совершали крестные ходы вокруг святых мест, третьи вымаливали себе прощение у всевышнего, жертвуя часть награбленного добра беднякам. Отбив должное число поклонов богу, рыцари снова принимались грабить и насильничать. Они настолько увлеклись разбоем, что им самим, по словам знаменитого историка XII века Гийома Тирского, в конце концов стало «противно видеть содеянное».

Участник крестового похода, правоверный католик Раймунд Ажилский завершает свой рассказ о завоевании Иерусалима славословием захватчикам: «День этот, — пишет он о 15 июля 1099 года, — прославлен навсегда, ибо это день гибели язычества и утверждения христианства». На самом же деле события 15 июля — темная и позорная страница в истории христианской церкви, в истории всего феодально-католического Запада. И эта страница не была последней.

Крестоносцы на Востоке. Новые крестовые походы

Взятием и разорением Иерусалима завершился грабительский поход рыцарства на Восток. «Гроб господина бога» был освобожден от никогда не грозившей ему опасности со стороны «неверных». Официальная цель папской затеи была достигнута. Однако, как мы знаем, для феодальных захватчиков из Западной Европы вопрос о святом гробе с самого начала играл второстепенную роль. Их действительные устремления имели завоевательный характер. Именно поэтому еще задолго до овладения Иерусалимом они начали оседать в захваченных ими землях на Востоке.

В 1098 году были основаны графство Эдесское и княжество Антиохийское. В 1099—1100 годах, по взя-

Морское сражение крестоносцев с арабами (средневековая миниатюра).

тии главной святыни — Иерусалима и после того, как удалось разбить возле города Аскалона (12 августа 1099 года) войска египетского полководца ал-Афдала, поспешавшие на выручку своих, здесь тоже создается государство крестоносцев, третье по счету — Иерусалимское королевство. Но и этот словно бы решающий успех показался феодалам недостаточным. Воспользовавшись политической разрозненностью мусульманского мира, западные захватчики в начале XII века в войнах с Египтом и сельджуками овладели многими приморскими городами на территориях Сирии, Ливана и Палестины. Значительное содействие в этом им оказали купеческие республики Северной Италии — Пиза, Венеция, Генуя, получившие значительные торговые привилегии в землях, ставших подвластными крестоносцам. К трем ранее созданным государствам позднее прибавилось еще одно — графство Триполи (к северу от Иерусалима).

Во всех новообразовавшихся государствах утвердились феодальные порядки, сходные с теми, которые существовали на родине завоевателей. Деревни и города были поделены между светскими сеньорами и церковниками, а местное население обращено в подневольных слуг, обложено тяжелыми налогами и унижительными повинностями, независимо от того, было ли оно мусульманским или христианским. Религиозные мотивы и в этом отношении не имели для «возлюбленных чад» римского папы существенного значения.

Первый крестовый поход обогатил несколько тысяч феодалов из разных стран Западной Европы, преимущественно французов. И католической церкви он также позволил расширить свои владения и влияние. Определенный выигрыш от этой войны получили, как уже сказано, торговые люди, главным образом итальянцы. Что касается народных масс Запада, которые, поддавшись религиозной агитации папских проповедников, приняли горячее участие в походе, то они не только не добились того, к чему стремились,— земли и воли,— но и понесли огромный ущерб от этой войны. Десятки тысяч «оборванного и босого» люда сложили головы в далеких землях «неверных». Дорогой ценой пришлось заплатить крестьянской бедноте за то, что несколько тысяч высокородных, но безудельных рыцарей и несколько сотен герцогов, виконтов и графов приобрели себе поместья на Востоке! А уж об участии населения самих восточных стран и говорить не приходится: кровавая война, которой римские первосвященники придали вид священной, принесла жителям восточно-средиземноморских земель неисчислимые страдания.

Результаты похода, как и любой агрессии, не могли быть и действительно не были прочными. Да и сам поход завершился успешно вовсе не потому, что его участники

проявили особый героизм или представляли собой какую-то большую силу, а главным образом вследствие разрозненности мусульман. Дикие опустошения и жестокие, массовые убийства, учиненные крестоносцами, породили у поработанного населения жгучую ненависть к захватчикам. В ответ на священную войну западного христианства мусульманский мир провозгласил в XII веке джихад — священную войну против христиан-франков.

Прошло всего сорок лет с небольшим — и сельджуки, чьи княжества в Месопотамии и Сирии к тому времени сплотились под властью правителя Мосула и Халеба Имад ад-Дина Зенги, нанесли первый удар по крестоносным завоеваниям. В декабре 1144 года франки, сеньоры которых постоянно враждовали между собой и с Византией, потеряли Эдесское графство. Им овладел атабег Зенги. Его сын и преемник, князь Халеба — Нур ад-Дин продвинулся к границам Антиохийского княжества. Папство забило тревогу. Иерусалим — а значит, кровные интересы феодалов и церкви — в опасности! Папа римский организовал второй крестовый поход. Его возглавили французский и германский государи. Однако на этот раз, встретившись с объединенными силами врага, западноевропейские феодалы потерпели полную неудачу. Второй крестовый поход 1147—1148 годов полностью провалился, а его предводители бесславно вернулись восвояси.

Еще через сорок лет католической церкви и сеньорам пришлось испытать новое потрясение: египетский султан, объединивший под своей властью также и Сирию — это был знаменитый Салах ад-Дин, — в 1187 году отнял у потомков первых крестоносцев Иерусалим и многие другие области на Востоке. В Риме снова ударили в набат. Папы стали громко призывать Запад к третьему крестовому походу.

В 1189 году отправились «спасать» гроб господень

рыцари Франции, Германии, Англии. Предводительствовали войсками французский король Филипп II Август, германский император Фридрих I Барбаросса («Рыжебородый») и английский король Ричард I, за жестокий нрав прозванный Львиным Сердцем. Эти государи встали во главе крестоносцев не потому, что религиозные убеждения не позволяли им мириться с утратой священного города,— на первом плане и у германского императора, и у государей Англии и Франции стояли политические и финансовые соображения.

Чтобы укрепить свою власть на родине, эти короли нуждались в больших денежных средствах. Между тем к концу XII века на Средиземном море развернулась оживленная торговля западных и восточных купцов. Итальянские, южнофранцузские, английские, испанские и другие торговые «гости» регулярно снаряжали караваны кораблей в Сирию, Палестину, Египет, Византию. Одни везли хлеб, другие — строительный лес, третьи — кожи, сукно, лошадей. Все эти товары прибыльно продавались и в городах крестоносцев — в Антиохии, Яффе, Акре, Тире. Здесь европейские торговые «гости» наполняли свои суда восточными товарами, которые они закупают у левантйских купцов, то есть купцов тех стран, где «восходит солнце» (по-французски «левант» — «восход»). В Европу везли тюки шелковых и хлопчатобумажных тканей, бурдюки с ароматными восточными винами, мешки с тростниковым сахаром, ларцы с жемчугом и драгоценными камнями, доставленными из Индии, корзины фруктов. Все это и многое другое находило хороший сбыт на европейских рынках.

Конечно, королевская власть в тех западных странах, города которых участвовали в торговле с Востоком, извлекла из нее немалую выгоду — ведь торговые сделки облагались пошлинами в пользу казны. Поэтому прави-

тели выраставших тогда в Европе феодальных монархий были заинтересованы в том, чтобы сохранить господство крестоносцев в Сирии и Палестине и даже расширить его путем завоевания у мусульман новых территорий.

Успехи Салах ад-Дина не на шутку встревожили и германского императора Фридриха Гогенштауфена, и английского короля Ричарда Плантагенета, и Филиппа II Французского. Каждый из них хотел подчинить своей власти те земли Леванта, через которые шла торговля его страны с Западом: таким способом легче всего было взять под свой контроль эту торговлю и использовать ее для пополнения собственных государственных ресурсов. Кроме того, новые завоевания на Востоке могли содействовать увеличению престижа государей-крестоносцев в Западной Европе. Вот почему во главе рыцарских армий, двинувшихся в третий крестовый поход, встали ее крупнейшие государи.

Однако и третий крестовый поход оказался безуспешным. Немецкое войско распалось, потеряв своего вождя Фридриха Барбароссу, — он утонул при переправе через бурную горную речку в Киликии. Это произошло 10 июня 1190 года. По рассказу немецкого хрониста, смерть его так потрясла всех, «так все были охвачены сильным горем, что некоторые, мечась между ужасом и надеждой, кончали с собой; другие же, отчаявшись и видя, что бог словно не заботится о них, отрекались от христианской веры и вместе со своими людьми переходили в язычество». Как видно из повествования хрониста, религиозные чувства немецких крестоносцев не отличались устойчивостью — это всегда сказывалось в критические моменты завоевательных предприятий на Востоке, хотя их участники (о чем свидетельствуют, например, поэтические произведения крестоносцев) и похвалялись своей беззаветной преданностью делу креста и своим бесстрашием:

В пустыне — пекло, как в аду,
Но ад мне нипочем!
И сарацинам на беду
Я действую мечом! —

хвастливо писал один из таких «храбрецов».

Итак, немецкий крестовый поход расстроился уже в Малой Азии. Французы и англичане, добравшись до цели, на многие месяцы застряли под крепостью Акрой. Правда, ею удалось овладеть, но Иерусалим остался у «неверных». В 1192 году пришлось подписать мир с Салах ад-Дином, признав утрату святого града.

К концу XII века народные массы на Западе почти изверились в крестовых походах. Лишь время от времени вновь и вновь оживали крестоносно-искупительные построения. Земли и свободы нужно добиваться у себя на родине, а не искать их в дальних странах и за их счет, — эта мысль все глубже укореняется в умах крестьян, и они постепенно утрачивают всякий интерес к крестовым походам.

Отныне священные войны на Востоке явственно вырождаются в открыто феодальные, чисто завоевательные походы. Их религиозные лозунги превращаются в бессодержательную вывеску, вернее, в маскировку для участников-феодалов и для организаторов — римских пап, которые извлекали из войн крестоносцев значительные материальные выгоды: начиная с 80-х годов XII века стали вводиться особые, экстраординарные налоги на нужды священных войн («Саладинова десятина»), и поступления от этих налогов в большой мере шли в казну римских первосвященников.

Чем дальше, тем все более откровенно проявлялась подлинная, то есть совсем не религиозная, сущность крестовых походов и тем сильнее они дискредитировали себя и свою вдохновительницу — католическую церковь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Чтобы послужить христианству

«И они подставили ветру паруса»

Ранним майским утром 1203 года от берегов греческого острова Корфу отчалила большая флотилия: примерно четыре с лишним сотни судов различной величины и формы — от огромных грузовых кораблей до маленьких двухвесельных барок. Было тепло и солнечно, на море веял легкий ветерок, надувая распущенные паруса. На кораблях мерно звучали удары колоколов, под которые десятки гребцов разом опускали и поднимали весла; время от времени слышались сигнальные свистки боцманов и однообразные возгласы капитанов, бросавших матросам — рослым и мускулистым людям — слова команды; подчиняясь им, те натягивали или ослабляли реи, убирали одни паруса, подставляли ветру другие. Корабли быстро удалялись к югу от острова. На верхушках мачт трепетали флажки: белые, голубые, розовые... На флажках были намалеваны знаки креста — черного, красного, зеленого и других цветов. По бортам, на некотором расстоянии друг от друга, висели щиты, украшенные гербами знат-

ных феодальных фамилий из разных стран Западной Европы.

Опытный моряк без труда определил бы, что суда, покинувшие Корфу, — венецианские. Только венецианцы располагали такими громадинами: тяжеловесными, вместительными нефами с большими парусами на нескольких мачтах; только у венецианцев имелись такие крупные и неуклюжие, с закругленными бортами транспортные суда — юисье и длинные, узкие, быстроходные, гребные с острыми носами, устремленные вверх, маневренные галеры — военные корабли. Да и кто еще, кроме Венеции, первой в те времена морской державы Западной Европы, мог послать столь мощный флот, где одних только галер было около семидесяти, не говоря уж о множестве других судов — военных, пассажирских и грузовых?

И в самом деле, флот, вышедший в море в тот день, принадлежал республике святого Марка. Кресты же на флажках, прикрепленных к верхушкам мачт, говорили о том, что корабли везут войско, намеревающееся сражаться с «неверными». На кораблях плыло новое ополчение крестоносцев. Это им принадлежали камнеметательные и стенобитные орудия — катапульты, баллисты, тараны, погруженные в трюмы нефов. Это их кони — несколько тысяч лошадей — жевали овес, привязанные к стойкам на днищах юисье.

Крестоносцы, жадно вглядывавшиеся в морские просторы, были рыцарями (французами, итальянцами, немцами), исполненными таких же захватнических вожделений, какие владели их предшественниками — теми, кто ранее отправлялись отвоевывать у турок Иерусалимскую землю. Теперь, однако, они плыли совсем не в Сирию и не в Палестину. Флот держал путь в другую сторону. Обогнув скалистые береговые кручи Пелопоннеса, он вошел в Эгейское море и взял курс на северо-восток, через

острова Эвбею, Андрос и далее к столице Византийской империи — Константинополю.

На одном из кораблей, окрашенном в алый цвет, в отдельной, довольно просторной каюте, что помещалась в кормовой части, сидел, развалившись на скамье со спинкой и держа кружку вина в руках, молодой человек лет двадцати, одетый совсем не по-рыцарски. Он не знал ни по-французски, ни по-немецки и лишь немного изъяснялся на итальянском наречии. Крестоносцы выказывали ему (по крайней мере, внешне) всяческие знаки внимания. В жаркое время дня черный раб, приставленный к этому юноше, помахивал над ним мягким опахалом из павлиньих перьев; тот же раб приносил ему в каюту изысканные кушанья, и притом такие, которых не употребляли европейские рыцари.

Молодой человек был византийским царевичем Алексеем, сыном и наследником императора Исаака II.

Каким образом он оказался вместе с крестоносцами и почему его окружили почетом, почему заботились о его удобствах? Отчего венецианская армада, перевозившая рыцарей с их военным имуществом, провиантом, оружием, конями, плыла не туда, куда бы, казалось, ей следовало плыть, — не к Иерусалиму, находившемуся уже более 15 лет под властью египетского султана, а к христианскому городу Константинополю?

Для ответа на все эти вопросы нам придется вернуться к событиям, происходившим на Западе в конце XII столетия.

Папа Иннокентий III и его восточные планы

Восьмого января 1198 года высшие сановники католической церкви — кардиналы, собравшись в римском монастыре св. Андрея (его трехэтажные строения располага-

лись к югу от Палатинского холма, на развалинах укрепления, воздвигнутого некогда императором Септием Севером), избрали папой 37-летнего Лотаря де Сеньи. Он был самым молодым в кардинальской коллегии, состоявшей в основном из убеленных сединами старцев. Когда были оглашены результаты выборов, старейший из кардиналов накинул на плечи нового папы пурпурную мантию и объявил, что отныне Лотарь де Сеньи будет именоваться Иннокентием III.

Среднего роста, с округлой молодежавой физиономией, ровным, прямым носом и большими глазами (их округлость подчеркивали резко изогнутые брови) — таким запечатлел Иннокентия III неизвестный художник на портрете, хранящемся в одном старинном замке в Италии. Немногим кардиналам доводилось собирать голоса членов конклава в столь молодом возрасте. Большею частью эти старцы увенчивали тиарой (папской короной) людей тоже преклонных лет. И если кардинал-дьякон Лотарь де Сеньи стал папой к концу четвертого десятка своей жизни, то на это были причины серьезного свойства.

Отпрыск аристократического семейства, Иннокентий III занял папский престол благодаря своим выдающимся способностям политика и дипломата. Обладая

Печать (булла) Иннокентия III.

большим умом, он являлся вместе с тем человеком неиссякаемой энергии. Твердая воля, настойчивость в достижении поставленных целей, умение распознавать уязвимые места своих противников, использовать их слабости, подчинять их намерения своим замыслам, предвидеть и направлять события — всем этим отнюдь не исчерпывались таланты нового папы.

Воинственный и гневливый, но в то же время расчетливый и осторожный, трезвый в оценках происходящего политик, Иннокентий III был искусным мастером казуистики и лицемерия. Никто из пап не умел так ловко скрывать настоящие цели политики римской курии под личиной благочестия; никто не умел столь внушительно обосновывать каждый, даже самый неблагоприятный дипломатический ход первосвященника высшими интересами католической церкви и всегда к месту подобранными богословскими или юридическими доводами. Недаром в юные годы Иннокентий III прошел курс обучения в университетах Парижа и Болоньи — лучших из высших школ того времени, где, по словам его биографа, «превзошел всех своих сверстников успехами в философии, богословии и праве». А ко всему этот папа превосходно владел искусством красноречия. Применяя, когда было нужно, обширные познания в богословской науке, пуская в ход библейские цитаты, придумывая неотразимые аргументы, он производил сильное впечатление своими грозными буллами, цветистыми посланиями, суровыми речами. Папский биограф особо оттеняет звучный и богатый красками голос Иннокентия III.

Иннокентий III был продолжателем политики Григория VII. Так же как и тот, он на протяжении всего своего правления (то есть в течение 18 лет) добивался прежде всего одной главной цели: полного подчинения всех христианских государств власти папы, всемерного

расширения могущества апостольского престола. Однажды Иннокентий III прямо заявил, что он — помазанник божий, самим богом поставленный владычествовать над людьми! Такие откровенные высказывания папа, однако, позволял себе крайне редко.

В политической деятельности Иннокентия III с самого начала его понтификата первостепенное место занимал крестовый поход на Восток. Иннокентий III рассчитывал, подняв рыцарство на победоносную войну против мусульман, во многом приблизиться к осуществлению своих заветных планов — к установлению владычества римской курии над тогдашним миром.

«Где же ваш господь?»

Прошло лишь несколько месяцев после избрания Иннокентия III, а уже во все страны Западной Европы полетела проникнутая религиозным пафосом энциклика к архиепископам, содержавшая проект крестового похода. Одновременно папа обратился с посланиями к королям, графам, баронам, призывая их собирать отряды для предстоящей священной войны. Римский понтифик изобрел множество красноречивейших доводов, чтобы тронуть умы и сердца католиков. В самых горестных тонах изображал он страдания, которые католическая церковь и христиане восточных стран якобы испытывают от того, что Иерусалим попал к мусульманам. «Плачем плачет церковь, жалобный голос ее разносится по всей земле, до самых пределов ее: за грехи христианских народов язычники вторглись в вотчину Христа, залили кровью нивы Иерусалима, и не осталось в Святой земле никого, чтобы похоронить тела убитых», — писал папа «верным святого Петра».

Подобно своим предшественникам, Иннокентий III

искажал факты, расписывая в столь мрачных красках бедствия христиан в Палестине. Ведь когда Салах ад-Дин в 1187 году захватил Иерусалим, он не чинил никаких жестокостей христианскому населению и даже разрешил франкам (правда, за большой выкуп) покинуть город. А по условиям мира, подписанного с Ричардом Львиное Сердце в 1192 году, западные паломники могли свободно бывать в Иерусалиме и поклоняться там своим святыням. Однако ради успеха задуманного дела Иннокентий III всегда готов был жертвовать правдой. Не в его правилах было останавливаться перед извращением истины.

Чтобы еще сильнее укрепить католиков во вражде к мусульманам, папа призвал себе на помощь все ухищрения риторики. Вымышленные им речи мусульман должны были наглядно представить, каким оскорблениям они подвергают католическую веру, как насмеваются над ее защитниками, которые, несмотря на свою преданность религии, не могут отстоять святыни от врага: «Где же ваш господь, если он не в силах избавить от наших рук ни самого себя, ни вас? Мы осквернили вашу святыню. Мы протянули наши руки к вашим заветным местам и против вашей воли удерживаем в нашей власти колыбель, в которой зародилось, согласно вашей выдумке, ваше суеверие (так, по словам папы, язычники издевательски называют христианство). Мы изломали копыя французов, отвратили козны англичан, сокрушили силу немцев, победили высокомерных испанцев. Где же ваш господь? Пусть он воскреснет и поможет вам... Теперь нам остается только, перебив мечом тех, кого вы здесь оставили, вторгнуться в ваши земли и истребить вас так, чтобы впредь о вас и помину не было...»

Такими и подобными вымыслами Иннокентий III старался распалить чувства религиозной ненависти к иноверам. Порицая западных рыцарей за междуусобные распри,

за склонность к роскоши и всяческим порокам, он требовал, чтобы они снарядились в поход как можно скорее: сборы должны быть закончены к марту 1199 года. Пусть каждый сеньор выставит отряд сообразно своим средствам с тем, чтобы войны два года послужили святому делу. Всем крестоносцам будут прощены грехи и отсрочена уплата долгов. Опоясавшись мечом, ратники божьи обеспечат своим душам вечное спасение.

Иннокентий III не ограничился рассылкой грамот с цветистыми увещеваниями и деловыми предписаниями. По указанию из Рима во всех странах Запада папский клич подхватили епископы, аббаты, монахи и священники. Как и во времена Петра Отшельника, они стали повсюду выступать с горячими проповедями крестового похода, разъяснять и распространять содержание папских посланий, звать христиан на священную войну за Иерусалим.

Иннокентий III принял практические меры дипломатического и финансового характера для того, чтобы облегчить подготовку к походу и обеспечить в назначенный срок выступление на Восток. Он отправил послания к тем государям и князьям Запада, которые по каким-либо причинам воевали тогда друг с другом. Так, папа обратился к Филиппу II Августу и Ричарду Львиное Сердце, призывая их положить конец междоусобным войнам ради спасения Святой земли и угрожая за неповиновение интердиктом. Он вмешался в войну двух феодальных группировок — Вельфов и Штауфенов — в Германии, вспыхнувшую весной 1198 года, когда на королевский трон были почти одновременно избраны два феодальных владельца (герцог Филипп Швабский и граф Отгон Брауншвейский из рода Вельфов) и страна превратилась, по словам хрониста, в «бушующее кругом море». Иннокентий III постарался также утихомирить вражду

торговых соперников в Италии — Пизы и Генуи. Везде папа брал на себя роль верховного арбитра, посланиями и через особо уполномоченных послов — кардиналов-легатов он добивался послушания апостольскому престолу.

Позаботился Иннокентий III и о том, чтобы изыскать денежные средства, потребные для проведения крестового похода. Рыцарям, считал он, нужно обязательно помочь деньгами: ведь им придется расплачиваться за корабли, которые надо будет нанять для переправы, не говоря уже о том, что необходимо обновить оружие, оплатить работу мастеров, которые наострят мечи и изготовят для воинов осадные машины, закупить всякие припасы, перековать коней. Вряд ли потомки Годфруа и Боэмундов сами справятся со всеми этими и другими расходами! Чтобы собрать деньги — такого еще не бывало при его предшественниках, — Иннокентий III ввел налог на церковников в размере $1/40$ части поступавшего к ним имущества. Епископы и аббаты встретили эту подать ропотом неудовольствия и всячески оттягивали уплату денег, но им все-таки пришлось раскошелиться, тем более что и сам папа тоже выложил на нужды крестового похода немалую толику из средств курии — десятую долю ее доходов.

Итак, римский престол принялся за дело всерьез: Иннокентий III многого ожидал от успеха крестоносного предприятия.

«Опасайся сильной бури!»

Проповедуя и подготавливая крестовый поход, Иннокентий III начал плести нити своей дипломатической паутины и в далеком Константинополе.

В 1198 и в 1199 годах Иннокентий III обращается с пространными посланиями к византийскому императору-

ру Алексею III из рода Ангелов. Самодержец константинопольский еще в 1195 году с группой заговорщико-царедворцев произвел государственный переворот, лишив власти родного брата, императора Исаака II. Узурпатор приказал — обычная практика в Византии! — выколоть ему глаза и бросил в темницу с сыном-царевичем, собственным тезкой (правда, мальчика он вскоре освободил). Все это было отлично известно папе.

Понимая, что положение Алексея III неустойчиво, он выдвинул перед ним два главных требования: пусть Византия примет участие в крестовом походе — у нее имеется и достаточно денег для этого и обученное войско; а поскольку язычники угрожают всему христианскому миру, греческой церкви пора, наконец, соединиться со своей матерью — римской церковью (иначе говоря, подчиниться папе). Конечно, крестовый поход будет направлен против мусульман, и целью, как и прежде, останется Иерусалим. Однако, дабы избежать непредвиденных опасностей, которые — как знать? — могут возникнуть для Византии с Запада, византийскому императору стоит все же поразмыслить, какую роль его государство сыграет в предстоящих событиях. Папа делал весьма прозрачный намек Алексею III: помоги крестоносцам золотом и оружием, а главное — поставь свое духовенство во главе с патриархом под власть римского престола. Пока еще есть время! Позднее, когда западные рыцари двинутся в поход на Восток, не пришлось бы тебе раскаиваться в своей неуступчивости! Мы найдем способы, заявлял папа, выступить «как против тебя, — ведь ты мог бы, если бы захотел, выполнить то, чего мы требуем, — так и против патриарха и греческой церкви». Берегись тогда «сильной бури»! Не разумнее ли принять наши советы и тем самым обрести «благодатный» покой?

Видимо, Иннокентий III, затевая крестовый поход,

связывал с ним определенные планы в отношении Византии: он стремился распространить на нее владычество римской курии, обратив греков в католицизм, и ради этого шантажировал василевса-узурпатора. Провозглашение крестового похода было использовано папской дипломатией для того, чтобы скрытыми угрозами склонить Алексея III к выполнению замыслов курии.

Эживоки Иннокентия III не оказали на Константинополь ожидавшегося воздействия. Алексей III отвечал на папские увещания и угрозы уклончиво, и вскоре стало ясно, что дипломатической игрой, отеческими уговорами или даже угрозами папа едва ли добьется своей цели.

Турнир в замке Экри

При дворах государей Западной Европы проповедь священной войны не вызвала былого энтузиазма. Правда, французский и английский короли заключили, по настоянию папского легата, мир между собой, однако оба, обжегшись на третьем крестовом походе, не собирались участвовать в новом. Филипп II Август считал, что на жизнь человека хватит и одного крестового похода. Ричард Львиное Сердце открыто насмеялся над проповедниками священной войны, когда они к нему обращались. Германские же короли — Филипп Швабский и Оттон Вельф — продолжали междоусобную распрю и оставили вовсе без ответа призывы папы, который к тому же сам и разжигал внутренние раздоры в Германии. Немецкий поэт (миннезингер) того времени Вальтер фон дер Фогельвейде, понимая двуличие Иннокентия III, едко писал по поводу его политики:

Был Рим во славу божью
Кругом опутан ложью,
И вышел спор двух королей,
Какого мир не видел злей.

С большим интересом к проповедям крестового похода прислушивались в феодальных замках, особенно во Франции, где среди сеньоров и рыцарей всегда было много охотников поживиться за чужой счет; к тому же в семьях феодалов уже так повелось, что кто-нибудь из сыновей обязательно отправлялся в крестовый поход. Для молодого рыцаря это был своего рода долг чести, испытание воинской доблести и религиозных чувств. Однако и владельцы замков, обсуждая послания Иннокентия III, выказывали медлительность. Март 1199 года — время, назначенное папой для выступления крестоносцев, — миновал, а о крестовом походе шли еще одни только разговоры. Все же рыцари и некоторые видные бароны постепенно стали склоняться к тому, чтобы откликнуться на зов Иннокентия III. Их настроения отчетливо выявились поздней осенью 1199 года.

В один из погожих ноябрьских дней, каких мало выпадает в это время года, близ замка Экри, что в графстве Шампанском на реке Энн, возле Ретеля, царило праздничное оживление. К широкой поляне, расстилавшейся неподалеку от замка, со всех сторон стекался народ. В этот день владелец Экри устраивал боевое состязание рыцарей — турнир. Одни пришли, чтобы поглядеть, что на нем будет происходить, другие съезжались, чтобы самим принять участие в турнире. Зрители располагались вокруг невысокого частокола, которым была обнесена поляна. Впереди, поближе к этой «арене», скамьи высокой трибуны занимали благородные сеньоры со своими домочадцами. По обе стороны от нее рассаживались прямо на земле, на пожелтевшей осенней траве, крестьяне — и взрослые, и детвора, которой не терпелось увидеть захватывающее зрелище. Сами участники турнира сгруппировались возле огромного дуба, в двух сотнях шагов от зрителей.

Хотя в те времена рыцарские турниры являлись обычным делом, тем не менее они всегда привлекали к себе многочисленную публику. Турнир в Экри был особенно людным. Сюда съехался цвет французской знати. Оставив своих коней на попечение слуг, графы и герцоги, бароны и виконты беседовали о своих будничных делах, об охотничьих трофеях, о семейных событиях и, конечно, о турнире, который вот-вот должен был открыться. Знатоки вполголоса называли имена рыцарей-соперников, уже облачившихся в доспехи и дававших последние указания своим оруженосцам. Рассматривая бойцов и их коней, сеньоры оценивали шансы на успех тех или иных... Дамы, завистливо поглядывая на наряды знакомых и незнакомых, обменивались светскими новостями. А несколько поодаль толковали между собой крестьяне, перебрасываясь смешливыми замечаниями насчет ратников.

Вот раздался протяжный мягкий звук: это рога герольдов возвестили о начале турнира. Разговоры смолкли.

В проход изгороди въехали на гарцевавших конях два статных воина, закованных в латы. Соперники остановились на противоположных концах поляны, повернувшись один к другому. Еще минута — и прищпоренные кони стремительно понесли навстречу друг другу всадников с копьями наперевес. Затаив дыхание, зрители следили за ходом поединка.

Одна за другой сменялись на поляне пары ловких рыцарей. Победители покидали поле боя с горделиво поднятой головой, открыв свое лицо; поверженных ударом копья оруженосцы уносили прочь, и забрала на их шлемах оставались опущенными. Турнир продолжался несколько часов.

И вдруг произошло нечто совершенно неожиданное: когда прозвучал очередной сигнал, на арену вместо

всадников величественной походкой вступил высокий худой человек в длинной черной сутане.

Это был священник Фульк из местечка Нейи, что близ Парижа. Историки иногда называют его новым Петром Отшельником. Своим фанатизмом Фульк и в самом деле походил на известного нам героя первого крестового похода. Ревностным католиком он стал сравнительно недавно. В молодости Фульк был завзятым кутилой и уж никак не отличался строгой нравственностью. Зато теперь, покаявшись в былых грехах, кляня на чем свет стоит «безумных женщин», мотов, разбрасывающихся деньгами, и ростовщиков, ссужающих их под высокие проценты, что возбраняется церковью, он словно стремился искупить «заблуждения» прежних лет. «И слава этого святого человека распространилась настолько, — передает хронист, — что дошла до апостолика Рима Иннокентия». Папа удостоил посланием фанатичного приходского священника, официально поручив ему проповедовать войну за Иерусалим и предписав во всем повиноваться легату апостольского престола во Франции.

Фульк принялся рьяно выполнять поручение Иннокентия III. Месяц за месяцем, год за годом обходил он села и замки королевского домена, произнося зажигательные речи о крестовом походе. Ему удалось прослыть среди темных крестьян пророком-чудотворцем и целителем: молитвой и прикосновением рук Фульк, по рассказам современников, возвращал зрение слепым, слух — глухим, речь — немым, способность двигаться — паралитикам. «Господь бог творил через него много великих чудес», — с благоговением отзывается о проповеднической деятельности Фулька пикардийский рыцарь Робер де Клари, автор записок «О тех, кто завоевал Константинополь».

Фульк из Нейи был человеком довольно пронырливым:

он умел незаметно, войдя в доверие, раздобыть нужные сведения, договориться с людьми, готовыми разыгрывать из себя исцеленных. Этот пастырь «хорошо знал, — пишет скептически настроенный хронист, — кого и в какое время он мог и должен был избавлять от недугов». Тем не менее, несмотря на славу кудесника, Фульк не смог увлечь своими призывами бедняков: времена Петра Отшельника остались позади. В народе с подозрением относились к тому, что проповедник, не довольствуясь чудесами и речами, собирает со слушателей большие деньги, необходимые якобы для крестового похода. Многие, по словам летописца, задавались вопросом, а действительно ли эти деньги, которые пока что складывались в шкатулки монашеского ордена цистерцианцев, пойдут на освобождение Иерусалима? Фульк напрасно рассчитывал поднять народ на священную войну. Да и не столь уж это было существенно для церковников. Гораздо важнее им представлялось прежде всего другое — увлечь на Восток рыцарей. Вот почему Фульк прибыл именно в Экри.

Нарушив ход турнира и не обращая внимания на шум, вызванный его неожиданным появлением, священник обратился к участникам и зрителям турнира с пламенной проповедью. Он напомнил рыцарям о посланиях «апостолика» Иннокентия III, о тяжком и позорном положении, в котором будто бы находится Иерусалим, — словом, повторил все то, о чем уже раньше было известно из папских энциклик. Фульк громогласно пристыдил сеньоров и их вассалов: они здесь «увеселяются турнирами», «играют в сражения» в то самое время, когда Святая земля за морем ждет от них избавления от непереносимого ига «неверных»!

Когда он закончил речь, среди присутствовавших поднялось сильное возбуждение. Многие знатные люди и простые рыцари, не сговариваясь, тут же на месте

прикрепляли к кафтанам матерчатые кресты, которые раздавал им Фульк, и клялись отправиться в крестовый поход. Рыцарей этих, «конных и пеших, было столько тысяч,— читаем у Робера де Кларк, — что числа их мы не ведаем». Они «брали крест» не потому, что были тронуты велеречивыми и уже достаточно избитыми разглагольствованиями оратора насчет страданий братьев христиан в Палестине. Зрелище турнирного боя подогрело воинственный пыл рядовых рыцарей, давно уже поговаривавших о новом крестовом походе.

Что касается знати, то на нее в этот момент главное воздействие оказали соображения не столько религиозного, сколько политического характера. Как уже было сказано, во Франции сравнительно недавно закончилась война Филиппа II Августа с Ричардом Львиное Сердце. Во время этой войны многие могущественные французские сеньоры были союзниками английского короля. Они не хотели укрепления королевской власти в своей стране, а как раз этого добивался Филипп II. Теперь, когда военные действия на севере страны прекратились и самого Ричарда I более не было в живых, сеньоры опасались мести своего верховного сюзерена — Филиппа II. Самым удобным способом избежать ее и таким образом защитить свои земли от королевских притязаний было отправиться в заморский поход. Имущество крестоносцев всегда считалось неприкосновенным — его охраняла церковь. В своих посланиях Иннокентий III вновь подтверждал, что этот порядок остается в силе и впредь. К тому же успех сулил расширение прежних владений, а значит, и рост могущества знати. Все это побудило феодальных магнатов положительно отозваться на клич, брошенный от лица папы священником Фульком, и взять крест.

Так с конца 1199 года дело, затеянное папой, начало мало-помалу подвигаться вперед. К концу следующего

года феодальные ополчения, готовые к походу, насчитывали 8—10 тысяч воинов, предводительствуемых сотней баронов.

«А послам поручили нанять корабли»

Вскоре после знаменательного турнира, в небольшом, окруженном лесами городе Компъень, севернее Парижа, на реке Уазе, собрались видные французские сеньоры, изъявившие желание отправиться в крестовый поход. Среди других сюда прибыли двадцатидвухлетний племянник короля граф Тибо Шампанский, отец которого участвовал еще во втором, а старший брат — в третьем крестовых походах, и вассал графа — маршал Жоффрау Виллардуэн, человек лет под пятьдесят, умный и образованный для своего времени, владетель средней руки (впоследствии он рассказал о событиях крестового похода в своем сочинении «О завоевании Константинополя», которое продиктовал писцу после завершения этого предприятия). Были тут и 28-летний Бодуэн, граф Фландрии и Эно, женатый на сестре Тибо Шампанского, один из самых могущественных магнатов, особенно упорно противившийся усилению позиций короны, и его брат Анри, и молодой задиристый феодальный вояка граф Луи Блуасский, чьи предки принимали участие еще в первом крестовом походе, и граф Симон де Монфор, не так давно потерявший свои земли в Англии (во Франции у него имелось лишь небольшое поместье), жестокий и корыстолюбивый фанатик. Все эти и другие магнаты съехались в Компъень, чтобы решить, под чьим командованием, когда, откуда и каким образом выступить на священную войну.

Сперва графы и бароны выбрали предводителя будущего войска крестоносцев: согласились на том, что нет

более подходящего кандидата на этот пост, чем Тибо Шампанский, многие родичи которого были тесно связаны с судьбами Святой земли. Его единодушно признали высшим военачальником. Затем бароны рассудили: чтобы добраться до страны ненавистного султана и нанести удар мусульманам, необходимо где-то нанять корабли, на которые можно будет погрузить и войско, и лошадей, и снаряжение. Кто же предоставит суда для тысяч и тысяч крестоносцев?

По общему мнению баронов, самым верным было бы обратиться к правителям Венеции: ее корабли уже сотни лет бороздили воды Средиземного моря, перевозили в Святую землю тысячи паломников, а венецианские купцы вели торговлю с разными, в том числе мусульманскими, государствами. Опытным морякам республики святого Марка, конечно, хорошо знакома дорога и в Египет, и в Сирию. Так попробуем же договориться с венецианским правительством о найме кораблей! — постановили французские феодалы в Компьене.

Для ведения переговоров с венецианцами бароны избрали послами шесть знатных рыцарей: в их число попали Виллардуэн, известный своей практичностью, деловитой осторожностью и умением выполнять самые деликатные поручения, а также красноречивый рыцарь-поэт Конон Бетюнский, барон, уже раньше отличившийся на Востоке и, кстати, сочинивший две поэмы о третьем крестовом походе. Этим рыцарям и «поручили нанять корабли», рассказывает Робер де Кларк. А чтобы в Венеции поверили послам, именитейшие сеньоры — Тибо Шампанский, Бодуэн Фландрский и Луи Блуасский (каждый из них предложил двух своих кандидатов в состав посольства) снабдили их особыми грамотами, к которым были подвешены печати этих трех феодальных магнатов: в грамотах говорилось, что их предьявители

облечены всеми правами и полномочиями, необходимыми для того, чтобы договориться о деле, которое им поручено, с властями Венецианской республики.

В феврале 1201 года, проделав многодневный путь в Италию, посольство прибыло в Венецию — город, славившийся сказочно богатыми и ненасытными к наживе купцами, искусными капитанами, закаленными в бурях матросами, самым большим и сильным на Западе флотом. На всякий случай, впрочем, бароны снарядили посольства и в другие крупные торговые города Северной Италии — Пизу и Геную. Оттуда, однако, очень скоро прибыл отрицательный ответ: мол, у генуэзцев и пизанцев нет достаточного числа кораблей, и они «ничего не смогли бы сделать». Оставалось надеяться только на венецианское правительство.

«Мы охотно заключим с вами сделку»

Устроившись на постоялом дворе для чужеземцев, куда их доставил на своей остроносой ладье загорелый черноглазый гондольер, послы на следующий же день отправились в центр города, к высокому, с причудливо украшенными капителями колонн дворцу, в котором, как им указали, находится резиденция дожа. Дожем звался правитель республики, возглавлявший ее сенат, или Большой совет. В руки дожа сходились все нити внешней политики и торговли венецианского государства. Он пользовался огромной властью, и, разумеется, прежде всего с ним нужно было встретиться французским послам.

Однако добиться у него приема оказалось нелегко, и в течение нескольких дней рыцари могли вволю любоваться Венецией. Город был совсем не похож на те городишки, которые уже выросли в их родной стране. Он располагался не на суше, а на воде, словно поднимаясь из

синего моря. Во всех направлениях Венеция была изрезана каналами, подходившими прямо к стенам домов. Воды каналов окружали целые кварталы, которые от этого имели вид настоящих островов. Каналы заменяли венецианцам улицы, а легкие гондолы, управляемые одним-двумя гребцами, служили торопившимся «пешеходам» не хуже колясок, запряженных парой гнедых. Особенно поразили французов шумные причалы, где всегда было полным-полно разного люда: почерневших от солнца и грязи грузчиков и матросов; оборванных нищих, которые выклянчивали мелочь у дородных купцов, одетых в бархатные камзолы, и у скряг-менял, которые, сидя за своими столиками, уставленными горками монет, обращали марки в дукаты, дукаты — в динары, динары — в номисмы или шиллинги; суетившихся купеческих приказчиков и торговых агентов; представительных капитанов, похихивавших своими трубками; крикливых надсмотрщиков с хлыстами в руке. У этих людных причалов с восхода до захода покачивались на воде бесчисленные корабли. Одни нагружались товарами (в том числе и «живым товаром» — рабами), отправляемыми на продажу во все концы Средиземного моря. Другие, напротив, разгружались: то и дело на берег выносили тюки с хлопком, бочонки с винами, ящики с металлической рудой, мешки с драгоценными мехами — все, что везли из далеких стран купцы «царицы Адриатики» (так прозвали тогда Венецию). От множества кораблей, стоявших на причалах, у французских послов рябило в глазах и дух захватывало.

Наконец, их известили, что они могут предстать перед всецельным дожем. Этот пост вот уже почти десять лет занимал престарелый Энрико Дандоло. Ему перевалило далеко за 80. Он прошел большой жизненный путь, полный опасностей и удивительных приключений, фанта-

стических успехов и тяжелых неудач. Дандоло был и негоциантом, нажившим крупные барыши на торговле с греками и арабами, и морским адмиралом, под водительством которого венецианские корабли не раз пускали ко дну суда мусульман и торговых соперников Венеции в самой Италии — Генуи и Пизы (венецианских купцов с полным основанием считали в те времена морскими разбойниками с Адриатики, и Дандоло являлся одним из них). Немало услуг в прежние годы оказал Дандоло республике святого Марка и на дипломатическом поприще, отстаивая ее интересы в Византии и в других странах. Во время одной из своих посольских миссий в Константинополе он потерял зрение: то ли, как сообщает Виллардуэн, был ранен в голову, то ли, как рассказывается в Новгородской летописи, греки ослепили его раскаленным стеклом.

Теперь, когда Дандоло восседал в кресле дожей, это был согбенный от груза лет, дряхлый и немощный на вид старик. Однако ум его, искушенный в разбойничьих и финансовых делах, понаторелый в интригах, сохранял поразительную ясность. И как в давние годы, им целиком владели одно стремление, одна мысль — любимыми способами умножать могущество и богатство Венеции, побеждая ее многочисленных врагов (христиан среди них было не меньше, а даже больше, чем мусульман). Глаза Дандоло ничего не видели, кроме тьмы, но его дальновидности и предусмотрительности позавидовали бы многие зрячие государственные мужи. В старческом теле седовласого дожа таились силы, которые не смогли одолеть долгие годы бурной жизни.

Во всем этом послы крестоносцев вскоре убедились на деле. Когда секретарь ввел их в приемный зал, они увидели слепого и, казалось, хилого старика. Прославленный дож сидел на троне. Отложив в сторону грамоты, кото-

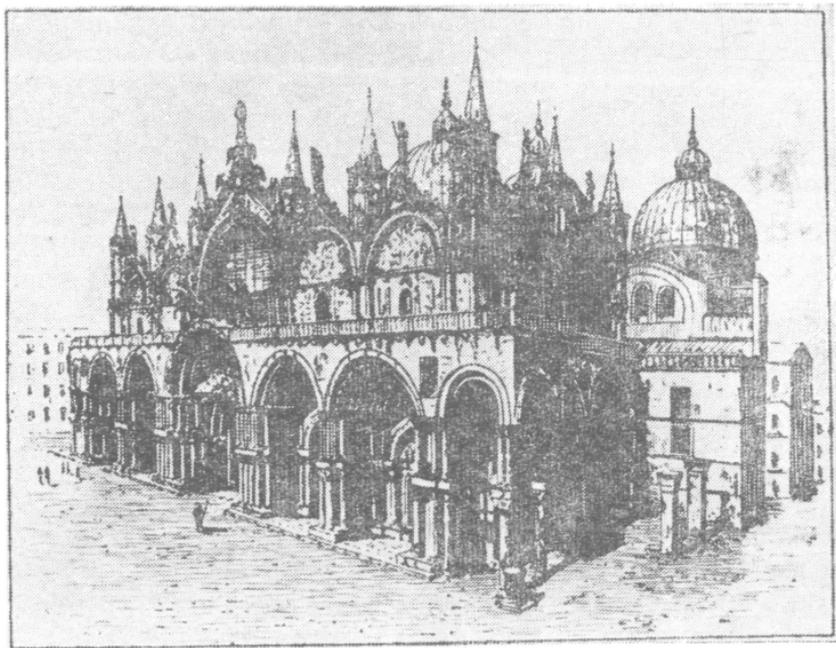
рые вручили ему послы, Энрико Дандоло попросил их на словах изложить свою просьбу. Он внимательно выслушал рыцарей, повернув к ним свое высохшее, морщинистое лицо с широкими складками на лбу; «он был в преклонных годах,— замечает Виллардуэн,— и на его прекрасном лице были очи, коими он не видел ни капли». Когда послы кончили свои речи, дож не сразу дал им ответ, ибо, по словам того же Виллардуэна, «он чрезвычайно изумился тому делу, по которому они прибыли в его страну». Дело было, конечно, серьезное и важное: предложения крестоносцев требуется тщательно взвесить — вот что, казалось, говорила всем своим видом неподвижно застывшая в тронном кресле фигура старца.

В действительности Дандоло лишь притворялся озабоченным тем, что поведали ему послы. Он давно уже был осведомлен о готовящемся крестовом походе. Еще до прибытия французского посольства в Венеции побывал направлявшийся в Палестину римский кардинал Соффредо, командированный туда Иннокентием III: папа лучше, чем кто-либо другой, понимал, что без Венеции с ее огромным флотом крестоносцам не обойтись, и кардинал уже заблаговременно просил венецианцев о поддержке. Однако хитроумному Дандоло важно было протянуть время. Пусть послы проникнутся нетерпением, пусть их охватит тревога за исход своего поручения, а уж тогда можно будет заломить такую цену, которая сделает поход баснословно прибыльным для Венецианской республики. Крестовый поход — благочестивое дело? Ну что же, и его надо делать по-купечески расчетливо.

Наконец, Дандоло очнулся от своей показной задумчивости. Тихим, вкрадчивым голосом он заявил послам, что обязан сперва обсудить их просьбу с distinguished сенаторами, членами Синьории, или Малого совета (в него входили шесть знатных венецианцев). «И дож

им ответил, что он просит у них отсрочку на четыре дня, и что тогда он соберет свой совет, и что они смогут сказать, чего добиваются», — читаем у Виллардуэна.

Через четыре дня послы вторично изложили свою просьбу, на этот раз уже в присутствии шестерых членов Малого совета. Но и здесь они не получили ясного ответа: их просили еще раз явиться к дожу спустя неделю: «И вы не удивляйтесь, если срок так велик, — сказал им дож, — ибо следует много поразмыслить о столь великом деле». Приняв послов в третий раз, Дандоло изъявил согласие помочь крестоносцам: «Мы охотно заключим с вами сделку», — передает его ответ Робер де Клари. Правительство Венеции не откажется содействовать благочестивому предприятию: интересы христианской веры близки венецианцам не меньше, чем кому-либо другому. Поэтому дож, обсудив дело с членами совета, предлагает послам следующие условия, на которых Венеция готова оказать услуги рыцарскому войску. Рыцари креста получают флот, достаточный для того, чтобы перевезти за море 4500 рыцарей, столько же коней, 9000 оруженосцев и 20 тысяч пехотинцев. И люди, и кони будут обеспечены пропитанием в течение девяти месяцев. За это крестоносцы должны уплатить республике 85 тысяч марок серебром («с каждого коня четыре марки и с каждого человека две марки»). Плату они могут произвести не сразу, а в четыре срока, но так, чтобы последний взнос был сделан не позднее апреля следующего, 1202 года. Мало того, из любви к богу Венеция сама снарядит дополнительно еще 50 вооруженных галер. Зато все, что крестоносцы с ее помощью завоюют где-либо — на суше или на море, — они обязуются честно разделить поровну с Венецией: «половину получим мы, а другую — вы». Если послы эти условия устраивают, заключим договор и приступим к его исполнению. Конечно, на это еще дол-

Собор св. Марка в Венеции.

жны согласиться Большой совет и народ Венеции, которые одни только вправе вынести окончательное решение. Он, дож, не отваживается брать на себя всю ответственность за столь хлопотливое и опасное дело. «Теперь вы посоветуйтесь, можете ли вы это выполнить и принять», — обратился старец к послам.

Получив назавтра утвердительный ответ, Дандоло без особого труда уговорил членов Большого совета, состоявшего из 40 сенаторов, одобрить его проект договора, а затем, как искусный режиссер, заставил шестерых

рыцарей участвовать в последнем акте поставленной им комедии. Он был разыгран в начале апреля под высокими сводами собора св. Марка — небесного покровителя и защитника Венеции. Этот собор был выстроен лет за сто до описываемых событий: он всегда поражал иноземцев и своими размерами, и внутренним убранством, а особенно — искусной золотой мозаикой, которой были выложены мраморные плиты его пола. После торжественного богослужения — в нем участвовали, по оценке Виллардуэна, около десяти тысяч венецианцев — вперед выступили французские послы: Дандоло «предложил им просить униженно весь народ, чтобы он согласился на утверждение этого договора». Один из них — это был Виллардуэн, — поклонившись сперва дожу, потом прочим собравшимся, от имени всего посольства произнес короткую речь, адресованную венецианцам.

В этой речи маршал Шампанский умолял их сжалиться над Иерусалимом, захваченным язычниками, и ради господ бога, ради того, чтобы отомстить за оскорбления, нанесенные Христу, принять участие в крестовом походе. Самые высокие бароны Франции обратились к вам потому, что ни один народ не является столь могущественным на море, как венецианцы; и вот мы припадаем к стопам вашим и не встанем на ноги до тех пор, пока вы не сжалитесь над Святой землей, что находится за морем... Тут Жоффрау Виллардуэн действительно рухнул на колени. То же сделали остальные послы. Все это представление произвело нужное впечатление на присутствовавших. Со всех сторон слышались возгласы: «Мы согласны, мы согласны!» И в храме, как повествует Виллардуэн, поднялся такой шум и грохот, «что, казалось, проваливается земля».

Когда шум стих, слово взял Дандоло. Выступая уже от лица народа, он повторно изъявил согласие Венеции

помочь крестоносцам «в освобождении нашего господ» от ига «неверных». Судя по его речи, можно было и впрямь подумать, что дож глубоко предан религии и ни о чем, кроме спасения христианских святынь, не помышляет. Гул одобрения пронесся по храму, когда Дандоло, кончив, спустился с кафедры. Венецианский народ по воле Дандоло санкционировал помощь крестоносцам, а сам дож, испросив поддержку соотечественников, предусмотрительно избавил себя от ответственности на случай, если крестовый поход провалится (возмещение убытка можно будет взвалить на горожан, согласившихся предоставить флот рыцарям). Спектакль, устроенный в соборе св. Марка, был завершен, и посольство из Франции в принципе могло считать свою миссию выполненной. Оставалось совершить формальности, связанные с подписанием договора.

Договор с Венецией

Дандоло заставил французских послов томиться долгим ожиданием и разыгрывать сцену упрашивания сената и народа, в сущности, лишь для того, чтобы как можно лучше скрыть с самого начала свои подлинные намерения. А они состояли в том, чтобы превратить крестовый поход в доходную операцию, крестоносцев же — в простое орудие осуществления купеческо-пиратских замыслов «милостью божьей дожа Венеции» (так титуловался он в тексте договора).

Условия соглашения о перевозе крестоносной армии за море были приняты французскими послами не без сомнений: «Они совещались и проговорили всю ночь», — вспоминал Виллардуэн. Рыцари, видимо, понимали, хотя и не слишком отчетливо, что 85 тысяч марок, которые требовал дож за корабли и другую помощь, — довольно

крупная сумма (в весовом выражении равная почти 20 тысячам килограммов серебра!), но все же им казалось, что уплата ее едва ли представит непреодолимые трудности. Феодалы не привыкли считать деньги, а тем паче рассчитывать что-то наперед, вникать в детали. Рыцарь обязан как следует владеть мечом и копьём, он должен уметь добыть золото и серебро — пусть крохоборы-купцы щелкают на счетах!

Что касается дожа, то он назвал свою цену, заранее все взвесив и подсчитав, как и подобало негоцианту, знающему толк в коммерческих делах. Крестовый поход давал возможность сорвать с рыцарей хороший куш, а от выгоды, которая к тому же сама плыла в руки венецианских торгашей, Дандоло никогда не отказывался. Расчеты показывали, что годичное содержание войска в 33 500 человек с 4500 конями плюс затраты на строительство флота и амортизационные расходы обойдутся примерно в 70 тысяч марок. Купцы и судовладельцы республики святого Марка обычно выигрывали на каждой торговой сделке не менее 20 процентов: такова была их установившаяся тогда коммерческая практика. Сумма в 85 тысяч марок как раз соответствовала привычным для венецианских торгашей нормам торговой прибыли. Кроме того, важны были не только 85 тысяч марок, которые должны были уплатить крестоносцы за услугу: половинная доля всей добычи, выговоренная дожем в пользу Венеции, — это тоже чего-нибудь да стоило, причем, вероятно, гораздо большего!

И все же ни деньги сами по себе, ни даже добыча не составляли главного в замыслах Дандоло. Главное заключалось в другом — и этого-то не уловили послы крестоносцев, обрадовавшиеся, что так успешно справились со своим поручением. Сам Дандоло сделал немало, чтобы затемнить их разум. Оттяжки, проволочки, заседания

Малого и Большого советов, обращение к народу в торжественном великолепии пышного храма — весь этот лицейский церемониал, занявший около двух месяцев, в значительной мере предназначался для того, чтобы оставить рыцарей в неведении о самом важном в планах дожа.

Многоопытный правитель республики, «муж совета», «весьма мудрый и доблестный», как отзывается о нем Виллардуэн, имея в виду, конечно, не воинские доблести престарелого Дандоло, а его выдающийся ум государственного деятеля, сумел подстроить крестоносцам верную ловушку, в которую они вскоре и попались, как птенцы. Заключалась она в следующем.

В ходе дипломатически-коммерческих переговоров, естественно, дебатировался вопрос о непосредственной цели похода, о том, куда Венеция доставит на своих кораблях крестоносцев. Судя по последующим событиям, послы французских рыцарей называли в качестве места назначения морской экспедиции Египет — центр мусульманских владений. Известно, во всяком случае, что, когда через год крестоносцы собрались в Венеции, их главари «единодушно сошлись на том, чтобы двинуться прямо к Александрии, смело осадить ее и скорее не столько попытать свое счастье в войне, сколько силу могущества божьего». Так передает стратегические планы сеньоров монах Гунтер из эльзасской обители Пэрис, знавший о событиях из уст их участника, аббата того же монастыря — Мартина.

Венецию, однако, совсем не устраивало, чтобы крестоносцы шли войной на Египет. У республики святого Марка были с ним хорошо налаженные торговые связи. Правда, султан взимал с ввозимых и вывозимых ею товаров различные пошлины, но зато венецианские купцы могли торговать во всей стране и без каких-либо ограни-

чений. «Чтобы торговля росла и развивалась» — так говорилось в одной охранный грамоте, выданной султаном, — он обязывался не брать с них ничего лишнего. Венецианцы держали в Александрии свой торговый двор и могли там проживать, как сказано в том же документе, «свободно и благочестно», находясь под защитой собственных воинов. «Царица Адриатики» с выгодой продавала султану даже оружие, не говоря уже о лесе, железе и других товарах, а вывозила оттуда всевозможные пряности. В таких обстоятельствах помогать крестоносцам в разорении Египта едва ли имело для Венеции большой смысл: арабы были надежным торговым партнером. Религиозные соображения? Они в глазах венецианских купцов и арматоров (судовладельцев) стоили немного. Ведь венецианцы игнорировали запретительные постановления церковных соборов, на заседаниях которых епископы и аббаты метали громы и молнии против тех католиков, которые ради барыша не брезгают предоставлением оружия врагам христовой веры!

К тому же война против Египта заключала в себе изрядную долю риска...

Не удивительно, что, как только стала вырисовываться — во время переговоров с рыцарским посольством — перспектива крестового похода на Египет, дожу и его советникам такой оборот дела показался малоприятным. С их точки зрения, было бы весьма желательно придать походу какое-нибудь иное направление, двинув крестоносцев в сторону от Египта. Для этого прежде всего следовало поставить рыцарей креста в полную зависимость от Венеции. И дож отыскивал надежное средство реализовать такой замысел.

Договор с крестоносцами гласил, что они уплатят 85 тысяч марок. Однако там ничего не было сказано ни насчет прямой цели предприятия, ни насчет того, как по-

ступить, если к назначенному времени — апрелю 1202 года — в Венецию не прибудет столько воинов, сколько предполагалось, то есть если соберется меньше 4500 рыцарей, меньше 9 тысяч оруженосцев, меньше 20 тысяч пехотинцев. Получалось так, что, сколько бы ни явилось крестоносцев, они обязаны будут в любом случае уплатить сполна все деньги. Вот в этом-то пункте дож и обвел французских послов вокруг пальца. Он предугадал то, о чем, вероятно, они и не задумывались, а именно: вряд ли в Венецию сойдутся все крестоносцы, ибо религиозный пыл рыцарства сильно поукас и собрать под знамена креста даже 35 тысяч воинов можно было лишь с трудом. А если дело обернется таким образом, то явившиеся неизбежно окажутся в затруднительном положении при расплате с Венецией. Вот тогда-то и можно будет продиктовать им свою волю: как неисправные должники, они очутятся полностью в руках венецианского правительства.

О том, куда надо будет повернуть после этого войско, дож тоже думал. В его голове зародился коварный план, о котором было невдомек даже близким к нему людям.

Много врагов имелось у Венеции, но один из них оставался до сих пор самым неуязвимым, и к нему в Венеции давно уже накапливалась ненависть. Кто был этот враг и какие тайные, пока еще смутные планы строил Дандоло? Догадываться о том, куда целит дож, мог только папа Иннокентий III. И он действительно догадывался о намерениях старца.

«Если не станете причинять вред христианам»

На другой день после спектакля, разыгранного в соборе св. Марка, писцы изготовили договорные грамоты. «Их отнесли дожу в большой дворец, где находился Большой

совет и Малый совет». В пергаментных свитках были записаны все те условия, которые Дандоло уже раньше изложил послам крестоносцев и которые они целиком приняли, фактически запродав своих поручителей, а с ними и все войнство креста Венецианской республике. Цифра участников похода, названная в соглашении, в три раза превосходила численность крестоносцев, собравшихся к тому времени в дорогу, но это обстоятельство несколько не смущало французов. Возможно даже, им казалось, что заключена удачная сделка!

В действительности судьбы крестового похода отныне решались венецианской олигархией. Послы графов и баронов, слабоватые в арифметике, завысили размеры рыцарского контингента, который Венеции реально придется перевозить «за море». Да если бы явились и все рыцари, численность которых называлась в договоре, то едва ли они составили более половины предполагавшегося количества.

Обе договаривающиеся стороны поставили под грамотами свои подписи и скрепили их печатями. И Дандоло с сенаторами, и французы, поочередно взяв в руки Евангелие и преклонив колени, принесли клятву в том, что будут свято соблюдать все, что занесено на пергамент. По обычаю того времени, дож, сорок шесть его советников и шестеро послов в знак нерушимости соглашения и собственной клятвы один за другим поцеловали большой серебряный крест. И так как никакая сделка, касавшаяся столь христианнейшего предприятия, не могла быть заключена без одобрения церкви, то договорные грамоты были тотчас же вручены доверенному лицу для передачи их на утверждение его апостолическому святейшеству — папе. Гонец поскакал в Рим.

Иннокентию III не понадобилось долго вчитываться в представленные ему свитки; довольно было и беглого

ознакомления с ними. Искусством крючкотворства он и сам владел не менее тонко, чем венецианские торгаши вместе с их хитроумным правителем. Папа сразу увидел в договоре Венеции с крестоносцами лазейки. Он не питал доверия к венецианцам, зная, что, коль скоро это сулит выгоду, они перевезут кого угодно и куда угодно. Папа отлично понял, что Дандоло, видимо заранее рассчитывая недополучить с крестоносцев, постарается возместить денежный убыток, использовав рыцарское войско в интересах Венеции, то есть для завоеваний. Где именно? На этот счет у римского понтифика тоже не могло быть сомнений. Ясно, что дож не пошлет крестоносцев против такого партнера по взаимной торговле, как мусульманский Египет: еще в 1198 году Иннокентий III сделал строгий выговор венецианцам за то, что они продают оружие султану. Выговор не возымел действия — мечи и секиры, изготовленные мастерами-христианами, по-прежнему продолжали сбываться «неверным». Столь явное пренебрежение папскими предписаниями делало тем более очевидным, что не Египет на уме у Дандоло. Цель, к которой, как об этом догадывался папа, стремился дож, была безусловно той же, в которую исподволь и попутно метил сам Иннокентий III, затеявая крестовый поход, — Византия.

Конечно, она являлась христианской державой, но гораздо важнее было другое: Византия — богатое государство, под ее властью — проливы в Черное море, в ее храмах — несметные сокровища. Папы постоянно стремились подчинить греческую церковь римской, а через нее и Константинопольскую империю поставить в зависимое от апостольского престола положение. Иннокентий III неспроста угрожал несколько лет назад константинопольскому узурпатору Алексею III — остерегайся «сильной бури»! И вот теперь, видимо, какие-то планы завоевания

Византийской империи с помощью крестоносцев возникли и в Венеции. Как же поступить?

Иннокентий III вынес быстрое решение. Подобно всей политике папы, оно было от начала до конца лицемерным. Нельзя было не утвердить договора крестоносцев с Венецией — ведь без ее флота им не переправиться за море! И папа высочайше утвердил привезенные ему договорные грамоты. «Он сделал это весьма охотно», — говорит Виллардуэн. Мало того, в послании венецианскому духовенству, написанном вслед за утверждением договора, Иннокентий III выразил удовлетворение тем, что его «возлюбленные чада, дож Энрико и народ венецианский, решили оказать Святой земле столь могущественную поддержку». Он даже прикинулся, будто все идет согласно с его собственными намерениями и как бы во исполнение его воли. Папа обратился к церковникам Англии и Франции, распорядившись тщательно проследить за своевременностью отправления рыцарей в поход, дабы был соблюден срок, «который установили наши возлюбленные сыны, графы Фландрии, Шампани и Блуа», чьи послы вкупе с венецианцами подписали соглашение на этот счет.

Тем не менее римскому понтифику, при всем его двуличии, нельзя было открыто и безоговорочно одобрить тайные замыслы Дандоло, которые он словно видел насквозь. Поэтому в Венецию одновременно с утверждением договора было направлено грозное — по крайней мере, на словах — предупреждение: пусть ни венецианцы, ни крестоносцы не вздумают поднимать оружие против христиан и причинять им вред, — только на таком условии апостольский престол согласен признать законность их договора.

Все это могло означать лишь одно: Иннокентий III, по сути дела, поощряет тайные намерения венецианского

дожа, жертвой которых, скорее всего, намечалась христианская Константинопольская империя. Так и было принято папское послание в Венеции: договор утвержден, и это — главное.

Венеция и Константинополь

У Венеции были старинные счеты с греками: потому-то дож и замыслил сделать из крестоносцев молот для удара по Византии. Венецианцы, не раз оказывавшие своим флотом помощь Византии в ее борьбе со всевозможными врагами, уже давно добились в награду за эту помощь больших торговых и других преимуществ: товары, которые они привозили в византийские города и вывозили оттуда, не облагались пошлинами — таможенники не имели даже права производить осмотр и проверку этих товаров; в столичной гавани они свободно распоряжались на трех специально отведенных для них пристанях. Венецианские купцы, судовладельцы, ростовщики, члены их семей, прислуга проживали в Константинополе в особом квартале и не были подвластны греческим чиновникам. Грек, которого чем-либо оскорбил венецианец или нанес ему ущерб, не мог искать защиты в византийском суде, — обидчика судил только его консул, и притом не по греческим, а по своим, венецианским, законам.

Хозяиничание венецианцев в византийских городах, их необычайные привилегии, особенно в столице, озлобляли греческих торговцев и ремесленников: пользуясь такими привилегиями, можно дешево приобретать и по сравнительно высокой цене продавать различные товары. Венецианцы лишали греческих купцов покупателей и клали в свой карман такой барыш, какой и не снился

византийским купцам и владельцам мастерских. Последние обязаны были платить продажным императорским чиновникам не только таможенные сборы, но и другие налоги, а к венецианцу сборщик податей не мог подступиться: его оберегали привилегии, пожалованные торговым людям республики святого Марка. Раздраженные всем этим, греческие купцы не раз требовали от правительства покончить с засильем венецианцев. Однажды, лет за 30 до описываемых событий, император Мануил Комнин приказал арестовать всех венецианцев, которые находились в то время в империи, и отобрать у них наличные деньги и товары.

Со временем венецианцы вновь развернули свою торговую деятельность в Византии, но, злопамятные и алчные («народ этот весьма жаден до денег» — так характеризует их французский хронист), они не собирались прощать грекам ущерб, который был им столь вероломно нанесен Мануилом Комнином. Правительство Венеции сумело заставить других императоров (Андроника Комнина, Исаака II, Алексея III) принять на себя обязательства по возмещению убытков, причиненных денежным людям республики. Эти обязательства были к 1201 году выполнены не полностью: когда подходил срок платежа, у византийских императоров обычно не оказывалось денег. Они отделялись очередными обещаниями, представляли венецианцам новые привилегии, но сребролюбивых купцов и процентчиков всем этим нельзя было смягчить. Они требовали звонкой монеты. Морские разбойники с Адриатики затаили мстительные чувства к своей должнице — Византии: в один день ограбить пребывающих на ее территории венецианцев — на это у константинопольского правительства достало мудрости, а рассчитаться с долгами до конца оно оказалось не в состоянии и за три десятилетия! Однако главным, что порождало

напряженность во взаимоотношениях Венеции и Византии, были, конечно, не остатки денежного долга империи республике: его сумма к этому времени не превышала 14,5 тысячи номисм (около 60 килограммов золота). Венецианцев гораздо больше — и в первую очередь — раздражало другое обстоятельство: византийское правительство все чаще стало жаловать привилегии купцам итальянских городов, чья торговля соперничала с венецианской, — Пизы и Генуи. Узурпатор Алексей III проводил как раз такую политику: он оказывал покровительство пизанцам и генуэзцам, нанося явный ущерб Венеции, с купцов которой император потребовал даже — вопреки условиям договора, подписанного в 1199 г., — уплаты таможенных сборов. Все это грозило уменьшить выгоды торговли, которую венецианцы вели в Византии, и делало самые позиции их в империи недостаточно устойчивыми.

Правители Венеции — и Дандоло более, чем кто-либо, — стремились обеспечить купцам республики исключительное положение в левантйской торговле, считая, что Венеция должна полностью, без каких бы то ни было помех, распоряжаться в византийских портах, расположенных на Средиземном и Черном морях. С каждым годом венецианцы все больше убеждались в том, что добиться этих целей можно лишь одним путем — силой. Нужно, попросту говоря, разгромить вероломных греков, овладеть их городами и гаванями. Тогда можно будет уже перестать думать и о золоте, отнятом Мануилом Комнином и до сего дня не целиком возвращенном тем, кто нажил его; нечего будет тогда и опасаться соперников из Генуи и Пизы. Такие мысли нередко высказывались венецианскими богачами в откровенных разговорах друг с другом. Дожд Дандоло и решил провести в жизнь то, о чем давно уже мечтали его соотечественники: оружием

воинов христовых сломить вероломство императоров Константинополя, а заодно, прибрав к своим рукам богатства Византии, самим безраздельно утвердиться в ее портах.

«И они решили послать к маркизу Бонифацию Монферратскому в Ломбардию»

Не успели послы французских баронов-крестоносцев вернуться восвояси, как по замкам разнеслась зловещая новость: умер молодой граф Тибо из Шампани, которого наметили было в предводителя крестоносного войска. Правда, перед кончиной он завещал крестоносцам и своему преемнику 50 тысяч ливров на нужды похода, но сам «отдал душу богу». Между тем время не ждало. Договор с Венецией заключен. Корабли рыцарскому войску будут предоставлены в срок. Медлить со сборами к отправлению нельзя, да и не к чему. Однако войско не может обойтись без командующего. И вот видные французские сеньоры вновь съехались вместе, теперь уже в городке Суассоне, чуть восточнее Компьеня, чтобы избрать нового начальника. Это оказалось не так просто: кому ни предлагали предводительство — все под разными предлогами отклоняли эту честь. Так поступили герцог Эд Бургундский, а вслед за ним граф Тибо из Бар ле Дюк. Наконец, взял слово Виллардуэн, который заявил, что, по его мнению, следует поставить во главе воинства христового маркиза Бонифация из североитальянского княжества Монферрат. Почему итальянца? Какое имеет отношение к делу французских рыцарей сеньор далекого Монферрата? Бароны недоумевали, и не только недоумевали, но и возражали.

А Виллардуэн упорно настаивал на своем. Да, верно, что владения маркиза Монферратского лежат за Альпами, но что из этого? Зато Бонифаций — опытный военачаль-

ник, умелый дипломат и к тому же родич их общего сюзерена, Филиппа II, короля Франции. А самое главное, он несомненно ухватится за предложение возглавить крестоносцев, так как интересы Святой земли истари были близки семейству маркизов Монферратских: трое братьев Бонифагия некогда являлись ревностными крестоносцами и не только владели поместьями и городами в Палестине, но и состояли в родстве с государями Иерусалимского королевства.

Все эти доводы сами по себе, быть может, и не смогли бы показаться сеньярам убедительными, но графы и герцоги уловили в настойчивости Виллардуэна нечто такое, что заставило их нехотя согласиться с его предложением: оказалось, устами маршала Шампанского говорит сам король Филипп II. Это он советовал им избрать предводителем похода Бонифагия Монферратского. Совет короля подействовал на самых неуступчивых феодалов, пусть им и не по вкусу приходился командующий-итальянец. «И они, — рассказывает Робер де Клари, — решили послать к маркизу Бонифагию Монферратскому в Ломбардию», что и было сделано. Так начальником крестоносцев был заочно избран маркиз Бонифаций Монферратский.

«Из любви к богу и ради того, чтобы помочь Заморской земле?»

Гонцы, которых снарядили в Монферрат, известили маркиза о решении французских сеньоров: он избран начальником крестоносцев. Эта весть его немало озадачила. Маркиз и не думал воевать за Иерусалим. Тем не менее Бонифаций, по возрасту (ему было под 50) и по житейскому опыту превосходивший многих других князей, со свитой из своих вассалов и слуг, не колеблясь, выехал во Францию и в сентябре 1201 года предстал перед знатью, собиравшейся в поход на Восток. Предварительно «он

известил баронов о своем прибытии, и бароны встретили его и устроили ему пышное празднество».

Виллардуэн не ошибался, когда расписывал в Суассоне военные и дипломатические таланты маркиза Монферратского.

К этому можно было бы только добавить, что Бонифаций, как и многие другие феодалы из Ломбардии, стремился к расширению своих владений за счет захвата чужих земель, но при этом его больше всего привлекала отнюдь не Палестина. Взоры этого феодального хищника были направлены в сторону Греции. Более десятка лет назад два брата Бонифация добились высоких постов на службе у византийских императоров, причем Рене Монферратскому, женатому на дочери Мануила Комнина — Марии, был пожалован титул «кесаря» и даже обещано отдать город Солунь — самый важный после Константинополя торговый порт Византии. Правители империи по разным причинам не выполнили это обещание, но Бонифаций Монферратский был не прочь пойти по стопам своего брата и заполучить в качестве «наследника» греческие земли, в которых тому практически так и не удалось водвориться, а заодно — и поместья, некогда пожалованные василевсом Мануилом Комнином его отцу.

В Суассоне маркиз «принял крест», заявив, что делает это «из любви к богу и ради того, чтобы помочь Заморской земле». Затем в Сито — резиденции монашеского ордена цистерцианцев, на его капитуле (собрании высших чинов) была совершена пышная церковная церемония, во время которой Бонифация утвердили в правах верховного военачальника крестоносцев.

Преемник Тибо Шампанского понимал, что не зря король Филипп II указал на него баронам. Он догадывался, кому в первую очередь обязан этим довольно странным избранием. «Взяв крест», вместе со своими ломбард-

цами Бонифаций поспешил в ту страну, где наверняка рассчитывал найти полную разгадку случившегося,— в лесистую Германию. Там, при дворе короля Филиппа Гогенштауфена, сына Фридриха Барбароссы, маркиз действительно узнал все, что его интересовало. Филипп открыл ему, что не кто иной, как он сам, германский король, постарался вытащить Бонифация из Монферрата во Францию и поставить во главе крестоносцев.

Маркизы Монферратские в течение многих лет верно служили германским императорам гогенштауфенской династии. В то время, когда во Франции полным ходом шли приготовления рыцарства к походу на Восток, при дворе Филиппа Гогенштауфена плелись тонкие интриги, для успеха которых королю потребовались услуги Бонифация. Среди феодалов Германии, о чем уже упоминалось выше, происходила тогда жестокая распря, и мало кто из них собирался принимать непосредственное участие в крестовом походе. Однако король Филипп не желал оставаться совершенно в стороне от крестоносной затеи папства. Несмотря на войну с враждебными ему феодалами Северной Германии (их возглавлял род Вельфов), король Филипп стремился косвенным образом воспользоваться крестовым походом для проведения в жизнь честолюбивых замыслов, которые ничего общего не имели с идеей освобождения Иерусалима из-под власти мусульман.

В свое время, когда в Германии царствовал его брат, Генрих VI Гогенштауфен, он подчинил своей власти Сицилийское королевство. В плен к немецким рыцарям попала среди прочих и вдова наследника сицилийского трона, дочь византийского императора Исаака II Ангела, царевна Ирина. Гогенштауфены давно подбирались к Константинополю. Филипп Гогенштауфен женился на гречанке с тем, чтобы в подходящий момент предъявить свои притязания на константинопольский престол на пра-

вах близкого родственника Исаака II. Подобно своему отцу Фридриху Барбароссе и брату Генриху VI, Филипп был в политике настоящим авантюристом. Женитьба на византийской принцессе явилась для него на редкость «своевременной»: в 1195 году Исаак II — об этом тоже было рассказано ранее — пал жертвой дворцового переворота, произведенного Алексеем III, и угодил в подземелье. Кто же мог теперь заступиться за низвергнутого Исаака II? Кто мог желать и добиваться его восстановления на престоле? Конечно, зять потерпевшего — король Филипп Гогенштауфен.

Между гогенштауфенским двором и томившимся в заключении Исааком II были налажены более или менее регулярные связи. По словам византийского историка Никиты Хониата, «всякий желающий имел доступ к Исааку». Слепому византийскому экс-императору удавалось без особых трудностей посылать письма в Германию к дочери Ирине и через тайных вестников самому получать оттуда ответы «с наставлениями, как ему поступать». Король Филипп и Ирина неустанно строили планы, смысл которых заключался в том, чтобы так или иначе отплатить за обиды, нанесенные тестю и отцу узурпатором Алексеем III и в свою очередь лишить его трона. Об этом они и вели секретные переговоры с Исааком II.

Способ действия намечен был весьма простой, хотя и окольный: через посредство папы (разумеется, не декларируемое вслух) король Филипп задумал направить крестоносцев на Константинополь. Мотивировать свой проект — и вполне пристойным образом — было нетрудно: надо восстановить в Византии власть законного государя!

Для выполнения задуманного надлежало поставить во главе крестоносцев преданного человека — с его помощью нетрудно будет взять под свой контроль и подчинить

своему влиянию крестоносное воинство. Конечно, этот человек тоже должен быть заинтересован в византийских делах. Лучше Бонифация Монферратского вряд ли кого можно было сыскать.

О своем желании видеть маркиза Бонифация вождем крестоносцев Филипп Гогенштауфен «по дипломатическим каналам» поведал королю Франции Филиппу II, с которым состоял тогда в союзе. Дабы оказать дружескую услугу союзнику, Филипп II со своей стороны посоветовал сеньорам в Суассоне остановить выбор на кандидатуре Бонифация Монферратского.

Так, с помощью закулисных интриг на пост предводителя французских крестоносцев попал чужеземный феодальный магнат. Теперь после встречи с Филиппом Гогенштауфеном, с которым он провел всю зиму 1201/02 года, Бонифаций хорошо представлял свою роль в крестовом походе. План действий был готов, но его еще нужно было привести в исполнение. С этого момента в руководство крестовым походом проникли дополнительные политические интересы, как и прежде, весьма далекие от религиозного благочестия.

Тайная дипломатия Рима

Едва начало теплеть, как рыцари Франции, Ломбардии, а отчасти и немцы — все те, кто дома не находил достойного применения собственной воинственности, — пустились по дорогам, ведущим к Венеции. Оттуда они надеялись, погрузившись на корабли, поплыть к мусульманским берегам. А в это самое время, весной 1202 года, всю зарботала тайная дипломатия, которая с самого начала четвертого крестового похода плела вокруг него свои тонкие, но крепкие сети. Центром этой тайной дипломатии служил Рим.

К папе Иннокентию III явились два человека, игравшие впоследствии хотя и различную, но каждый по-своему важную роль в крестовом походе. Первым прибыл маркиз Бонифаций Монферратский, — разве ему не требовалось испросить папское благословение на предводительство таким богоугодным делом, как крестовый поход? Однако это был лишь благовидный предлог. Причина, побудившая Бонифация нанести визит папе, состояла в том, чтобы выведать его отношение к планам, выработанным при дворе Филиппа Гогенштауфена. Вряд ли удастся всецело заручиться поддержкой папы, но пусть, по крайней мере, он не противится тому, что крестовый поход, возможно, примет несколько неожиданное — по сравнению с ранее намечавшимся — направление.

Конечно, Иннокентий III не мог открыто согласиться с тем, о чем вдруг во время благочестивой беседы заговорил с ним вождь крестоносцев. Целью крестового похода, твердо сказал папа, должен оставаться Иерусалим! Строго повторив это указание, Иннокентий III (про себя он мог бы удовлетворенно потирать руки от услышанного) вместе с тем дал понять маркизу, что, как бы ни обернулись события, крестоносцам никогда не следует забывать о своих святых обязанностях перед апостольским престолом.

Маркиз Бонифаций, недаром слывший тонким дипломатом, умел быстро улавливать намеки. Ясно, что папа согласится на все, если будут соблюдены прямые интересы римской курии. Ну что же, значит, он, Бонифаций, может считать начало своей миссии удачным и взять на себя все дальнейшее: постараться изменить направление крестового похода. Его святейшество безусловно получит то, о чем он хлопочет. Папе могут это подтвердить и остальные соучастники дела, ради которого маркиз явился в Рим.

И действительно, подтверждение вскоре было получено. Вторым визитером папы оказался... царевич Алексей, тот самый молодой человек, которого мы застали в начале нашего рассказа на одном из кораблей крестоносцев. Тогда мы опередили события. Теперь пришло время поставить все на свое место.

В начале 1202 года, после оживленного обмена письмами и переговоров между немецким королем Филиппом и бывшим византийским императором Исааком II, царевич Алексей, благо он был на свободе, получив от отца нужные наставления, бежал из Константинополя. Юноше помог знакомый пизанский купец, предоставивший ему место на своем торговом корабле. Греческий историк Никита Хониат рассказывает, что исчезновение царевича было скоро обнаружено. Алексей III приказал тотчас отыскать корабль и беглеца. Ко всем пристаням помчались императорские шпионы. «Но посланные не могли найти Алексея: он остриг себе волосы в кружок, нарядился в латинскую одежду, смешался с толпой латинян и укрылся таким образом от разыскивавших его». Ночью купеческий корабль поднял якорь; так царевич сумел «ускользнуть морем» и, по образному выражению Никиты Хониата, «скрыть свои следы водою».

Ветер дул попутный. Беглец высадился в одном из портовых городков Италии. Отсюда он без промедления пустился в Рим: деньгами на дорогу его снабдил тот же покровитель.

Прикинувшись перед Иннокентием III жалким просителем, царевич опустился на колени и обратился к нему со смиренной мольбой: его отец, Исаак II, незаконно лишен престола в родном Константинополе; пусть папа, защитник всех слабых и обиженных, поможет восстановить справедливость и наказать узурпатора Алексея III, силой завладевшего византийской короной. Именно сей-

час, как ему, царевичу, известно, по зову папы несметная сила рыцарей собирается на войну с «неверными» (по пути он сам встретил отдельные отряды крестоносцев, направлявшиеся в Венецию). Господь не разгневается на своих доблестных воинов, если они сперва употребят оружие на то, чтобы водворить в Константинополе его законного государя. Зато потом, когда Исаак II вновь займет престол, принадлежащий ему по праву, крестоносцы, да и сам папа, могут быть уверены в том, что Византийская империя оплатит им добром за добро, оказав поддержку в их великом начинании: своим войском и своими бесчисленными сокровищами Константинополь поможет папе и рыцарям исполнить христианский долг — освободить гроб господень в Иерусалиме. Мало того, он, царевич, твердо обещает — от себя самого и своего отца, Исаака II, — что по его восстановлении на престоле греческая церковь воссоединится с римской.

Вот что примерно сказал царевич Алексей Иннокентию III во время встречи с ним.

Теперь папа мог окончательно убедиться в том, что намеки и предложения, обиняком сделанные ему недавно Бонифацием Монферратским, обдуманы их авторами очень основательно. Подчинение Риму православной церкви — к этой цели были направлены усилия многих предшественников Иннокентия III. Ему предоставляется исключительная возможность достигнуть ее. Наконец-то римский первосвященник станет духовным владыкой сотен тысяч христиан в греческих землях, наконец-то он приберет к рукам богатства византийской церкви, увеличив таким образом влияние и власть наместников божьих. Неужто уместно сейчас останавливаться в выборе средств ради достижения столь христианнейших целей?

И папа принял решение: он согласен на то, чтобы крестоносцы взяли на себя дело восстановления справед-

ливости. Однако и дело крестового похода не должно потерпеть при этом никакого ущерба, а уж интересы римской курии — тем паче.

Позиция Рима была определена, хотя, как показывают сохранившиеся документы, и облечена в туманную форму. Царевич, полный надежд, покинул папский дворец. О тайной сделке с папой, который, по словам французского хрониста Альбрика де Труафонтена, «очень хотел, чтобы Алексей был восстановлен в отчих владениях», тотчас уведомили Филиппа Гогенштауфена. Вскоре он и сам прислал Иннокентию III грамоту, где обещал непременно поставить греческую церковь под начало апостольского престола, «если всемогущий господь отдаст мне или моему тестю Греческую империю».

Итак, с Римом были, по существу, согласованы тайные планы всех тех, кто находился за кулисами дипломатической кухни, в которой вершилась судьба четвертого крестового похода. Венеция, ее дож Дандоло и купечество; Бонифаций Монферратский, служивший и Гогенштауфенам и собственной корысти; Филипп II, под нажимом которого крестоносцы получили вожда, угодного французской короне и ее союзнику Филиппу Швабскому; Иннокентий III, фактически давший им свое высокое благословение, — всех их прямо или косвенно связало в крестовом походе единое стремление. Чем бы и как бы оно ни прикрывалось у каждого из этих политиков, но суть его была одинакова: крестовый поход — удобное средство наложить руки на Византийскую империю.

Не откажутся ли, однако, рыцари повернуть свое оружие к той новой цели, которая была намечена усилиями действовавших порознь и сообща могущественных вершителей судеб крестового похода? Это могло показать только ближайшее будущее.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Под покровительством апостолика

«Уплатите нам деньги, о которых мы договорились»

В июню 1202 года рыцари со своими оруженосцами небольшими группками и отрядами стали постепенно стекаться в Венецию. Они переходили Альпы через Большой Сен-Бернарский перевал и затем, минуя села и города Ломбардии, направлялись к республике святого Марка. Зная разбойничьи нравы крестоносцев, местные жители без особой охоты предоставляли им ночлег, разрешали оставаться в своих домах не более одной ночи.

Далеко не все, кто взял крест, пустились в Венецию. «Многие пилигримы, — передает Виллардуэн, — направились другими дорогами в другие гавани». Опасаясь козней Венеции, некоторые погрузились на фламандские корабли в Брюгге, некоторые сели на суда марсельских купцов и поплыли оттуда к Южной Италии, а затем в Сирию. Они предпочли миновать Венецию, к правителям которой не питали доверия.

Такой оборот дел не на шутку встревожил предводителей крестоносного воинства, начавших отдавать себе

отчет в том, что рыцари не смогут «выполнить договора и заплатить венецианцам деньги, которые были им должны». Навстречу уклонявшимся в сторону от сборного пункта (а среди них оказался даже Луи Блуасский!) снарядили «надежных послов»: «их увещевания и мольбы склонили отправиться в Венецию многих людей, имевших намерение пойти другими путями в другие порты». Все же немало воинов избрали иной маршрут. «Это обстоятельство, — сокрушенно замечает Виллардуэн, — нанесло большой ущерб тем, которые отправились в Венецию, и было причиною большого для них несчастья».

Итак, крестоносцы мало-помалу прибыли в республику на лагунах, «все до одного», — как уверяет слабо осведомленный о подлинном положении вещей рыцарь-грамотей Робер де Клари. На самом деле, свидетельствует куда более сведущий Виллардуэн, ситуация была совсем не столь отраднa: когда крестоносцы узрели покачивавшиеся на рейде корабли, построенные для них — «еще ни один христианин не видел ничего более богатого и прекрасного», — даже беглого взгляда было достаточно, чтобы убедиться в том, что «галер и грузовых кораблей было в три раза больше, нежели сколько требовалось для пилигримов». Иначе говоря, не могло быть и речи о четырех с половиною тысячах рыцарей — их явилось вряд ли более одной тысячи человек, да еще десяток тысяч с небольшим прочих воинов — лучников, оруженосцев, пеших и конных слуг знатных сеньоров.

Вышло именно так, как предвидел «весьма мудрый и доблестный» дож.

Дандоло рассудил, что в самом городе этому сброду делать нечего, и распорядился разместить воинов креста неподалеку от города; рыцарей на лодках перевозили на остров Лидо, где они и разбивали палатки. На острове этом почти никто не жил. Дандоло не зря приказал свез-

ти рыцарей именно сюда. Это было сделано отчасти ради большей безопасности Венеции, но прежде всего потому, что дож хотел дать рыцарям почувствовать властную руку «царицы Адриатики». Припасы крестоносцам подвозились с перебоями. Особенно нестерпима была нехватка питьевой воды. Жара усиливалась. Наступил знойный июль. Крестоносцы страдали и от голода, и от жажды. В лагере вспыхнули болезни. Каждый день умирало много людей. Священники только и успевали огрывать покойников. А венецианцы и в ус себе не дули. Кажалось, они совсем не беспокоились о войнах божьих. В действительности Дандоло прекрасно знал, что там происходит, но у него были свои планы. Все разыгрывалось как по нотам. Часть крестоносцев, правда, сумела покинуть Лидо и вернулась домой. Остальные, изнывая от голода и жажды, тем не менее находили себе разные утехи: одни пьянствовали, другие сражались в кости... Какое было до всего этого дело Дандоло? Он поставил рыцарей в как можно более стесненное положение. А пока в предвкушении богоугодных дел пусть делают, что хотят!

Время шло, и вскоре дож и его советники прибыли на Лидо: не пора ли начать расплачиваться? Мы, венецианцы, сполна исполнили все свои обязательства и даже «перевыполнили» их. А вы? Через своих послов вы запрашивали флот на четыре с половиною тысяч одних только рыцарей, не говоря о 29 тысячах остальных крестоносцев, а пришла самая малость этих воинов. «Вот почему мы хотим, — сказал дож, — чтобы вы уплатили нам деньги, о которых мы договорились».

Сколько рыцари ни тужились — трижды производился в лагере сбор денег для венецианцев, — но средств для расплаты не хватило. Вот уже давно миновал и последний ее срок, а казначейство республики святого Марка еще не получило всей суммы. Скрепя сердце графы и ба-

роны пошли на то, чтобы призанять денег у презренных торгашей; самые состоятельные отдали драгоценности, что были при них. «Вы могли бы увидеть тогда, — рассказывает Виллардуэн, — сколько было снесено во дворец дожа прекрасных золотых и серебряных сосудов, чтобы произвести уплату». Тем не менее из 85 тысяч марок долга крестоносцы сумели отдать только 51 тысячу. Сумма долга составляла 34 тысячи марок!

Тогда по приказу дожа был почти совсем прекращен подвоз продуктов на Лидо. Должники Венеции оказались вдобавок еще и ее узниками. Своих лодок у них не было. А кругом — один синий морской простор, и с небес — целый день палящие лучи солнца. Что делать?

Как-то утром к берегу острова подплыла алая гондола под тентом. Из нее вышел сухощавый слепой старец. Его окружала стража. Властным голосом он приказал всем, сбежавшимся к берегу, выслушать его. То был опять сам дож Дандоло. Он явился на Лидо, чтобы как следует отчитать крестоносцев, столь неаккуратных в своих обязательствах. Уже давно пора отправляться в путь, а они все еще никак не могут заплатить за корабли, которые республика подготовила в срок и в нужном числе. Лето подходит к концу, построенные венецианцами суда стоят у причалов без дела, купцы и государство несут ущерб. Больше года деловые люди республики только и занимались тем, что помогали сооружать для вас флот. Они приложили к этому все свои старания, израсходовали уйму денег, но до сих пор еще ничего не заработали. «Поэтому мои люди желают, и я также, — требовательно заявил Дандоло, — чтобы вы уплатили нам деньги, которые вы нам должны. Если вы этого не сделаете, то знайте, что вы не двинетесь с этого острова до того мгновения, пока мы не получим свое. Более того, вы не найдете никого, кто бы принес вам питье и еду». Эги-

ми гневными словами дож закончил свою прозвучавшую ультиматумом речь, после чего на той же гондоле отбыл в Венецию.

«Дождь был многоопытным человеком», — пишет о нем Робер де Кларк, — и не бросал слов на ветер: питье и еда перестали поступать в лагерь.

Среди воинов пошли толки и споры. Сеньоры горячо судили и рядили, как быть. Однако сколько ни горячились, никто так и не мог предложить что-нибудь путное. Кое-кто пытался сбежать с острова. Дезертиров становилось все больше и больше. Крестоносцы удостоверились, что их положение таково, что хуже быть не может. В кошелях осталась лишь малая толика денег, да они ведь могут еще потребоваться потом... Уже раздавались голоса — не поискать ли перевоза в других местах? Это значило — разорвать договор с Венецией. Казалось, войско находится на грани распада, и дело крестового похода неминуемо рухнет в самом начале.

«Хозяева кораблей и владыки Адриатического моря»

Вот тогда-то хитроумный дож решил, что настало время вызволить крестоносцев из сети, которую он сам на них накиннул. Пора бросить им якорь спасения. Тем более что денег из них все равно больше не вытянуть, медлить же — рискованно. Разойдись войско — тогда не оберешься хлопот: Иннокентий III не преминет объявить республику святого Марка виновницей срыва крестового похода. «И мы, и наше государство навлекли бы на себя сильное порицание» — так объяснял Дандоло свою позицию сенаторам. Ему пришлось созвать Большой совет, чтобы обговорить свои дальнейшие намерения, ибо кое-кто из венецианцев, поистратившихся на постройку кораблей, уже начал роптать: дож-де ввел республику

в крупные расходы; ее должники оказались неплатежеспособными, у города теперь находится сильное и потенциально враждебное Венеции войско крестоносцев, от которого можно ожидать самого худшего. Однако голоса недовольных смолкли, едва только Дандоло открыл совету суть своего проекта. А она заключалась в том, чтобы разом убить двух зайцев: устранить оружием крестоносцев одного из могущественных конкурентов Адриатической республики на море и в то же время, удалив прочь от нее самих рыцарей креста, приобрести шанс на получение с них остатка долга, когда крестовый поход будет продолжен и завершится успехом.

Испросив одобрение сенаторов, дож отправил на Лидо гонцов-гондольеров с повелением доставить в Венецию Бонифация Монферратского, который с августа 1202 года находился вместе с крестоносцами. Через Бонифация «хозяева кораблей и владыки Адриатического моря» предложили рыцарям новую сделку: возместить денежный долг Венеции ратным делом.

На другом берегу моря, в славянской Далмации, есть богатый город Задар. Жители его — разбойники и пираты. Они мешают купцам Венеции мирно торговать, нападают на их груженные товарами корабли и грабят их. Пусть доблестные воины креста обратят свои мечи против этих грабителей-славян и завоюют город Задар для Венеции. Покончив с пиратским гнездом, рыцари добудут для себя отсрочку уплаты долга в 34 тысячи марок, и дело крестового похода пойдет своим чередом, «пока бог позволит нам заработать их вместе, нам и им».

Эти циничные предложения Дандоло Бонифаций Монферратский передал крестоносцам. Сам он, конечно, согласился с ними. Предводитель воинов христовых быстро нашел общий язык с расчетливым правителем купеческой республики, поскольку выгоды от предстоящей операции

были очевидны. Почему бы крестоносцам и не послужить Венеции? Ведь таким путем они не только расплатятся со своим долгом, но и завладеют половиной добычи, которая им достанется в Задаре.

Внося крестоносцам свои бесстыдные предложения, Дандоло изображал Задар пиратской крепостью, жители которой якобы «причинили нам великое зло». На самом деле это был большой и действительно хорошо укрепленный торговый город. Разбойничали задарские купцы не меньше, но и не больше, чем все другие коммерсанты того времени, включая венецианских. Купцам Венеции казалась опасной прежде всего возрастающая торговая активность Задара. Он давно уже являлся яблоком раздора между Венецией и Венгрией. В свое время Венеция захватила было Задар, но не смогла удержать его в своих руках. Он находился теперь под властью Венгрии. И хотя венгерский король Имрэ сам объявил, что примет участие в крестовом походе, это не помешало Дандоло навязать крестоносцам войну против Задара: бить конкурента — так уж бить наверняка, тут все средства хороши!

Не всем главарям крестоносцев пришлось по вкусу предложение, которое сделали в Венеции маркизу Монферратскому. Кое у кого оно вызвало прилив озлобления против коварных торгашей: и так они чуть не заморили голодом воинов христовых, а сейчас и совсем хотят превратить их в своих наемников! В конце концов рыцари взяли крест не для того, чтобы сражаться с врагами Венеции. Это — ее собственное дело. К тому же, как описывает настроения знати Гунтер Пэрисский, богобоязненным князьям вся эта затея представлялась недостойной, даже преступной — «и потому, что город Задар был христианским по населению, и потому, что принадлежал венгерскому королю, который, взяв крест, тем самым, согласно обыкновению, препоручил себя и свое достояние

покровительству верховного понтифика». Не случилось бы беды, если войны Христа обрушатся на христиан же «убийством, грабежами и пожарами, что часто бывает при завоевании городов». В знак протеста эти крестоносцы, опасавшиеся неприятных последствий войны против Задара, отказались принять предложение дожа и вскоре отбыли с острова домой; а вместе с ними «и многие бедняки, у которых с собой было мало денег и которые, израсходовав их, не имели средств для продолжения пути».

Однако остальные бароны и рыцари — из тех, которые были посвящены в дело, — со вздохом облегчения приняли план Дандоло. Все, что угодно, только бы вырваться из этой проклятой западни на Лидо, а главное — взяться, наконец, за то, ради чего все они бросили свои дома и семьи, — то есть за войну и грабеж.

Крестоносцы четвертого похода в массе своей были типичные феодальные вояки, безразличные к тому, кого и где грабить. Важна была пожизна, а уж добывать ее там или здесь — это вопрос второстепенный. Какое значение могли иметь религиозные соображения для рыцарей вроде Рено де Монмирайль, графа Этьена Першского или Гийома де Феррьер, видама¹ Шартрского, которые до начала крестового похода не стеснялись грабить в своих владениях аббатства и глумиться над церковнослужителями? Перед отправлением в крестовый поход им даже пришлось в присутствии многочисленных зрителей принести в церкви города Шартра покаяние за те насилия, которые они чинили над монахами. Разумеется, нравы и замашки этих и подобных им сеньоров не изменились после церковного покаяния.

За исключением оставивших войско крестоносцы почитали предложения дожа приемлемыми и согласились

¹ В и д а м — феодальный титул.

вернуть свой долг Венеции «натурой» — завоеванием для нее Задара. Тем более что отказ нанесет им двойной ущерб: крестовый поход не состоится, а деньги, уже уплаченные «владыкам Адриатики», наверняка будут потеряны. Так, несмотря на все, говорит Виллардуэн (то есть несмотря на раздоры в лагере), новое соглашение «было заключено и утверждено». Возможно, что рядовые воины и не успели даже разобраться толком, что, собственно, происходит. Соглашение заключили, по словам Робера де Клари, «бароны и знатные крестоносцы»: лишь «люди самого высокого положения» присутствовали при переговорах с венецианцами. Прочим оставалось быть простыми исполнителями «сговора в верхах».

Тем не менее, чтобы укрепить всех пилигримов в сознании важности предпринимаемого и покоячить с чьими бы то ни было колебаниями, Энрико Дандоло сделал импозантный, хорошо рассчитанный жест: во время торжественного богослужения в Венеции в присутствии многих пилигримов он заявил, что самолично берет на себя предводительство крестовым походом: «Хотя я уже стар и слаб, и нуждаюсь в телесном покое, и страдаю телесными недугами, но я вижу, что нет среди вас никого, кто мог бы предводительствовать и руководить вами». При общих возгласах одобрения и восхищения («мы вас молим богом, чтобы вы согласились и сделали бы это и чтобы вы отправились вместе с нами!») дож «сошел с кафедры, и направился к алтарю, и встал на колени, сильно плача: и ему нашили крест на его большую шапку из бумажной материи, спереди, ибо он хотел, чтобы все видели этот крест».

«Не будет соответствовать намерениям папы»

Предводителям было тем легче принять проект Дандоло, что и папа Иннокентий III как будто не слишком

упорно возражал против такого предприятия. Бонифаций поведал рыцарям о предложениях дожа. Решено было во избежание осложнений и приличия ради поставить о них в известность Рим. Что скажет апостольский престол? Идти ли походом на христианский Задар ради уплаты долга Венеции или, может быть, на какое-то время вообще отказаться от крестового похода и распустить войско?

Вскоре от апостолика пришел ответ (его передал легат-кардинал Петр Капуанский, прибывший в Венецию в июле 1202 года). Мнение папы, как всегда, было выражено в нравоучительном тоне и проникнуто лицемерием. С одной стороны, Иннокентий III строго-настрого запрещал крестоносцам покушаться на христианские земли. Не мог же он открыто благословлять такое нападение! Это подорвало бы престиж папского престола — и кардинал-легат от имени папы заявил формальный протест против планов похода на Задар. С другой стороны, ответ Иннокентия III гласил: «Простительнее и менее позорно искупить малое зло великим благом деянием, нежели оставить обет крестового похода невыполненным, принеся с собой вместе с грехами еще и беславие».

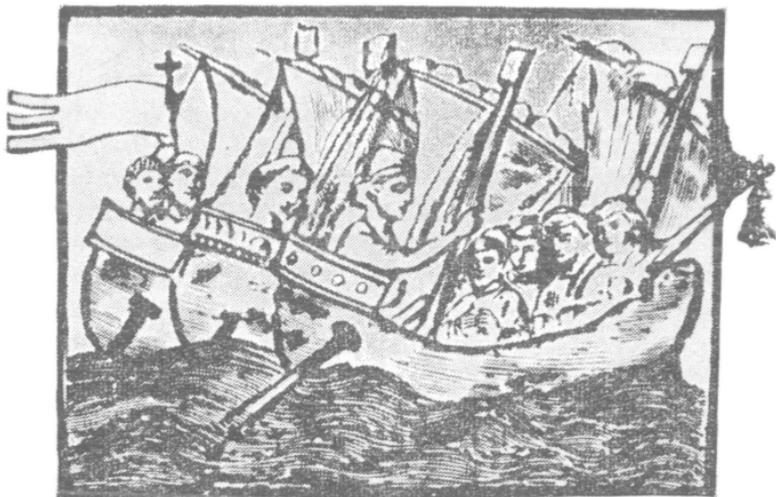
Вывод из всего этого сделать было нетрудно: коль скоро уж сам папа и его легат говорят, что зло будет позже сполна искуплено войной против мусульман, значит, воинам христовым и подавно нечего обременять свою совесть излишними сомнениями.

Иннокентий III скрытно потворствовал пиратским планам венецианских негоциантов. Религиозные соображения фактически были принесены им в жертву политическим интересам папства. Что до крестоносцев, то им это оказалось только на руку: они и сами большей частью склонны были воевать против кого угодно, лишь бы война сулила добычу.

«Приступ этот длился пять дней»

Холодным октябрьским днем флот крестоносцев отплыл из Венеции. Впереди эскадры, распустив все паруса и легко разрезая пенящиеся волны высоким острым носом, на котором развевался алый шелковый стяг, мчалась стройная галера, тоже алого цвета. Здесь, окруженный небольшой свитой — несколько видных сеньоров-крестоносцев и сыновей венецианских сенаторов и купцов, отправившихся в заморскую экспедицию вместе с рыцарями креста, — стоял сам престарелый дож Дандоло. Ветер развевал полы его темно-синего, расшитого серебром и отороченного мехом суконного камзола. Дож оживленно беседовал с людьми, стоявшими вокруг: видимо, он говорил о Задаре. Невзирая на свои преклонные годы, Дандоло не рискнул доверить командование столь ответственной операцией кому-либо из главарей крестоносцев. С согласия высших органов республики святого Марка он передал свои полномочия дожа сыну, а сам, как мы знаем, торжественно объявил народу, что принимает крест и будет предводительствовать венецианским флотом в священной войне. Среди французских сеньоров, конечно, не было никого, кто бы взялся вести корабли. Бонифаций Монферратский поневоле ступевался и уступил командование многоопытному в пиратских делах старику Дандоло. Поначалу маркиз вообще предпочел задержаться в Венеции, чтобы не участвовать в боевых действиях и не подставлять себя опасности церковных кар. Он присоединился к войску несколько позднее — спустя две недели после того, как дело было сделано.

По свидетельству рыцаря Робера де Клария, крестоносцы выказывали при отплытии «такую радость, какой никогда еще не слышали». Священники, сопровождавшие рыцарей, взобрались на корабельные башни и заты-

Крестоносцы на море (средневековая миниатюра).

нули величественную богослужебную песнь, «и все до единого, великие и малые», готовясь к битве с единоверцами, «плакали от наплыва чувств». Робер де Кларк, рассказывающий об отплытии флота («это было со времени сотворения мира самое великолепное зрелище»), еще раз повторяет: «Все море кишело кораблями, которые они пустили сюда плыть, и как бы пламенело от великой радости, которую они испытывали».

Направляемый верной рукой дожа, флот крестоносцев в середине ноября с боем прорвал цепь, «которая была очень прочна и хорошо скована», и вошел в гавань Задара. «И вы могли бы увидеть тогда, — рассказывает Виллардуэн, — многих рыцарей и многих оруженосцев, вышедших из кораблей и выведивших оттуда добрых коней, и много богатых палаток и шатров». Пять дней кре-

стоносцы штурмовали город «с большой силой и ужасающим шумом». Они встретили стойкое сопротивление венгерского гарнизона. Воинам помогали и жители Задара. Наконец рыцарям удалось сломить его оборону, и город «сдался на милость дожа Венеции».

Задар был разграблен. Воины христовы в числе прочего разгромили и несколько церковных зданий. В руки завоевателей попала огромная добыча. Из-за нее-то венецианцы и французы насмерть передрались друг с другом. «Распря была столь велика, что мало было улиц, где бы ни происходила великая баталия мечами, копьями, и арбалетами, и дротиками; и много людей было рапено и убито», — вспоминал Виллардуэн. Наиболее благоразумные стали разнимать сцепившихся в драках, но когда им удавалось разнять их в одном месте, сеча завязывалась в другом. «И знайте, что это было, — говорит тот же автор, — самое большое горе, которое случилось когда-либо в каком-либо войске; и недоставало малого, чтобы все войско было погублено». В конце концов город поделили пополам: одну часть города (близ гавани) получили венецианцы, другую — рыцари.

Крестоносцы «честно» отработали свой долг Венеции; правда, они, по выражению папы, «уклонились с пути», но зато войско сохранено, дорога к продолжению крестового похода открыта.

Взятие и разграбление христианского города в Далмации явилось зловещим предвестником всего, что произошло менее чем через полтора года.

А папа? Как встретил он весть о случившемся? Ужаснулся ли, впал в праведный гнев? Ведь крестоносцы, по словам Гунтера Пэрисского, «подняли руку на достоинство короля венгерского, которое он, приняв знамение креста, препоручил покровительству святого Петра и верховного понтифика!» Иннокентий III проявил

обычное для него двоедушие. Он выразил сожаление о том, что произошло. Конечно, крестоносцы заслуживают высшей церковной кары за свои богопротивные дела, то есть отлучения. Но ведь в их положении ничего и не оставалось делать, кроме как подчиниться необходимости. Достаточно будет, если они поклянутся впредь во всем повиноваться апостольскому престолу. Вот что примерно заявил папа послам крестоносцев, прибывшим к нему из Задара. Отлучив было их от церкви, папа тотчас, по словам Виллардуэна, «сказал, что дает свое благословение баронам и пилигримам и разрешает их как своих сынов». Для виду Иннокентий III произнес и оставил в силе формулу отлучения над «нечестивыми» венецианцами, но именно для виду. Он тут же направил послание крестоносцам, в котором говорилось, что хотя венецианцы и лишены милости церкви за свой поступок, но воины Христа вовсе не должны из-за этого отказываться от их услуг в дальнейшем. Ради высшей цели — освобождения гроба господня — надо многое приносить в жертву! Таков был смысл послания этого папы, который согласно характеристике средневекового летописца «был

Папа Иннокентий III (средневековая мозаика).

мужем глубокого разума и исполненный благости... он любил творить добро и справедливость, был врагом подлости и низости, так что не столько в силу случайности, сколько по заслугам звался он Иннокентием» (по латыни «инно́ценс» — «невинный»).

«Склоненные как просьбами, так и ценой»

Когда крестоносцы захватили Задар, стоял конец ноября. Каждый день моросил мелкий дождь. Море шумело и пенилось. Ночью и днем слышались завывания ветра. В такое время года нечего было и думать о продолжении крестового похода.

На широкой равнине, у подножия гор, неподалеку от Задара, крестоносцы разбили лагерь, поставили здесь палаток, накрыли их шкурами и остались ждать весны. Конец осени и зима тянулись медленно, и ратники господни изнывали от безделья. Посылая проклятья холодным ветрам, они проедали и пропивали, проигрывали и отыгрывали в кости добычу, захваченную в Задаре. Однако те, в чьих руках находились пружины, определявшие маршрут крестоносцев, не бездействовали. Тайный сговор против Византии, в который вступили между собой феодалы, купцы, государи и папа, вошел в силу. В начале 1203 года в лагерь под Задаром прибыли посланцы германского короля Филиппа Швабского и византийского царевича Алексея. От имени того и другого они просили вождей крестоносцев (Бонифаций явился еще за две недели до этого) оказать помощь василевсу и его сыну, незаконно лишенным престола, и восстановить их власть в Константинополе.

Бонифация Монферратского и Энрико Дандоло не пришлось долго уговаривать. Поход на Константинополь! Ведь, собственно, ради этого Бонифаций и был поставлен

во главе крестоносцев! А дожу потаенная мысль о таком походе запала на ум еще тогда, когда он заставил послов из Франции целиком принять свои условия переправы крестоносного войска венецианским флотом. Нужно было только, чтобы и другие знатные сеньоры согласились выполнить просьбу, с которой обратились к ним германские послы. Бароны и графы призадумались. «Восстановление справедливости» — это, конечно, весьма благосидный предлог для того, чтобы снова изменить направление похода, но все-таки они ведь снарядились на войну с другой целью... Что получают сеньоры и рыцари взамен, если согласятся прийти на помощь царевичу Алексею? Посланцы германского короля и его зятя объяснили, что греки по-царски отблагодарят своих благодетелей за поддержку: им будет выдано 200 тысяч марок серебром. Кроме того, утвердившись на константинопольском престоле, Исаак II и Алексей, в свою очередь, поддержат крестоносцев в их священной войне за Иерусалим, предоставят им на год флот и пропитание, а вдобавок снарядят в Святую землю 10-тысячный отряд греков.

Такого рода обещания, в особенности 200 тысяч марок, могли соблазнить кого угодно. Дандоло и Бонифацию оставалось только торжествовать. Крестоносцы отправятся теперь к Константинополю; восстановят они «справедливость» или нет — дело десятое, но то, что вековой враг Венеции, возможно, будет сокрушен, а земли его достанутся «восстановителям справедливости» — это вполне вероятно.

В феврале были изготовлены договорные грамоты об условиях оказания помощи византийским царям. Грамоты подписали около двух десятков видных сеньоров. Первым стояло имя маркиза Бонифация. Свои подписи начертали и церковные руководители крестоносцев — епископы из Суассона, Труа, Гальберштадта и других

городов. Рядовое рыцарство тоже удалось, хотя и не без некоторых осложнений, склонить на сторону нового проекта. Пребывание в зимнем лагере под Задаром порядком наскучило воинам. Золото и серебро, добытые в Задаре, были прожиты. Что же мешает им внять просьбам греков и за солидную мзду помочь законным государям вернуть себе Константинополь? Надо думать, кроме царской награды, воинам христовым перепадет кое-что и еще... В массе своей более или менее безразличные к официальным религиозным лозунгам похода рыцари пошли вслед за предводителями. По словам немецкого хрониста из Гальберштадта, «склоненные как просьбами, так и ценой», воины христовы «единодушно согласились на это дело, то есть чтобы выступить за молодого человека, зятя короля Филиппа, и сразу же отпустили с тем упомянутых послов». Хронист, однако, кривит душой: полного единодушия среди крестоносцев не было. Часть баронов энергично возражала против вторичного отклонения от цели, понимая в какой-то мере, что за всем этим скрываются прежде всего козни венецианцев. Честолюбивые сеньоры вроде Симона де Монфор или Ангеррана де Бов не хотели служить орудием в их руках. Вместе со своими вассалами они покинули крестоносную рать и, получив дозволение короля Имрэ, отправились в Венгрию, а оттуда — в Италию, чтобы там сесть на корабли и двинуться на Восток. Виллардуэн, горячий сторонник константинопольского направления, старавшийся всячески убедить «отложившихся», что иначе как через Византию крестоносцам не достичь Святой земли, пишет об отъезде баронов и рыцарей с досадой и в укоризненном тоне: «Это был великий урон войску и большой позор для тех, кто так поступил».

В апреле 1203 года флот крестоносцев поднял паруса и в начале мая причалил к берегам острова Корфу. Через

песколько дней сюда прибыл царевич Алексей, а с ним — маркиз Монферратский и Дандоло, с которыми он незадолго до этого встретился в Задаре. Царевич легкомысленно поставил свою подпись под соглашением, которое раньше заключили уполномоченные им послы. Чтобы еще более задобрить главарей крестоносцев, этот тщеславный хвостун стал раздавать письменные обязательства о том, что выплатит им различные суммы: одному было обещано 900, другому — 600 марок и т. д. Щедрость царевича, сулившего золотые горы своим покровителям, окончательно укрепила наиболее именитых сеньоров в их решении двинуться к столице Византии. Впрочем, во время пребывания на Корфу, «который был весьма богат» и весь утопал в зелени, в воинстве креста вновь поднялись голоса недовольства. Кое-кто из баронов и многие рыцари выражали нежелание пускаться в столь рискованное предприятие: «им это дело кажется слишком долгим и чересчур опасным»; они вообще предпочитают бросить затею с оказанием помощи царевичу — пусть греки сами разбираются в своих неурядицах! — и, достав корабли, плыть к берегам Сирии. «Более половины войска, — вынужден признать Виллардуэн, — было в согласии» с теми, кто изъявлял готовность последовать примеру уже отбывших ранее. Главари еле-еле уговорили «смутьянов» отказаться от своих намерений, пообещав, что, когда истечет срок договора с Венецией (в конце сентября 1203 года), «им предоставят — в любое время, как только они того потребуют, и без обмана — в течение 15 дней флот, на котором они смогли бы отплыть в Сирию. Так было постановлено и скреплено клятвой; и тогда, — замечает французский историк похода, — во всем войске разлилось великое ликование».

Принятию плана похода в Византию в немалой степени содействовало духовенство. Робер де Клари передает,

что, когда епископов запросили, «будет ли грехом идти туда», «они ответили и сказали, что это не только не явится грехом, но, напротив, актом благочестия, ибо с того момента, как с ними находится законный наследник, лишенный своего наследия, они вправе оказать ему помощь для отвоевания его законного права и отмщения его врагам». Церковь всегда оправдывала свою выгоду религиозными и юридическими доводами. Так было и на этот раз.

Примерно через месяц венецианская армада снялась с якоря, о чем мы уже говорили в начале нашего рассказа, и, обогнув Морею, миновав острова Эвбею и Андрос, взяла направление на Дарданеллы — на Константинополь.

Перед лицом врага

Алексея III предупредили, что к столице империи устремляется флот с крестами на мачтах. Трудно было не понять, что это значит. Тем более что меньше года назад василевс получил еще одно послание от папы, в котором содержались новые угрозы и намеки. Не без умысла Иннокентий III посвятил константинопольского узурпатора в происки царевича Алексея и Филиппа Швабского. Папа поведал Алексею III, как по прибытии царевича завязались подозрительные сношения немецкого короля с крестоносцами, как юный Алексей нанес визит ему самому, папе, и какие заманчивые предложения он при этом выдвинул, чтобы склонить Рим к поддержке плана восстановления Исаака Ангела на престоле. Папа рассчитывал, что, посвящая Алексея III во все это, он заставит его, по крайней мере, призадуматься. Византия пока еще может избежать опасности, как бы «подсказывал» узурпатору выход Иннокентий III, — стоит лишь

греческой церкви стать под начало римской. Потом будет уже поздно.

Однако Алексей III словно не замечал опасности. Правда, когда в Константинополь пришла весть, что латиняне взяли Задар, император, по словам византийского историка Никиты Хониата, распорядился «поправить 20 сгнивших судов, проточенных червями». Но этим и ограничились военные приготовления Византии.

То было время глубокого внутреннего кризиса византийского государства. По всей его территории — и в городах, и в поместьях — накапливалось, а временами и прорывалось наружу возмущение бедноты знатно, лихоимцами чиновниками, обиравшими народ. Аристократы, домогавшиеся власти, и стоявшие за ними клики соперничали друг с другом. Там и сям объявлялись самозванцы, стремившиеся захватить императорский престол. Чтобы привлечь на свою сторону простых людей, некоторые лжецари обещали уменьшить налоги, покончить со взяточничеством, снизить цены на хлеб, произвести различные улучшения. Нередко тому или иному самозванцу удавалось заручиться поддержкой доверчивой бедноты, но ненадолго. Убеждаясь, что претенденты на трон в действительности так же враждебны народу, как и те, кто уже стоит у кормила правления, беднота сама поднималась на борьбу с угнетателями, с теми, кто, по выражению более раннего греческого историка Михаила Атталиаты, высасывал из бедноты «не кровь, а денег потоки».

В Константинополе то и дело вспыхивали бунты; в них участвовали мастеровые, рыбаки, матросы. Доведенные до отчаяния бесконечными поборами, произволом властей, вымогательством чиновников, толпы разъяренных людей врываются в кварталы знати, громят дома богачей, уничтожают податные списки.

В этой накаленной атмосфере положение Алексея III,

да и правящих кругов в целом становилось все более неустойчивым. Продажные аристократы, занимавшие высокие должности в Византии, озабочены были только собственным обогащением за счет казны, на которую привыкли смотреть как на свою собственность.

Сам Алексей III, занятый больше всего удовольствиями, подавал тому пример. Он с головой погрузился в придворные развлечения и ничего не желал знать, кроме пиршеств и цирковых представлений. Государственные дела его не интересовали: что толку вникать в них, если не сегодня-завтра все рухнет? По рассказу Никиты Хониата, «какую бы бумагу ни поднес кто царю, он тотчас подписывал, будь то даже бессмысленный набор слов. Он ставил свою подпись, хотя бы проситель требовал, чтобы по суше плавали на кораблях, а море пахали или чтобы переставили горы на середину морей». Под стать ему были и высшие чиновники. За взятку они готовы были на любое государственное преступление.

Империя к началу XIII века заметно ослабела. Год от году уменьшались доходы казны. Крестьяне, зависевшие от феодалов, впадали во все большую нищету; ремесленников разоряли налоги и вымогательства сборщиков. Торговля константинопольских купцов тоже шла на убыль — ее подрывало хозяйничанье чужеземцев, пользовавшихся неслыханными привилегиями. Все труднее становилось императорам содержать большую наемную армию: платить было нечем. Воинская сила Византии клонилась к упадку.

В самом плачевном состоянии находился ее флот. Да его, собственно, и не было. Сановник, занимавший высокий пост командира флота, родственник Алексея III, Михаил Стрифна, по словам современника, «имел обыкновение превращать в золото не только рули и якоря, но даже паруса и весла».

Меры, принятые Алексеем III после падения Задара, не могли улучшить позиций Византии на море.

Столь же плохи были ее дела и на суше. Алексей III вел войны то с болгарами, то с сельджуками. Войны эти были неудачны, но требовали денег и денег: от сельджуков приходилось откупаться, ибо император не располагал нужным войском, чтобы дать им отпор. Когда крестоносцы начали приближаться к столице, Алексей приказал спешно произвести набор новых наемников, пополнить армию. Но разве можно было всерьез положиться на тех, кто дрался за плату, не будучи к тому же уверен, что получит ее?

Византийское государство обессилело от смут. Народные массы были преисполнены вражды к правителям и не желали отстаивать их власть, богатства и привилегии. А самим правителям почти не на кого было опереться ни в Константинополе, ни за его пределами.

Таково было внутреннее состояние Византии, когда крестоносцы двинулись на кораблях к ее столице.

«Послушайте о чудесах господних»

В последних числах июня 1203 года флот крестоносцев, подгоняемый попутным ветром, показался на константинопольском рейде. Рыцари и оруженосцы, сеньоры и челядь — все сгрудились на палубах. Вот он, перэд ними — сказочный Константинополь, треугольником выдвинувшийся в море. Такое удивительное, захватывающее зрелище воинам божьим и присниться не могло. Ведь тогдашние города Западной Европы, по сути дела, являлись лишь крупными поселками. Их население составляло в лучшем случае 20—25 тысяч человек. Византийская же столица по сравнению с этими городишками должна была казаться пришельцам поистине огромной. Да по то-

му времени она и впрямь была гигантским городом: в ней жило более ста тысяч человек, а территория ее составляла примерно пятую часть современного Парижа. Взорам рыцарей открылось множество домов, мраморные дворцы, высокие златоглавые храмы, купола которых, увенчанные крестами, ярко блестели на солнце. Виллардуэн писал впоследствии: «Так вот, знайте, что они (крестоносцы.— *М. З.*) долго разглядывали Константинополь, те, кто его никогда не видел; ибо они не могли вообразить себе, что где-либо на свете может существовать такой богатый город... Никто и представить себе не мог, если бы не видел собственными глазами, и длину, и ширину города, который главенствовал между всеми городами...»

Однако воины христовы увидели и другое: высокие стены, крепкие башни, «которыми весь кругом он был обнесен». Водворить сюда царевича Алексея с его отцом будет не так-то просто! Среди крестоносцев, по словам того же Виллардуэна, «не было столь храброго человека, чье сердце не дрогнуло бы; и это не было чудом; ибо никогда и никаким народом не предпринималось столь огромное дело с тех пор, как сотворен мир...».

Вот там узкая, длинная бухта, глубоко вдающаяся в сушу. Она словно надвое разрезает Константинополь. Это залив Золотой Рог, объясняют венецианцы. На одном его берегу — столичные предместья Пера и Галата, на другом — основная часть города. Стены... Да, они действительно высоки. Там, позади, на северо-западе, тянется длинная стена, воздвигнутая еще при императоре Феодосии; она подходит прямо к Золотому Рогу и преграждает подступы к городу с суши. А вот эти стены поближе, со множеством башен, защищают Константинополь с юга и северо-востока, со стороны моря. Флот двигался вдоль азиатского берега Босфора; были сделаны остановки

у Халкедона, затем — в Скутари, в нескольких километрах от Константинополя.

На другой день после того, как крестоносцы пристали здесь к берегу, в лагерь явился посланец Алексея III, ломбардец по происхождению, давно проживавший в Константинополе, — Николо Росси. Предложения, которые передавал через него император, были полны соблазнительных, хотя и неопределенных обещаний, и вместе с тем вполне определенных, пусть и беспочвенных, угроз. Если крестоносцы тотчас отправятся в Святую землю, то он, василевс, готов оказать им содействие; если же они причалили в его стране с враждебными умыслами — он уничтожит их всех до единого.

Бароны, услышав такие речи, решительно потребовали, чтобы Алексей III отрекся от власти в пользу пизвергнутого им некогда государя, иначе василевсу-узурпатору несдобровать. С этим Николо Росси и отбыл обратно в Константинополь.

Предводители крестоносцев, наивно полагая, что простой народ столицы с нетерпением, как желанного, ожидает царевича, решили обратиться непосредственно к константинопольцам: продемонстрируем им «законного наследника» — может быть, население, узрев его воочию, пойдет навстречу нашим намерениям восстановить справедливость? Как рассказывает Виллардуэн, они «собрали все галеры» и поплыли на них «совсем близко от стен Константинополя». Впереди взрезал волны окрашенный в яркий малиновый цвет корабль Дандоло. Вот он отделился от остальных и направился прямо к стенам. На нем, кроме дожа, находились маркиз Бонифаций и царевич Алексей. Этот самовлюбленный мальчик приветственно махал рукой жителям, с тревогой и неприязнью рассматривавших со стен и крыш домов невиданную эскадру. Царевич Алексей тоже считал, что его должны встретить

в родной столице с распростертыми объятиями. Никто в городе, однако, не отвечал на приветствия юнца. Град камней провожал алый корабль, суливший по всей вероятности лишь новые беды столичному люду, которому было в общем-то совершенно безразлично, тот ли, другой ли император занимает престол. Поэтому, когда герольды с галеры Дандоло громко провозглашали: «Вот ваш настоящий правитель!» — греки отвечали: «А мы его знать не знаем!»

Вскоре крестоносцы открыли враждебные действия против византийской столицы. 5 июля 1203 года их флот устремился к европейскому берегу Босфора, в Золотой Рог.

Но что это? Вход в залив прегражден длинной железной цепью! Неужто Алексей III вздумал этой цепью задержать корабли? Жалкое препятствие! Тяжелая венецианская галера под названием «Орел» с ходу прорвала цепь, в которой обнаружилось несколько слабых звеньев. Венецианцы без особых усилий пускали на дно или захватывали корабли, вышедшие было им навстречу.

Флот крестоносцев двинулся к одному из главных укреплений — высокой башне на северном берегу Золотого Рога — к Галате. Здесь расположились, изготовившись к бою, византийские наемники — англы, датчане и другие. В руках у них сверкали обоюдоострые секиры. По мере приближения судов к берегу пехотинцы спрыгивали в воду и, «погружаясь по пояс в полном вооружении — с опущенными забралами и с копьём в руке», устремлялись вперед, на сушу. Вслед за копьеносцами и арбалетчиками под звуки труб и дробь барабанов высаживалась рыцарская конница. «Никто не спрашивал, кому идти вперед первому. Кто мог раньше, раньше и причаливал». 6 июля после короткой схватки Галатская башня была взята. Войско императора, в сущности, не приняло боя и поспешило укрыться за городскими стенами. Алек-

сей III «повернул в Константинополь и побросал свои шатры и палатки раскинутыми, и наши воины нашли там довольно добычи».

Теперь надо было одолеть и другие укрепления. Еще перед штурмом Галаты совет баронов разделил все войско (около 10 тысяч человек) на семь отрядов. Сейчас решено было, что рыцари и пехотинцы нападут на город с суши, венецианцы же поведут штурм стен с моря.

После овладения Галатой корабли доставили рыцарей в глубь залива. Они высадились у северной стены Константинополя. Высокое белокаменное здание, виднеющееся неподалеку, — это императорская резиденция — Влахернский дворец. На холме, поблизости от дворца, крестоносцы окопались лагерем, начали расставлять свои камнеметательные орудия. От стен их отделяли какие-нибудь несколько сот метров. Стрелы лучников могли достигать дворцовых окон, а камни, перелетая через стены, — разрушать дома константинопольцев.

Наемники Алексея III непрестанно тревожили воинов креста вылазками.

Тем временем венецианцы собирали корабли для удара по Константинополю из глубины залива. Опытные мастера спешно сооружали из связанных веревками перекладин мачт легкие перекидные мостики — каждый мог выдержать трех-четырех вооруженных рыцарей. Борты кораблей прикрыли сырыми шкурами, чтобы уберечься от «греческого огня».

День генерального приступа приближался.

Решающий бой завязался 17 июля. Первые успехи одержали венецианцы. Флот находился примерно в полутора километрах от лагеря рыцарей, против самого высокого места стены. Корабли выстроились в одну линию, носами к городу. Лучники и арбалетчики начали стрельбу по защитникам стен, и под ее прикрытием суда придви-

нулись вплотную к укреплениям. Энрико Дандоло со знаменем св. Марка в руках стоял на носу своей галеры. Он потребовал, чтобы его высадили на землю, и, когда корабль причалил, первым спустился на берег. За дожем последовали другие воины. Вот несколько храбрецов с помощью перекидных мостков взобрались на стены. Ратники божьи захватывают более двух десятков башен. Они уже в городе! Успех, однако, оказался кратковременным: прорвавшихся слишком мало, и «они бы там не продержались». Ударные отряды, посланные Алексеем III, заставляют их отступить назад. Чтобы преградить путь императорским наемникам, нападающие поджигают соседние дома. Ветер несет огонь в сторону греков. Пожар распространяется на близлежащие кварталы. Как свидетельствует Робер де Клари, выгорела часть города, по величине равная французскому Аррасу.

Тогда Алексей III бросил в дело сравнительно крупные силы — свои резервы. Из трех западных ворот Константинополя выступило новое императорское войско — «столько народу, что казалось, будто это был весь мир». Кавалерия и пехота василевса заняли позиции напротив рыцарских отрядов. Крестоносцев объял страх. И было отчего: они располагали всего семьястами конных рыцарей. Многие поспешно каялись в грехах, пав на колени перед священниками, диктовали грамотеям свою последнюю волю, — кто знает, как повернутся события?

В бой ввели всех, кто был в лагере. По рассказу Робера де Клари, к рыцарям, их оруженосцам и пехотинцам, выстроившимся лицом к противнику, присоединили даже кашеваров и конюших: «всех их облачили в одеяла, в седельные коврики, дали им в руки котелки, скалки, пестики, так что они имели такой безобразный и ужасающий вид, что пеший меньшей люд императора, расположившийся перед стенами, увидев их, был объят страхом».

Две армии, разделенные узкой полосой земли, в напряженном ожидании стояли одна против другой. И вдруг — о, чудо! — армия Алексея III стала отступать. Греки даже не попытались скрестить оружие с противником. Что это — коварный маневр, ловушка? Рыцари, опешившие от неожиданности, не знали, что и думать. Во всяком случае, крестоносцы, уйдя в палатки, «скинули свое вооружение, так как сильно утомились и устали; и они малость поели и попили, ибо съестного у них было немного».

Действия василевса, однако, не являлись ни маневром, ни хитростью. Алексей III в последний момент просто увел своих воинов в город. Ему стало ясно, что эти наспех набранные, малонадежные наемники едва ли отстоят его шатающийся трон. Они и впрямь не проявляли большой охоты к сражению. Правда, Алексею III были готовы помочь пизанцы, которых он несколько лет назад, в пику венецианцам, пожаловал привилегиями. Да ведь с ничтожной кучкой этих защитников, конечно, выдержать приступ не удастся. А главное, в тылу императорского войска нарастала угроза, пожалуй, еще более серьезная: словно потревоженный улей, гудели бедняцкие кварталы Константинополя — народ столицы готовился излить накипевший гнев против ненавистного деспота и его клики. Поняв, что положение безвыходно, Алексей III (сами-то крестоносцы узнали об этом на следующий день) в страхе скрылся из столицы, бросив почти все свое семейство — с ним бежала во Фракию лишь старшая дочь Ирина. Однако он прихватил с собой ценности, хранившиеся в казне, — из того, что можно было унести.

Пока отряды рыцарей, изумленные отступлением Алексея III, пребывали в неведении и некоторой растерянности, константинопольцы не сидели сложа руки. Слепой Исаак II был немедленно освобожден из темницы. Царе-

дворцы, привыкшие ко всяким политическим превратностям, тотчас переменили фронт: дрожавшие за свои богатства и чины, они понимали, что, только вновь посадив на престол Исаака II, как этого требовали латиняне, быть может, сумеют предотвратить опустошительное нашествие варваров. Ведь крестоносцы обрушились на Константинополь якобы ради восстановления его законных государей. Отдать престол Исааку II — значит выбить из рук этих «блюстителей права» единственный имеющийся у них благовидный предлог для вторжения в столицу империи.

18 июля 1203 года Исаак II, облаченный в царский пурпур, оберегаемый почетной стражей, был препровожден во Влахернский дворец. В лагерь крестоносцев направили послов, дабы возвестить, что император Алексей бежал и что греки восстановили на престоле прежнего государя.

Рассказывая о радости, которая овладела ратниками креста, когда они узнали о случившемся, Виллардуэн предвзвешивает свой рассказ примечательным для образа мышления человека того времени обращением: «Ну, а теперь послушайте о чудесах господних, которые столь прекрасны везде, где ему угодно их творить». Хронист искренне верил в то, что совершившиеся события, внезапно сделавшие крестоносцев хозяевами положения, — это акт божьей воли. В действительности, конечно, ничего сверхъестественного в исходе летней схватки 1203 года между крестоносцами и Византией не было: исход этот был обусловлен внутренней слабостью империи.

Итак, крестоносцам теперь не к чему пускаться в ход свои мечи и копья. Их цель как будто достигнута: императорская корона вновь у ее законного обладателя. Однако византийские государственные мужи, думая, что предупреждают захват столицы, просчитались. Для кре-

стоносцев важно было, конечно, не «восстановление прав» Исаака II и его сына. Они жаждали совсем другого.

«Мы добьемся своих прав»

Прежде всего надо было получить от нового императора награду, обещанную его сыном Алексеем. Послы, направленные в город (среди них — Жоффрау Виллардуэн), завязали переговоры с Исааком II: ведь он должен был утвердить договор, бездумно подписанный царевичем! Лишенный зрения, но не разума, Исаак II отлично понимал, что неопытный наследник хватил через край, обязавшись уплатить западным покровителям 200 тысяч марок серебром. Для оскудевшей императорской казны такой расход был явно непосильным. Исаак поэтому ответил послам с оттенком иронии, хотя и в высшей степени дипломатично: условия договора были «тяжелы, е я не вижу, как он может быть выполнен»; но тем не менее вы оказали такую услугу и мне и царевичу, «что если бы вам отдать всю империю, то и тогда вы заслуживали бы большего». Послы вернулись в лагерь, получив у василевса грамоту, утверждавшую их договор с его сыном.

Около 10 тысяч крестоносцев расположились лагерем близ столицы, в Галате. Сотни этих «варваров», каковыми их не без основания считали греки, каждый день посещали столицу. «Многие из войска, — вспоминал позднее Виллардуэн, — приходили повидать Константинополь, и богатые дворцы, и высокие церкви, которых там так много, и великие богатства (ибо никогда в одном городе не было столько сокровищ)».

Рыцари либо переправлялись в город на рыбацких лодках по Золотому Рогу, либо добирались туда на конях через мост, в объезд залива. Чувствуя себя господами по-

ложения, крестоносцы расхаживали и разъезжали по непривычно шумным и людным улицам и площадям, ели, пили, покупали; бесцеремонно ощупывали драгоценные святыни церквей и часовен; поглаживали мрамор колонн; таращили глаза на громадные статуи — памятники старины, которыми были украшены многие места древнего Константинополя; задирали вверх головы, чтобы подивиться порфиру и золоту мозаик на потолках императорских дворцов, изумлялись их размерам; рассматривали акведуки, через которые город снабжался водой; громко потешались над казавшимися им чудными обычаями греков. Те рыцари, которые считали себя более осведомленными, тут же давали «объяснения» (разумеется, самые фантастические) всему виденному, а остальные старались запомнить их, перекраивая при этом на свой лад греческие названия. Большой императорский дворец Вуколеон, например, французские воины окрестили «Буколеоном» — «быкольвом», поскольку барельеф, украшавший его, изображал льва, раздирающего когтями быка.

Среди крестоносцев, побывавших в эти дни в Константинополе, находился многократно упоминавшийся нами ранее французский рыцарь Робер де Клари. Впоследствии в своих записках он рассказывал о том, как поразили его и его соратников сокровища греческой столицы: «Там было такое изобилие богатств, так много золотой и серебряной утвари, так много драгоценных камней, что казалось поистине чудом, как свезено сюда такое великолепное богатство. Со дня сотворения мира, — изумленно восклицает Робер де Клари, — не видано и не собрано было подобных сокровищ, столь великолепных и драгоценных... И в сорока богатейших городах земли, я полагаю, не было столько богатств, сколько их было в Константинополе...»

В августе 1203 года царевича Алексея короновали

в качестве соправителя Исаака II. Сын сумел уговорить отца начать выплату денег крестоносцам. При дворе догадывались об истинных помыслах алчных и необузданных воинов креста: ведь потому Исааку II и пришлось подтвердить обязательства сына перед ними. Однако дать обещания было много легче, чем выполнить их. Денег в казне не было. Чтобы добыть их, Исаак II и Алексей IV (так стал именоваться его сын после коронации) ввели новые налоги; они произвели конфискацию драгоценностей у части знати, приказали содрать золотые и серебряные украшения во дворцах и даже, как говорит Никита Хониат, нечестиво схватились за неприкосновенное, то есть протянули руку к церковным сокровищам. Таким путем было собрано 100 тысяч марок. Это была лишь половина награды, причитавшейся рыцарям и венецианцам «за услуги». Собрать вторую половину — еще 100 тысяч — императоры были уже не в состоянии. Некоторое время, однако, они старались задобрить своих благодетелей. Алексей IV, который один только и пользовался реальной властью (слепой Исаак II почти не играл теперь никакой роли в государственных делах и большей частью проводил свои дни в окружении придворных гадалок или монахов), с отрядами крестоносцев разъезжал по близлежащим фракийским селам и городам. Поборами он разорял жителей дотла, причем не стеснялся поручать взимание денег самим крестоносцам, сопровождавшим его.

Эти меры помогали, но мало. В течение нескольких недель Алексей IV отделывался обещаниями, просил своих покровителей обождать, словом, как говорит хронист, «со дня на день откладывал расчет, бросая им время от времени нищенские подачки». Однако проволоочки и оттяжки стали мало-помалу раздражать воинов креста. Доколе же им лицезреть памятники Константинополя? Не видя толку от царей, возведенных ими на престол, ры-

цари держали себя все более нагло. Учащались их грабительские выходы. Отношения с греческим населением столицы и ее пригородов, вначале довольно спокойные, становились с каждым днем напряженнее. По выражению Никиты Хониата, жадные до денег латиняне «хотели, чтобы в то время, как одни выгружают у императоров драгоценности, другие уже стояли бы подле тяжело нагруженными, третьи были бы на походе с новым золотом, а четвертые готовились бы к отправлению, и чтобы все это происходило непрерывно».

Если дворцовые события (бегство Алексея III, водворение на престоле Исаака II, установление его совместного правления с Алексеем IV) горожан почти не интересовали — это дела знати! — то нараставшие требования налоговых сборщиков вызывали недовольство. Ремесленные мастера и торговые люди давно уже с негодованием в душе взирали на венецианцев, отнимавших у них доходы. А теперь эти проклятые итальянцы привезли на своих кораблях целое войско «варваров», которые творят неслыханные вещи, — как раз тогда рыцари принялись обирать константинопольские храмы и пускать в переплавку их сокровища. В конце августа произошла стычка крестоносцев с греками, вступившимися за мусульманских купцов, на которых рыцари напали близ мечети в восточной части города. В пылу схватки воины креста подожгли мечеть. Вспыхнул пожар. Огонь бушевал почти неделю и распространился на богатейший район, дойдя до Золотого Рога. Выгорела почти половина домов. Под угрозой оказалась главная столичная церковь — собор св. Софии. Масса людей, населявших восточную часть Константинополя, лишилась крова. «Никто, — пишет Виллардуэн, — не смог бы перечислить вам ни ущерб, причиненный пожаром, ни имущество, ни богатство, которое там погибло и было погублено, ни сказать о тех многих

мужчинах, женщинах и детях, которые там сгорели».

Чаша терпения городских низов переполнилась. Греки, по словам Никиты Хониата, заволновались, «как безграничное и вольное море при сильном ветре», открыто угрожая бунтом. Возмущение народа нарастало, обрушиваясь прежде всего на западных купцов. После августовского пожара почти всем латинянам, проживавшим в городе — а их было около 15 тысяч человек, — пришлось перебраться в лагерь своих католических единоплеменников.

Алексей IV находился прямо-таки между Сциалой и Харибдой. С одной стороны — требующие золота крестоносцы, с другой — греки, возмущение которых грозит вылиться в бунт. Легкомысленный и самонадеянный император сперва пытался было опереться на поддержку крестоносцев и вымолил их согласия остаться в Константинополе до марта следующего года, но затем стал склоняться к тому, чтобы порвать с «благодетелями». Он думал, что это укрепит его положение. Терпение крестоносцев тоже истощалось, и настал день, когда больше невозможно было отодвигать срок окончательной расплаты с ними.

В ноябре 1203 года в Константинополь вернулся Алексей IV, совершивший очередное ограбление жителей Фракии. Он не удостоил крестоносцев обычным визитом. И тогда во Влахернский дворец прибыла делегация. Послами воинов креста были Виллардуэн, Конон Бетюнский, рыцарь Милон Брабантский и три венецианца, доверенные лица Энрико Дандоло. Выступив вперед и встав прямо перед Исааком и Алексеем IV, восседавшими в золотых тронных креслах, Конон Бетюнский твердым голосом заявил, что все сроки расплаты истекли. «Вы не выполнили договор, как то должны были бы... Если вы это делаете, все пойдет хорошо, если же не сделаете, то знайте,

что с этого часа и на будущее время бароны на считают вас ни сеньором, ни другом и они уж постараются добиться своих прав способами, какими смогут». Слова дерзкого латинянина изумили и возмутили греков, присутствовавших на приеме. Еще никто не осмеливался столь непочтительно обращаться с царями Византии. Стража порывалась схватить послов, но они поспешили удалиться из дворца и, как рассказывает Виллардуэн, только тогда вздохнули с облегчением, когда вскочили в стремя и, прищпорив коней, поскакали к своим.

Теперь бароны ясно увидели, что Алексей IV не собирается выполнить условия договора, заключенного под Задаром. Гневу крестоносцев и венецианцев не было предела. «Ах, так! Мы вытащили этого юнца из грязи, — раздраженно вскричал как-то в совете баронов старый пират Дандоло, — а теперь он отрекается от нас, отказывается вернуть нам наши затраты! Погоди же, — добавил он, словно обращаясь к Алексею IV, — мы сумеем снова втолкнуть тебя в грязь!»

С этого момента союз крестоносцев с императорами распался. Его сменила открытая вражда: «всякий причинял другому зло, как мог, и на суше, и на море». Венецианские корабли стали опустошать берега Босфора. 1 января 1204 года по тайному приказу одного из антилатински настроенных советников Алексея IV против венецианского флота были пущены 17 оснащенных парусами плотов, на которых пылали поленья, стружки и смола. Гонимые попутным ветром, эти брандеры чуть было не подожгли корабли крестоносцев, стоявшие на якоре в северной части залива. Венецианцы не растерялись: они прыгали в лодки, схватили брандеры длинными крючьями и увели эти плавучие костры в открытое море. Опасность миновала. Однако становилось ясно: назревает крупный конфликт.

Воины креста совсем перестали церемониться в греческой столице. Грабежи, разбои, пьяные драки и стычки с греками сделались каждодневными. Рыцари твердо решили силой добиться своих «прав».

Василевс с насупленными бровями

Столичная беднота все более открыто возмущалась политикой Алексея IV, который вот уже несколько месяцев пытался главным образом за счет народа откупиться от крестоносцев, водворивших его на престол. В конце января 1204 года в Константинополе разразился бунт. Толпы людей бросились к Влахернскому дворцу. Алексей IV (в котором константинопольцы видели главного виновника всех бедствий) спешно направил посла к предводителям крестоносного войска, умоляя их вывести свои отряды в столицу. Однако крестоносцы не желали второй раз драться за тех самых правителей, которые обманули их самые радужные ожидания и надежды. А к тому же и гонцы прибыли слишком поздно.

Двор, узнавший, что Алексей IV обратился за помощью к латинянам, поторопился пресечь его намерения. Уж если крестоносцы явятся усмирять бунтующую чернь, то недобровать и царедворцам, и синклитикам (сенаторам). Чтобы предупредить события, часть придворной знати пошла на новый государственный переворот: был составлен заговор, в результате которого 5 февраля 1204 года Исаака II и Алексея IV низвергли с престола. Императорской короной завладел еще один Алексей, ставший называться Алексеем V: он, по выражению Виллардуэна, «обулся в пурпурные сапожки».

Это был видный сановник из знатного рода Дук, зять Алексея III. При дворе его прозвали Мурпуфлом, что по-гречески означает «нахмуренный» (у Алексея V брови

всегда были сдвинуты, и это придавало ему вид вечно насупленного человека). Именно он выступил зачинщиком дворцового переворота. Именно Мурцуфл, который был ближайшим советником Алексея IV и пользовался его полным доверием (как раз Мурцуфла молодой самодержец отправил послом к крестоносцам!), и поставил двор в известность о переговорах самодержцев с латинянами. В коварстве и честолюбии Алексей V Мурцуфл не уступал своим предшественникам. По его приказу Алексей IV и Исаак II были водворены в ту же темницу, из которой последнего полгода назад вызволили крестоносцы. Новый император дважды или трижды пробовал отравить Алексея IV, а когда это не удалось, велел палачам задушить его. Исаак II, не выдержав обрушившихся на него горестей, вскоре скончался. Весть об их гибели дошла до крестоносцев. «Взять свое» можно было теперь только мечом. Это сделалось очевидным в особенности после того, как новый василевс снарядил в лагерь крестоносцев чиновников, которые от его имени предложили латинянам в течение семи дней убраться подобру-поздорову из империи.

Самонадеянность и высокомерие Мурцуфла имели под собой мало оснований. Правда, он сумел справиться с народом, восставшим против знати. Взбунтовавшиеся константинопольцы, не ведая и не желая зедать, что творится в императорском дворце после низвержения Исаака II и его сына, хлынули в собор св. Софии и провозгласили там императором рядового греческого воина Николу Канаву. Однако тот носил свой высокий титул лишь три дня. Восставшая беднота не была организована, не знала, как действовать, что предпринять дальше. Вспыхнули раздоры. Алексей V Мурцуфл учел все эти обстоятельства. Отряд преданных гвардейцев схватил Николу Канаву. Бунт был подавлен. Тем не менее успех Алексея V являл-

ся недостаточным для того, чтобы он мог считать свое положение окончательно упрочившимся и предъявлять крестоносцам столь категоричные требования.

Человек энергичный и предприимчивый, василевс попробовал, впрочем, сразу же дать бой противнику. Большой отряд воинов креста под командованием Анри д'Эно выступил из лагеря и направился к Черноморскому побережью с целью пополнить там продовольственные запасы, которые были на исходе. Алексей V задумал подстроить засаду рыцарям, когда они будут возвращаться обратно, но в стычке Мурцуфл сам едва избежал плена: он спасся бегством, оставив в руках противника императорские инсигнии (знаки отличия) и особо почитавшуюся греками икону богоматери.

Несмотря на неудачу, Алексей V Мурцуфл не оставил своих намерений: было решено подготовить Константинополь к отпору.

Воинам столичного гарнизона посулили вскоре заплатить деньги, которые им задолжало государство. Стали чинить городские укрепления: поправляли ворота, надстраивали на два-три яруса башни и стены у гавани, чтобы венецианцы не могли воспользоваться перекидными мостиками. Обратились даже к жителям столицы, призвав их ополчиться против вооруженных западных пришельцев.

Однако осуществить все эти меры было трудно. Наемники не верили обещаниям высших командиров об уплате жалованья: они знали, что василевсу нечем платить, а проливать за него кровь просто так — с какой стати? Починка укреплений тоже подвигалась туго. Мастера работали с прохладцей: стоит ли отстраивать стены столицы империи, правители которой заботятся лишь о себе, а на народ смотрят, как на скотину, только и помышляя о том, как бы взять с него побольше? Ведь и Алексей V

не лучше других: это показала его расправа над восставшим бедным людом.

Сформировать ополчение для защиты столицы также оказалось делом нелегким. Правда, некоторые слои горожан, особенно зажиточные ремесленники и купцы, были не прочь постоять за Константинополь. Они жаждали разделаться с ненавистными итальянскими конкурентами, устроить им вторую «кровавую баню» — вроде той, которую городской плебс однажды учинил латинянам (это было еще в 1182 году). Однако массы столичного населения не разделяли готовности состоятельных купцов и мастеров драться с западными рыцарями. Причина была все той же самой: драться — за кого? За императора и его взяточников-чиновников? За неправедных судей, всегда ущемляющих бедняка и держащих сторону богача? За жестоких тюремщиков и палачей? Нет уж, пусть вся эта клика выкручивается теперь как угодно! Ремесленная беднота, поденщики, обездоленный столичный люд не собирались оказывать поддержку Алексею V в его оборонительных начинаниях: народ в массе своей был безразличен к участи византийского государства, ибо пылал враждой к властителям, навлекавшим на тружеников одно лихо за другим.

Знать, верхи тоже вели себя вяло. Конечно, они понимали, что, ворвись крестоносцы в столицу, и богатым людям, стоящим у власти, несдобровать: сокровища, хранящиеся в ларях, в подвальных помещениях дворцов, золотая и серебряная посуда, из которой в дни семейных торжеств потчевали многочисленных гостей, пышные и мягкие ковры, которыми увешаны опочивальни, — все это будет расхищено латинянами. Но создавать ополчение? Раздать голытьбе родовые ценности, пожертвовать ей накопленные золото и серебро, чтобы вооружить этих грязных мастеровых да еще и кормить их все время, пока бу-

дет длиться борьба с латинянами? Нет! Это и накладно, и, пожалуй, небезопасно: чернь опять при случае может взбунтоваться. И тогда...

Так или примерно так рассуждали в хоромаш государственных мужей.

Даже перед лицом явной опасности аристократы продолжали грызться за придворные чины и должности, строить хитроумные каверзы друг другу, плести всяческие интриги. К тому же среди знати имелась целая группировка сторонников Бонифация Монферратского, готовых посадить его на престол, лишь бы купить мир с латинянами. В такой обстановке Алексей V Мурцуфл мог сколько угодно предъявлять крестоносцам свои ультиматумы, — воины креста были твердо уверены: еще немного, и империя станет их добычей.

Эльзасский монах Гунтер из обители Пэрис, уже позднее, в 1207—1208 годах, написавший, по рассказам аббата Мартина, участвовавшего в крестовом походе, «Константинопольскую историю», передает настроение ратников божьих следующим образом: «Они порешили, откинув свой страх, без которого, конечно, не могло обойтись, грозно выступить против осажденных врагов, и в отместку за задушенного царя, которого они сами водворили на престол, потребовать себе весь город со всеми его жителями и с тем проклятым убийцей, пригрозив городу уничтожением, а жителям — истреблением».

«Хуже сарацин»

Едва потеплело, крестоносцы приступили к подготовке решающей атаки на Константинополь. Летом прошлого года греки сумели помешать переходу империи под власть рыцарей. Теперь это не должно повториться. Так решили Бонифаций Монферратский, Энрико Дандоло

и другие главари крестоносного воинства. Убежденные в том, что Константинополь не устоит против натиска, в марте 1204 года они заранее условились о дележе шкуры еще не убитого медведя, подписав договор о «разделе империи». В этом договоре подробно перечислялось, какие кому достанутся земли, города, должности, когда с Византией будет покончено и на ее месте возникнет государство завоевателей. Подписывая этот договор, маркизы и бароны, графы и герцоги словно позабыли — и это действительно было так — о высоких целях, ради достижения которых они опоясались мечом пять лет назад. Ни о Египте, ни о Сирии больше не было и речи. Договариваясь о разделе будущего византийского наследия, вожди рыцарства открыто демонстрировали, что религиозные флаги крестового похода — всего лишь жалкая маскировка, что в действительности это — завоевательное предприятие, не имеющее никакого отношения к религии.

Константинополь велик и богат. Вот в чем главное! А что он христианский город, то какое это в сущности может иметь значение? Во всяком случае, религиозные соображения не удержат крестоносцев от того, чтобы завоевать Византию силой оружия.

Подобные соображения не могли остановить не только герцогов и графов, баронов и виконтов, но и духовных пастырей рыцарей креста — епископов, священников и монахов. Когда привели в готовность корабли, проверили латы, сбруи, еще раз наточили мечи, словом, когда все было готово, перед отрядами крестоносцев выступили служители церкви. Они хотели остановить меч, занесенный над христианским Константинополем? Нимало! Напротив, духовенство постаралось укрепить рыцарей в убеждении, что, завоевав Константинополь, они совершат правое и богоугодное дело. Ведь греки убили законного государя — Алексея IV. Разве могут они после этого вла-

деть своей землей? Запятнав себя таким образом, византийцы навсегда потеряли это право. В довершение всего, как говорили священники воинам накануне генерального штурма, греки — не настоящие христиане. Они отступники от правой веры, схизматики (раскольники), отклонившиеся от матери всех христиан — единой католической церкви. Греки не повинуются апостольскому престолу. Они — своего рода еретики. Сам папа Иннокентий III говорит, что схизматики «хуже сарацин». Пора уже наказать их за отступничество от истинной веры и вернуть к подчинению Риму. «Поэтому мы вам заявляем, — так сказал один из проповедников сгрудившимся вокруг него крестоносцам, — что война (предстоящая. — М. З.) хороша и справедлива; и если вы имеете доброе намерение завоевать эту землю и подчинить ее Риму, то получите такое отпущение грехов, какое дал вам папа, какое он дал всем, которые умрут, исповедавшись». Подобные увещания послужили, по признанию Виллардуэна, большой поддержкой баронам и пилигримам. Они знали теперь, что не только их военачальники, но и церковь и сам римский первосвященник одобряют битву против схизматического, хотя и христианского, Константинополя.

Действительно, в то время как крестоносцы подготавливались к захвату греческой столицы, Иннокентий III занял поощрительную позицию; в сущности, он словно подстрекал крестоносцев напасть на Константинополь, только, как и раньше, прикрывал это подстрекательство лицемерными увертками. В своих посланиях в лагерь крестоносцев папа проформы ради запрещал им причинять вред Византии. А на деле? На деле Иннокентий III тут же добавлял к этому запрету оговорку, которая сводила его на нет. Не вздумайте воевать против христиан, писал он, «разве только сами они станут необдуманно чинить препятствия вашему походу или же представится

какая-либо другая справедливая или необходимая причина, по которой вы сочтете нужным действовать по-другому». С точки зрения крестоносцев, «справедливая» и «необходимая» причина была налицо. Значит, завоевание Константинополя непременно встретит полное папское одобрение. Именно это и внушали воинам церковнослужители в канун общего приступа.

«И вы бы увидели тогда»

Первую попытку штурмовать Константинополь крестоносцы предприняли на рассвете 9 апреля 1204 года. Удар по городу на этот раз решили нанести с моря. За день до этого всех воинов разместили на кораблях. Палубы заставили бочками с водой и обложили матами из влажных виноградных лоз, дабы предохранить суда от «греческого огня»; к реям снова приладили перекидные мостки, а по бортам установили метательные орудия; были изготовлены в нужном числе крюки — «кошки», для того чтобы вскарабкаться на укрепления, и заступы — «свиньи», для того чтобы вести подкоп под стены. Суда, с которых намечалось атаковать прибрежные башни, расположили в одну линию, бортами друг к другу. Этот фронт кораблей растянулся чуть ли не на два километра, заняв позиции против константинопольских стен, от Влахернского дворца до монастыря Эвергет, как раз перед той частью города, которая сильно пострадала во время августовского пожара.

Рыцари высадились с юсье, выгрузили орудия и устремились к стенам. В то же время остроносые военные корабли венецианцев, несмотря на неблагоприятный ветер, прошли к башням.

Однако поначалу крестоносцам не повезло. Со стен на них обрушился град стрел и камней. Огромные метатель-

ные снаряды греков крошили в куски осадные орудия, стоявшие на берегу. Рыцари пытались взобраться на башни; некоторые уже схватились было врукопашную с греческими секироносцами. Виллардуэн в своих записках хвастливо заявит потом, будто крестоносцы потеряли за все время осады лишь одного воина. Это — неправда. Они несли более серьезные потери. Особенно убедительно об этом свидетельствует Новгородская летопись. В ней имеется целое повествование «О взятии Царьграда от фряг» (фрягами на Руси называли венецианцев). Автор этого рассказа в дни битвы за Константинополь сам находился в городе и многое видел собственными глазами. По его свидетельству, 9 апреля, лишь при попытке захватить одну из башен, было убито около 100 воинов. Битва затянулась. В конце концов под улюлюканье защитников города осаждавшие принуждены были отступить, сбросав на берегу обломки разбитых орудий. Первая атака крестоносцев захлебнулась.

Через три дня, 12 апреля, рыцарские отряды, перегруппировавшись, снова пошли на приступ, сотрясая воздух такими воинственными криками, что казалось, как пишет Виллардуэн, будто земля рушится. До полудня грекам удавалось удерживать позиции, но во второй половине дня их положение стало заметно ухудшаться. Венецианцы скрепили попарно многие корабли, чтобы удвоить число воинов, которые будут нападать на каждую башню. И вот к башне, возвышавшейся напротив холма Петрион, прорвались два связанных корабля — «Пилигрим» и «Рай». С кораблей к стене тотчас была приставлена высокая лестница. Венецианец Альберти первым начал взбираться вверх, но был сражен ударом камня. Однако другие воины — пример им подал французский рыцарь Андре д'Юрбуаз, — преодолевая сопротивление византийских наемников, вскарабкались по лестнице и вскоре сумели

овладеть четырьмя башнями. В это же время несколько десятков рыцарей и пехотинцев, действуя под градом камней и потоками кипящей смолы, произвели пролом в стене. Первые крестоносцы ворвались в город. Они захватили трое ворот и разбили их, открыв путь остальным воинам.

Многочисленный, но ненадежный гарнизон Алексея V Мурцуфла был смят и начал отступать. Рыцари, верхом и пешие, устремились к зеленому шатру Алексея V Мурцуфла, который они увидели еще издали: он был раскинут на холме, близ большого монастыря. Алексей V сам руководил наемниками. Теперь, когда они кинулись бежать, решимость оставила Мурцуфла. Под покровом надвинувшейся ночи император скрылся в Вуколеонском дворце. «И вы бы, — продикует позже Виллардуэн своему писцу, — увидели тогда, как греки терпят поражение и наши овладевают их лошадьми, мулами и прочим имуществом. Убитых и раненых оказалось столько, что нет им числа, ни меры».

С наступлением темноты шум битвы смолк.

Рыцари не отваживались углубляться в город, а остались вблизи стен и башен, которыми овладели. Ожидая наутро сильного отпора со стороны греков, они даже окопались лагерем на широкой площади. Из предосторожности, дабы греки не произвели неожиданного нападения, кто-то из рыцарей посоветовал поджечь близлежащие строения. Пучок сухой соломы — и дом загорелся. Еще миг — и пламя перекинулось на соседние здания, а вскоре огонь распространился на большую часть города. Это был третий пожар, случившийся с той поры, как крестоносцы впервые ступили на землю Константинополя; по мнению Виллардуэна, на этот раз «сгорело домов больше, чем их имеется в трех самых больших городах королевства Франции». Утром следующего дня, 13 апре-

ля, озаряемые зловещим пламенем, крестоносцы с дикими криками ринулись на греческую столицу. Они полагали, рассказывает очевидец, что сейчас развернется такое сражение, равного которому у них еще никогда не было. Воины креста ошиблись: они не встретили в городе никакого сопротивления. Никто словно и не собирался подниматься на защиту Константинополя.

Жителей, способных владеть оружием, было во много раз больше, чем крестоносцев: в их войске насчитывалось не более 10 тысяч человек, а то и еще меньше. Правда, хронисты приводят цифру в 20 тысяч воинов, но зато численность греков оценивают чуть ли не в 400 тысяч человек. Несоразмерность этой пропорции очевидна: латинские авторы просто старались подчеркнуть героизм крестоносцев, преувеличивая число их врагов. Как бы то ни было, западные воины в четыре дня овладели столицей Византийской империи — городом, который почти девять столетий не пускал за свои стены ни одного из множества противников, наседавших на него. Сами захватчики не могли опомниться от изумления: «Казалось чудом, — писал Виллардуэн, — что столь великое дело совершено таким числом людей, меньше которого трудно и вообразить»; по его же словам, «никогда такая горсточка воинов не осаждала стольких людей в каком-либо городе».

Секрет этого «чуда» был прост. Византийское государство стало жертвой внутренних неурядиц, поэтому-то его столица так легко и досталась западным рыцарям.

Озлобленные долгим ожиданием добычи, ободряемые священниками, завоеватели рассеялись по Константинополю. Они учинили страшную расправу над ни в чем не повинным населением греческой столицы. Три дня в городе, окутанном чадным дымом, стояли вопли и стоны. Это рыцари творили насилия, жестоко глумились над константинопольцами. Были истреблены тысячи людей.

Крестоносцы выгнали массу жителей из домов. Иные старались найти убежище в церквах. Однако рыцари врывались туда, раздевали несчастных донага, чтобы они не унесли с собой драгоценностей, и либо изгоняли вон, либо тут же убивали.

«Не знаю, с чего начать и чем кончить описание всего того, что совершили эти нечестивые люди», — словно в оцепенении и с глубокой печалью приступает к повествованию о событиях константинопольского погрома синклитик и историк Никита Хониат. Этот знатный и образованный византиец сам пережил все ужасы опустошения столицы. Он едва спасся вместе со своей семьей, и то лишь благодаря помощи знакомого венецианца. Как очевидец, Никита Хониат подробнее всего и рассказал о бесчинствах рыцарей креста.

Рыцари, обезумевшие от алчности, набросились на дворцы, храмы, купеческие склады дома, взламывали двери и разбивали окна. «Всякий брал себе дом, какой ему было угодно, и таких домов было достаточно для всех», — как бы подтверждает рассказ греческого историка Виллардуэн. Крестоносцы грабили, разрушали и жгли все, что попадалось на пути. Потревожены были даже гробницы византийских императоров, в которых воины креста рассчитывали поживиться золотом. Разгром совершался повсюду — на площадях и в домах, во дворцах и церквах. «Освободители гроба господня», на словах воевавшие во имя спасения святынь христианства, не пощадил константинопольских храмов, благо в них хранились большие ценности. С мечами в руках крестоносцы разбивали там священные сосуды, старинные иконы, хватали золотые и серебряные чаши, срывали драгоценные камни с крестов, распарывали дорогой бархат и парчу церковных занавесей.

Не пощадили крестоносцы и собор св. Софии. Разбив

вдребезги массивные двери центрального входа, они ворвались под своды храма. От несказанных богатств его у них прямо-таки захватило дух. Старинные иконы в золотых рамах, мраморные столики, покрытые златотканой материей, золотые и серебряные предметы церковной утвари необычайной редкости — все это сияло, блестело, переливалось различными цветами радуги. Рыцари кромсали и растаскивали бесценные сокровища Софии. А потом, введя в храм мулов и лошадей, навьючили их драгоценной ношей. Так, по словам греческого историка, рыцари «не пощадили не только частного имущества, но, обнажив мечи, ограбили святыни господни».

А это что за фигура в темном одеянии, воровато пробирающаяся между закованными в латы воинами? Конечно, это священник. Однако почему он рыскает по монастырской церкви и, склонив голову, внимательно разглядывает содержимое священных сосудов, которое рыцари вывалили прямо на выложенный мозаичными плитами пол? Вот он быстро наклоняется, хватая что-то своими жадно скрюченными пальцами... Наклоняется снова, опять выхватывает из кучи какую-то вещицу и засовывает ее в карман... Это аббат Мартин из Линца. Он разыскивает особо важные предметы религиозного почитания — мощи никогда не существовавших святых. Этот крестоносец в сутане, подоткнутой за пояс для быстроты передвижения, позабыв христианскую заповедь «не укради», совершает самую настоящую кражу. Впрочем, аббат рассчитывает снискать себе прощение греха у всевышнего: ведь то, что он делает, — всего лишь «благочестивое воровство»; он крадет мощи в монастыре Вседержителя, чтобы поместить затем эти реликвии в храме у себя на родине!

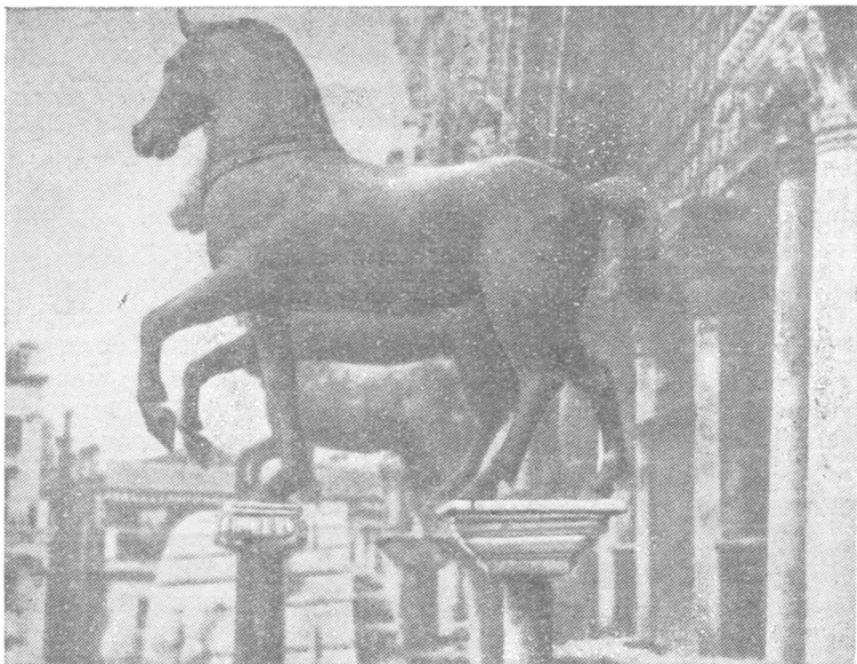
Аббат Мартин — не единственный священник из крестоносцев, творящий «благочестивое воровство». И другие

богобоязненные пастыри воинства христового, именем религии благословившие войну против христианского города, старались не отставать от погромщиков-рыцарей. Подобно аббату Мартину, они, по словам эльзасского хрониста, «обеими руками» хватали церковную утварь и всевозможные реликвии, в большом числе собранные в столичных церквах. Священнослужители действовали с лихорадочной поспешностью, боясь не упустить своей доли в добыче. Больше всех преуспел немецкий епископ Конрад из Гальберштадта, один из видных духовных пастырей крестоносцев; когда он через год вернулся в Тюрингию, перед ним, как рассказывает летописец, везли целую телегу, доверху нагруженную реликвиями, взятыми в константинопольских церквах и монастырях.

Добыча, захваченная в Константинополе, была настолько велика, с восхищением рассказывает Виллардуэн, что ее даже «не могли сосчитать». «Тут было,— восторгаясь, перечисляет Робер де Клари,— столько дорогих сосудов, золотых, серебряных и златотканых материй и столько драгоценностей, что это было настоящим чудом, все это добро». Знатный сеньор маршал Шампанский не без гордости пишет, что константинопольский грабеж несравним ни с чем подобным, совершавшимся когда-либо «от сотворения мира». Рядовой рыцарь Робер де Клари тоже в упоении от происшедшего: по его словам, крестоносцы захватили в городе «две трети земных богатств»; «в сорока самых богатых городах мира едва ли найдется столько богатств, сколько найдено было в Константинополе». О том, какова в действительности была колоссальная добыча крестоносцев, лучше всего говорит следующий факт: венецианцы предложили крестоносцам 400 тысяч марок серебром, если рыцари уступят им свою долю добычи. Как передает Виллардуэн, это предложение было отвергнуто: оно показалось слишком

невыгодным. А между тем 400 тысяч марок — это ведь вдвое больше того, что в свое время обещал заплатить крестоносцам Алексей IV, и почти в пять раз больше суммы, которую Дандоло в 1201 году запросил с воинов креста.

Для полноты картины нужно добавить, что во время разгрома Константинополя в огне пожаров и от разрушений погибли замечательные творения античности. Ведь византийская столица была городом-музеем. Крестоносцы же ничего не смыслили в искусстве. Они умели цешить только металл. Архитектурные и скульптурные памятники из мрамора, дерева и кости, с неподражаемым мастерством созданные греческими и римскими зодчими и ваятелями, — все это подвергалось полному и безжалостному уничтожению. Были сброшены с пьедесталов и превращены в щебень чудесные статуи возникших на константинопольском ипподроме, примыкавшем к Большому императорскому дворцу. Были разрушены стройные колонны и портики на площади Августеон. Беспощадно крушили крестоносцы и художественные ценности из металла — бронзы, золота, серебра. Чтобы удобнее было определить стоимость этих произведений искусства, они, разбив их, просто переливали затем в слитки. Такая участь постигла великолепную бронзовую статую богини Геры Самосской, возвышавшуюся на одной из площадей Константинополя. Крестоносцы разнесли в куски и превратили в металлы владычицу подземного царства. Точно так же был скинут с постамента и разбит гигантский бронзовый Геркулес — творение гениального Лисиппа — придворного художника Александра Македонского (художник изобразил героя усталым от подвигов, сидящим, накинув на плечи львиную шкуру). Погибла от рук завоевателей и прекрасная статуя другого легендарного греческого героя — Белле-рофонта, восседавшего верхом на крылатом коне Пегасе

Квадрига.

и устремлявшегося на Олимп. Она была столь велика, что, как рассказывает Робер де Клари, «на крупе коня свили себе гнезда десять цапель: каждый год птицы возвращались в свои гнезда и откладывали яйца». Западные вандалы не пощадили ни статую волчицы, вскармливающей Ромула и Рема, ни статую Париса, бросающего яблоко Венере, ни даже изваяние богоматери, находившейся в центре города!

Немногое из памятников искусства уцелело в Кон-

стантинополе. Между прочим, по распоряжению Энрико Дандоло в Венецию была отправлена знаменитая скульптура того же Лисиппа — бронзовая с позолотой четверка лошадей, стоявшая на императорской трибуне ипподрома. Где только не побывали эти злосчастные Лисипповы кони! Более чем за тысячу двести лет до того квадригу вывез из египетской Александрии в Рим император Октавиан Август и украсил ею свою Триумфальную арку; затем коней переставляли то на арку Нерона, то на арку Траяна, пока, наконец, император Константин не перевез скульптуру на ипподром столицы Восточно-Римской империи. Однако и на этом мытарства творения греческого скульптора не кончились: в 1204 году квадригу поместили над главным порталом венецианского собора св. Марка, где она находится и до сих пор. Правда, шесть столетий спустя эти бронзовые кони соблазнили честолюбивого Наполеона, который, завладев в 1797 году Венецией, переправил их в Париж — там они украшали Триумфальную арку до 1815 года.

Западная солдатня, действовавшая под прикрытием креста, уничтожила в 1204 году не только произведения искусства. В пепел были превращены богатейшие константинопольские библиотеки. Рыцари швыряли в бивуачные костры множество рукописных свитков. Огонь поглотил редкостнейшие книги, которым не было цены, произведения античных философов и писателей, религиозные тексты, иллюминированные евангелия...

Грабежи и насилия крестоносцев в Константинополе продолжались всего три дня, но за это время византийская столица была разгромлена до такой степени, что уже никогда не смогла оправиться от последствий нашествия крестоносцев.

«Человечество краснеет от стыда»

А как же Иннокентий III? Неужто глава католической церкви закрыл глаза на разбойничьи подвиги своего воинства? Отнюдь! В известной мере бесчинства крестоносцев на некоторое время его обеспокоили. Он отправил им протестующее послание. Папа негодовал по поводу того, что они «предпочли земные богатства благам небесным» и «подняли оружие не против неверных, но прогив христиан, возжелали не возвращения Святой земли, но обладания Константинополем». Особенно разгневало папу, что крестоносцы в Константинополе не только отобрали императорские сокровищницы, разграбили имущество знатных и простых людей, но и «простерли руки свои на богатства церковные и, что еще преступнее, на предметы священные, ибо вы похищали священные одежды и уносили иконы, кресты и мощи».

Возмущение папы, хотя и выраженное в столь резкой форме, было, однако, не вполне искренним: как показали ближайшие события, его сдобривала крупная доза ханжества. Разумеется, у Иннокентия III имелись серьезные причины для недовольства поведением «возлюбленных чад»: разгром Константинополя ставил под удар престиж католической церкви — слишком уж далеко в сторону занесло «освободителей гроба господня». Папа опасался, что общественное мнение осудит злодеяния крестоносцев, и опасения эти были не напрасны, однако очень быстро Иннокентий III сменил гнев на милость: ведь теперь наступило время для исполнения давних чаяний папства — православная церковь оружием воинов креста, несомненно, будет подчинена римской. В одном из посланий папа даже объявил взятие Константинополя в 1204 году «чудом божьим». Империя греков, писал он, «справедливым божеским судом перешла к ла-

тинянам». Папа нашел оправдание и для рыцарских разбоев в Константинополе: это — лишь небесное возмездие за отступничество византийцев от истинной веры. Таким образом, негодование апостолика — и это хорошо понимали наиболее проникательные современники — выражено было в значительной мере приличия ради. По сути дела, двоедушный Иннокентий III дал отпущение скотству и гнусностям пилигримов.

Весьма рельефно характеризует его позицию эльзасский монах-летописец Гунтер Пэрисский: она определялась, по его словам, тем, что папа, «как и его предшественники, долгое время ненавидел этот город (Константинополь), давно отпавший от римской церкви». Дважды повторяет хронист эту мотивировку: «Да, он (папа. — *М. З.*) ненавидел его (Константинополь. — *М. З.*), как мы сказали, и хотел, если бы это было возможно выполнить, чтобы католики овладели им». Правда, Гунтер добавляет (тоже для приличия) слова: «без кровопролития», но суть дела от этого не меняется.

История заклемила позором захват и разгром Константинополя — одно из самых крупных преступлений феодалов Запада и католической церкви против цивилизации. Однако четвертый крестовый поход не был исключением или недоразумением в истории священных войн католицизма в целом. Напротив, он лишь с необычайной четкостью выявил главные, самые глубокие устремления и побуждения их участников: завоевание земель и захват богатств. Вместо того чтобы добиваться возвращения гроба господня в Иерусалиме, как этого требовала официальная программа церкви, папское воинство захватило и разгромило столицу христианской Византии — Константинополь.

Византийская империя была ликвидирована. На ее месте завоеватели основали свое государство — Латин-

скую империю. Она просуществовала лишь немногим более полувека. Это было хилое феодальное государство, такое же маломощное, как и остальные государства, созданные на Востоке крестоносцами.

Греки не раз восставали против западных сеньоров, овладевших их землями. В конце концов — это произошло в 1261 году — Латинская империя рухнула, и Византия снова заняла свое место на политической карте мира. Однако в результате более полустолетнего хозяйничанья «восстановителей справедливости» она была еще больше, чем прежде, ослаблена и в дальнейшем являла собой лишь тень былого могущества.

Церковники во все времена старались окружить крестовые походы ореолом святости и благочестия. События и в особенности финал четвертого крестового похода — свидетельство несостоятельности такого рода попыток. Исторические факты показывают подлинный смысл этих кровавых захватнических феодальных войн, освящавшихся религией и церковью.

Эпилог

Почему они потерпели крах?

На этом, однако, история завоевательных войн рыцарства креста в странах Востока не кончилась. В XIII веке были предприняты новые крестовые походы. Их число определяется в трудах историков по-разному. Западные рыцари часто отправлялись к берегам Сирии и Палестины небольшими отрядами. Как правило, ученые не принимают в расчет эти маленькие вылазки, а мысленно присоединяют к другим, сравнительно крупным войнам, которые велись крестоносцами в Святой земле. Однако иногда даже незначительные рыцарские предприятия на Востоке выделяются в особые крестовые походы. В результате число их признается равным то восьми, то порой шестнадцати. Самыми значительными по численности своих участников были крестовые походы 1217—1221 (пятый), 1228—1229 (шестой), 1248—1254 (седьмой) и 1270 (восьмой) годов. Крестоносцы пробовали нанести удар мусульманам и в Египте, и в Сирии, и в Палестине, и даже в Тунисе, где погибло немало французских рыцарей, где

и сам французский король Людовик IX Святой умер от чумы. Все эти попытки укрепиться на Востоке провалились: в XIII веке в Европе почти перевелись охотники плыть за тридевять земель и воевать там во имя спасения мифического гроба господня.

Военные предприятия западных крестоносцев закончились полным крахом по разным причинам.

Обездоленные крестьяне давно уже убедились, что крестовые походы не приносят им никакой пользы, и оставили всякую мысль искать в них избавления от феодальной неволи. Они предпочитали теперь действовать по-другому: спасаясь от притеснений сеньоров, земледельцы уходили в города, выросшие и во Франции, и в Германии, и в Англии, и в других европейских странах. «Городской воздух делает свободным», — гласила народная поговорка того времени. Если же иногда деревня откликалась на зов церковников, то совсем не для того, чтобы воевать за дальний Иерусалим: вооружившись, крестьяне мстили своим угнетателям — баронам и епископам — за гнет и насилия, которым они подвергались. Именно так случилось во время седьмого крестового похода, когда земледельцы Северной Франции, двинувшись сперва под флагом креста на юг страны, обрушили затем свои дубины, косы и вилы на головы собственных помещиков-богачей, попов и монахов. Призыв к крестовому походу, таким образом, послужил толчком к большому народному восстанию в стране — «восстанию пастушков».

Рыцарство тоже со временем стало утрачивать интерес к заморским войнам. Теперь выгоднее и почетнее было служить в королевских войсках или при дворе. Власть государей в XIII веке повсюду окрепла, и рыцари ревностно поддерживали ее, видя, что с помощью сильной феодальной монархии легче справиться с возмущениями крестьян. Для чего же было отправляться в далекие по-

ходы, коль скоро королевская служба обеспечивала вполне надежные доходы? К тому же в XIII веке у феодалов появилось много новых внутренних забот в самой Европе: в Англии развернулась борьба за Великую хартию вольностей, а затем за парламент; во Франции разразились альбигойские войны; в Испании кипели решающие схватки с маврами; немецкие феодалы втянулись в борьбу императоров с папами, а самые воинственные германские рыцари предпочитали идти походом в более близкие, чем Палестина, прибалтийские и славянские земли. Здесь, однако, им был дан могучий отпор.

Таким образом, рыцари не находили отныне проку в войнах за гроб господень. Поэты рыцарства, выражая его общее настроение, открыто высмеивали тех, кто по старинке напяливал на себя кафтан с крестом и отправлялся воевать с мусульманами. Заодно высмеивались и служители церкви, которые, повинувшись папам, по-прежнему бубнили о страданиях палестинских христиан и необходимости спасти Иерусалим от ига «неверных». Видать по всему, говорили церковникам эти поэты, господь бог помогает теперь мусульманам, потому они пас и побеждают.

Наконец, и купцы Северной Италии, Южной Франции, Испании в XIII веке все больше склонялись к тому, что надо не воевать с султанами и эмирами, не добиваться для себя особых льгот в государствах крестоносцев — слишком уж непрочны эти льготы, добытые силою оружия, — а вести с восточными странами торговлю на взаимовыгодной основе и, заключая для этого соответствующие договоры, обменивать европейские товары на продукты Леванта.

Так со временем упал на Западе интерес к крестовым походам, а это неизбежно обрекло на неудачу последние крестоносные предприятия.

Печать военно-монашеского орде-
на тамплиеров.

Но всему и франкские феодалы, обосновавшиеся в Сирии и Палестине после первого крестового похода, вернее, их дальние потомки встречали новых крестоносцев, прибывавших из Европы, недружелюбно и, откинув в сторону всякие религиозные соображения, охотнее шли на сближение с мусульманскими князьями, чем на войну с ними: во многих случаях это было гораздо целесообразнее с точки зрения практических интересов.

В XII веке для защиты своих владений крестоносцы, осевшие в Святой земле, организовали при содействии римских пап особые братства, или ордена, — храмовников и госпитальеров. Они отличались друг от друга только своей одеждой: храмовники носили белый плащ с нашитым на него красным крестом, а госпитальеры — черный с белым крестом. Рыцари, вступавшие в эти ордена, приносили торжественную клятву, что целиком посвятят себя защите святого гроба: они принимали обет не обзаводиться семьей и не стремиться к обогащению. Беспрекословно подчиняясь приказам старших по ордену, рыцари-монахи должны были полностью отдаться борьбе с «неверными». И что же? Даже эти орденские братья, казалось бы обязанные верой и правдой служить своим верховным покровителям — римским папам, бескорыстно обороняя гроб господень, давно уже потеряли всякое же-

ление выполнять эту службу. Они превратились в самых заурядных феодальных владетелей, которые только и думали, где бы и как бы побольше нажить земель и богатств, безразлично — за счет ли мусульман или христиан.

Храмовники, к примеру, обзавелись транспортным и торговым флотом. На своих кораблях они за большие деньги перевозили паломников, с выгодой торговали зерном и другими продуктами. Однажды, везя зерно в Палестину (там часто испытывали нехватку в хлебе), храмовники продали его в Сицилии лишь потому, что эта операция оказалась более доходной: цены на зерно в Сицилии стояли выше, чем в Святой земле, а все прочее этих рыцарей не интересовало. И храмовники и госпитальеры накопили большие богатства, причем храмовники даже стали заниматься ростовщичеством. Орденские братья больше враждовали друг с другом, чем обороняли палестинские «святыни».

В такой обстановке государства крестоносцев, слабые сами по себе и почти не получавшие поддержки извне, все более клонились к упадку. Они не могли устоять перед усиливавшимся натиском мусульман.

В 1244 году египтяне окончательно отняли у франков Иерусалим, который за 15 лет до этого вернул было император Фридрих II, возглавлявший шестой крестовый поход.

Печать военно-монашеского ордена госпитальеров.

Еще через 45 лет, после провала последнего крестового похода, войска султана Келауна овладели Триполи, а в 1291 году другой египетский султан захватил единственное оставшееся у палестинских франков владение — город Акру.

Так в конце XIII века было покончено и с господством европейских феодалов на Ближнем Востоке и с крестовыми походами.

Выиграл ли Запад от крестовых походов?

Привели ли крестовые походы к каким-нибудь серьезным изменениям в жизни европейских народов? Историческая наука в общем и целом дает отрицательный ответ на этот вопрос. Правда, мусульманский Восток оказал немалое влияние на различные стороны жизни западно-европейского феодального общества — на его материальную культуру, бытовые установления и многое другое. Вот хотя бы некоторые факты, подтверждающие эту мысль.

В XII—XIII веках в Западной Европе по примеру мусульманских стран стали сеять гречиху и рис, выращивать арбузы, абрикосы и лимоны, высаживать дамасскую розу. С этого же времени вошел в употребление неизвестный ранее европейцам тростниковый сахар — вкус его, кстати сказать, крестоносцы впервые оценили во время голода в Антиохии в 1098 году (раньше единственным сладким пищевым продуктом на Западе был мед). В XII веке в Европе начали сооружать ветряные мельницы — их крестоносцы также увидели в Сирии. Восточного происхождения и некоторые ткани: атлас (по-арабски это слово значит «красивый»), муслин (от названия города Мосул), дамаст (по имени Дамаска). С конца XII века на Западе стали разводить почтовых голубей,

которые давно уже использовались арабами. Много веков жители Западной Европы умывались, если вообще считали нужным это делать, только холодной водой, а платье занасивали до дыр. В восточных странах европейцы научились мыться в горячих банях и менять платье и белье, не доводя его до полного обветшания.

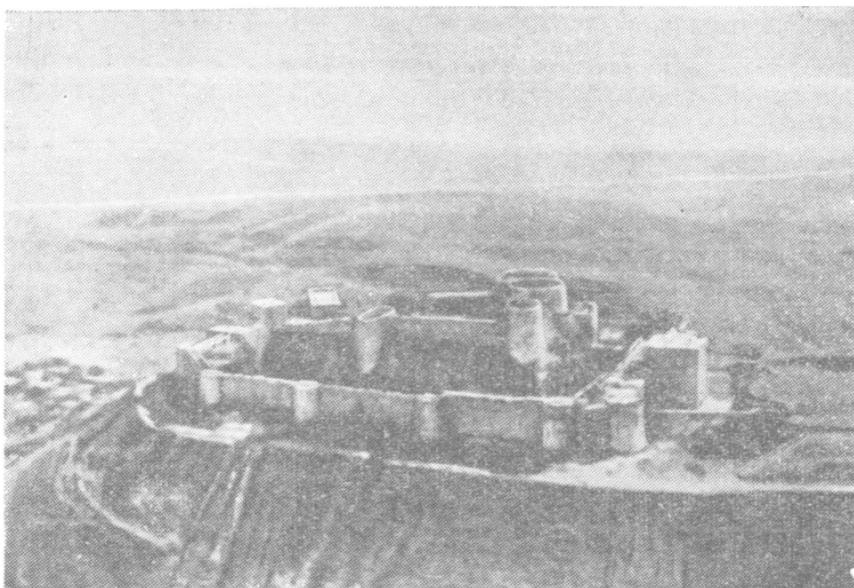
Все эти факты, как они ни любопытны сами по себе, не имеют, однако, почти никакого отношения к войнам за гроб господень. Средневековый Запад познакомился с Востоком задолго до крестовых походов. Достижения восточных народов в области культуры, быта, сельского хозяйства, ремесла передавались на Запад не только и не столько через государства, основанные в Сирии и Палестине крестоносцами, сколько из других стран, в первую очередь из мусульманской Испании, арабской Сицилии и особенно через Византию. И самое главное: могли ли корыстолюбивые и невежественные рыцари креста своими кровавыми войнами и стяжательством вообще содействовать перенесению на Запад восточной культуры, бытовых установлений Востока или его технических достижений? никоим образом! Плодотворным для Европы соприкосновение с Востоком всегда являлось лишь постольку, поскольку оно осуществлялось посредством мирных сношений — торговли, выгодной для обеих сторон, обмена товарами, а также передачи знаний. Взаимное же истребление во имя якобы религиозных целей влекло за собой одни только пагубные результаты, служило не укреплению хозяйственных и культурных связей, а разжиганию вражды к Востоку — на Западе и к Западу — на Востоке, вражды, освящавшейся религией.

Непосредственное влияние самих крестовых походов на культуру и быт феодального Запада было крайне невелико: разве что рыцари привезли из Сирии и Палестины щиты, украшенные гербами, которые они чаще все-

го срисовывали у противников — арабов и сельджуков, да, пожалуй, еще некоторые музыкальные инструменты, на которых во время битвы исполнялась военная музыка.

Однако крестовые походы оказали довольно серьезное косвенное воздействие на развитие западноевропейского феодального общества. Рыцари-крестоносцы, побывавшие на Востоке, не хотели жить по старинке: они научились ценить изысканные восточные блюда и тонкие вина, красивые ковры, мягкие и изящные одежды, стеклянные зеркала. Для покупки всех этих вещей требовались деньги. Чтобы получить звонкую монету, феодалы все чаще и чаще стали заменять крестьянскую барщину и продуктовые оброки денежными взносами; некоторым крестьянам сеньоры предоставляли даже свободу от крепостных пут — конечно, за выкуп. Города, которые раньше всецело зависели от графов и баронов, теперь, пользуясь их нуждой в деньгах, нередко покупали себе различные вольности, становились независимыми, самоуправляющимися городами. И освобождение крестьян от уз крепостничества, и переход от барщины и оброков к денежным повинностям, и превращение феодальных городов в вольные коммуну — все это происходило на Западе прежде всего независимо от крестовых походов и началось еще до них. В основе глубоких изменений в развитии феодального общества лежали внутренние причины — медленный и постепенный, но неуклонно совершавшийся экономический прогресс.

То небольшое, что внесли крестовые походы, причем лишь косвенным образом, было куплено слишком дорогой ценой для Запада. В крестовых походах погибли понапрасну сотни тысяч, а может быть, даже миллионы людей; впустую были растрачены огромные ценности, истреблены и погибли навсегда величайшие памятники

Развалины замка крестоносцев в Палестине.

древней и средневековой культуры. Не приходится сомневаться в том, что европейцы много выиграли бы, если бы вместо организации крестовых походов, почти неизменно кончавшихся провалом, сумели установить мирные взаимоотношения с народами Востока.

Новоявленные крестоносцы

Средневековье давно стало достоянием истории. Однако и в новое, и даже в новейшее время религиозные стяги неоднократно освящали самые темные деяния эксплуататорских классов, стремившихся поработить трудящих-

ся, заставить их служить своим корыстным целям, не допустить их освобождения. К средневековой церковной идее крестового похода нередко обращались силы международного империализма, мечтавшие об удушении первой в мире социалистической страны, об истребительной войне против СССР.

Полвека назад, в начале 1930 года, римский папа Пий XI провозгласил крестовый поход против Советского Союза. Приверженцы этого папы истерически требовали «вооружить мировую армию, чтобы сжечь гнездо сатаны в Москве». «О, пусть вернется время крестовых походов!» — писал голландский поп де Грев. Новоявленные крестоносцы и их вдохновители — магнаты крупного капитала (вроде нефтяного короля Детердинга и прочих) — развязали тогда яростную антисоветскую кампанию: они хотели ввести в заблуждение трудящихся зарубежных стран, внушить им «святую» ненависть к государству строившегося социализма. Однако передовые пролетарии Западной Европы разобрались в истинной подоплеке крестоносных призывов. «Крестовый поход» 1930 года провалился.

Через несколько лет идея крестового похода вновь обрела своих сторонников: итальянских, испанских и немецких фашистов. Это и не удивительно. Фашизм выступил выразителем интересов империалистов, а империалисты, как указывал В. И. Ленин, в страхе перед растущим и крепнущим пролетариатом цепляются за все старое, отмирающее, средневековое: господствующий класс в эпоху империализма вступает в союз «со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство». Католическая церковь с ее исторически сложившейся идеей крестового похода явилась как раз одной из таких уходящих сил прошлого, за которую ухватился империализм с целью удержать и укрепить

свои пошатнувшиеся позиции в мире, и не в последнюю очередь — для того, чтобы обосновать и прикрыть при помощи этой идеи агрессивную политику.

Итальянские фашисты на свой лад «модернизировали» приемы крестоносной пропаганды и расширили сферу ее применения во время агрессивной войны против Эфиопии в 1935—1936 годах. Истребляя мирное население страны, обрушивая бомбы на города и варварски пуская в ход отравляющие вещества, поклонники дуче громогласно твердили, что ведут войну ради приобщения эфиопов — еретиков, схизматиков и язычников — к истинной вере. Таким образом итальянские фашисты рассчитывали «освятить» свои неприглядные действия, прикрыть религиозной ширмой захват Эфиопии.

Сходный пропагандистский трюк был использован фашистскими мятежниками в Испании: они душили в 1936—1939 годах республику под знаменем «крестового похода против красных».

Особенно значительное место заняла идея крестового похода в человеконенавистнической пропаганде гитлеровцев. Один из ее главных лозунгов — покончить с «богопротивным большевизмом» во имя торжества «христианских идеалов». Даже злодейский план разбойничьего нападения на Советский Союз, разработанный нацистским военным командованием в 1940—1941 годах, был назван «Планом Барбароссы» — по имени немецкого предводителя третьего крестового похода конца XII века, германского императора Фридриха I Барбароссы.

Так, еще до начала второй мировой войны, обновленный средневековый лозунг крестового похода получил широкое применение в реакционной империалистической пропаганде и политике. С настойчивостью маньяка пропагандировал этот лозунг в преддверии войны и папа Пий XII.

Когда же запылало пламя второй мировой войны, те, кто направлял фашистскую агрессию против Страны Советов, стали всячески стараться уверить свою солдатню, что, убивая и грабя, сжигая и разрушая, она действует ради высших целей, одобряемых самим небом. «С нами бог!» — такой девиз был начертан на поясных пряжках гитлеровских вояк. Это было прямое подражание девизу средневековых крестоносцев: «Так хочет бог!» Лозунг крестового похода служил знаменем для наиболее темной части солдат немецко-фашистского «третьего рейха», католиков и протестантов, одурманенных нацистской пропагандой. Католическая церковь благословляла немецко-фашистскую военщину и провозглашала будущую победу над большевиками «равносильной триумфу учения Христа». Солдаты гитлеровской Германии и ее сателлитов должны были уверовать в то, что, погибая на полях России, они, подобно средневековым «ратникам божьим», жертвуют собой за Христа, выполняют свой религиозный долг. В первые годы Великой Отечественной войны, когда полчища фашистских захватчиков уничтожали советских людей и грабили оккупированные территории, Пий XII неоднократно выступал против революции и социализма, хотя из осторожности и не присоединился открыто к походу фашизма против СССР. Зато гитлеровский прихвостень маршал Петэн обратился к солдатам «французского легиона» перед его отправкой на Восточный фронт осенью 1941 года со следующими словами: «Я счастлив знать, что вы не забываете военного долга... Участвуя в крестовом походе против СССР, который возглавляет Германия, вы отвлекаете тем самым от нее большевистскую опасность и идете к созданию обновленной Европы».

Крестоносная фразеология оказалась бессильной помочь агрессорам. Свободолюбивые народы нанесли сокруши-

тельное поражение фашизму, который безуспешно пробовал прибегнуть к религиозной маскировке.

Миновали годы, но идея крестового похода так и не была предана полному и заслуженному забвению. После победы антигитлеровской коалиции над фашистским чудовищем крестоносная фразеология была взята на вооружение вдохновителями империалистической политики «с позиций силы», теми, кто развязал «холодную войну» против Советского Союза и мировой социалистической системы. Трубадуры агрессии вновь стали распространять миф об угрозе коммунистической агрессии и атеистического коммунизма, якобы подрывающего коренные устои западно-христианской цивилизации.

Папа Пий XII вскоре после снискавшей печальную известность фултонской речи У. Черчилля не постеснялся открыто призвать к крестовому походу против коммунизма. В 1946 году глава римской церкви, ссылаясь на волю «пресвятой девы Фатимы», потребовал обращения России в католицизм. В 1947 году в речи на площади св. Петра в Риме перед католическими «активистами» этот папа заявил: «Драгоценна каждая минута. Пора раздумий и проектов прошла. Настало время действовать. Вы готовы? Два враждебных лагеря в религиозной и моральной области вырисовываются все с большей ясностью. Пробил час испытаний». В рождественском послании, направленном в том же году, Пий XII писал, что неправильно-де подразделять мир на фашистов и антифашистов, правильная формула размежевания сил в современном мире должна быть иной: «За или против Христа».

Чем сильнее нагнеталась реакционерами атмосфера «холодной войны», тем настойчивее идейные оруженосцы империализма бряцали заржавленными мечами и кольчугами средневековых рыцарей, тем выше вздымались они — при одобрении и содействии апостольского престо-

ла — крест в качестве символа своих христианнейших намерений. Мысль о крестовом походе завладела тогда умами многих реакционных политических, военных и церковных деятелей. На все лады она повторялась в их речах, статьях, различных выступлениях. Лозунг крестового похода против «богомерзкого коммунизма» превратился в те годы в один из излюбленных пропагандистских лозунгов «рыцарей антикоммунизма», которые стремились заставить религиозный фанатизм служить злым умыслам реакционеров. Однако и эти стремления оказались безуспешными.

Планы «атлантического папы» Пия XII рассеялись в дым. Для самой католической церкви его «крестовый поход против коммунизма» закончился полным провалом.

«И перекуют мечи свои на орала»

Война и мир — это одна из наиболее жгучих проблем, волнующих современное человечество. Международный политический климат теперь серьезно изменился. Произошли добрые перемены, ставшие особенно ощутимыми в 70-е годы: они получили название разрядки международной напряженности. Эта разрядка сделалась возможной благодаря глубоким и необратимым сдвигам в общей расстановке сил на мировой арене, прежде всего благодаря укреплению могущества мирового социализма.

Все большее число людей на Земле прониклось пониманием того факта, что фанатичная одержимость никогда в истории не приносила и не может принести с собой блага, независимо от того, продиктована ли она слепой враждой к «неверным» или яростным антикоммунизмом. Простая истина, все больше доходившая и до широких народных масс, в том числе и до верующих, заключалась в том, что «крестовый поход свободного мира», если бы

империалистам удалось его организовать, в наш ракетно-ядерный век мог бы привести лишь к гибели сотен миллионов людей и к резкой остановке общественного прогресса.

Папству пришлось прислушаться к голосу миллионов здравомыслящих католиков, учесть дух добрых перемен, постепенно прокладывавших себе дорогу в мире. Начиная с 1963 года, когда папа римский Иоанн XXIII издал знаменитую энциклику «Мир на земле», апостольский престол проводит (правда, далеко не вполне последовательно) новую политику в вопросах войны и мира: осознав безумие войны в современную эпоху с ее всеуничтожающими средствами разрушения и истребления, папа Иоанн XXIII разобрался и в том, сколь опасна для католической церкви политика безоговорочной поддержки империалистических агрессоров, подобная той, которую проводили его предшественники. Он признал необходимость всеобщего и полного разоружения под международным контролем, сотрудничества между народами, он обращался — и не раз! — с призывами к борьбе за мир, за укрепление международной безопасности, адресуясь ко всем людям доброй воли.

Принимая во внимание миролюбивые настроения широчайших масс верующих, Второй Ватиканский собор, проходивший в 1962—1965 годах, официально записал в своем постановлении, что война — это «преступление против бога и человечества», Собор призвал воплотить в жизнь пророчество библейского Исая: «И перекуют мечи на орала, и копья свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будет более учиться воевать».

Преемник Иоанна XXIII — папа Павел VI также увещевал всех верующих и неверующих совместно отвергнуть войну. Эта тема была ведущей в большинстве рождественских и пасхальных посланий Павла VI. С 1968 го-

да каждое 1 января католическая церковь отмечает День мира. Оценивая реалистические тенденции в деятельности Павла VI, скончавшегося летом 1978 года, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев писал, что выступления этого папы в пользу мира, разрядки, прекращения гонки вооружений останутся в памяти людей доброй воли.

Однако, несмотря на все это, несмотря на позитивные сдвиги в мировой обстановке, на выдающиеся успехи миролюбивых сил, одержанные в 70-е годы, в процессе реализации Программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС и получившей дальнейшее развитие в решениях XXV съезда, было бы наивным полагать, будто с духом крестового похода и «холодной войны» покончено целиком и полностью. Каждый день приносит доказательства тому, что это не так: в капиталистических странах еще не перевелись противники углубления разрядки в международных отношениях. Влиятельные социальные группы, организации и люди создают угрозу миру. Ее носителями выступают милитаристы, военно-промышленный комплекс. Есть еще политики, которые тоскуют по временам «холодной войны» и по-прежнему с пылом крестоносцев отстаивают позиции вчерашнего дня, да еще стараются упрочить эти позиции, ратуют за внедрение новых смертоносных орудий уничтожения, вроде нейтронной бомбы. Такие люди не отреклись от наследия «холодной войны», в котором столь значительное место принадлежало идее крестового похода. Недаром в прогрессивной публицистике этих противников разрядки, врагов социализма саркастически называют «современными крестоносцами».

Прогрессивное человечество борется в наши дни против разжигания ненависти между народами, против политических предрассудков, противопоставляя обветшалой политике крестового похода принцип мирного сосущество-

воования государств с различным социально-политическим строем.

«Необходимо со всей решительностью разоблачать империалистических проповедников «холодной войны», обострения международной напряженности, гонки вооружений, грозящей поставить мир на грани ядерной катастрофы. Вскрывать антинародную, антигуманную сущность современного капитализма, грабительский характер политики неокOLONиализма, подлинный облик лицемерных защитников «прав» и «свобод», — говорится в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

В своем историческом выступлении на XXV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев, обосновывая задачи «дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов», подчеркнул, что КПСС будет «направлять на решение этих задач внешнюю политику своей страны и «сотрудничать в этом с другими миролюбивыми государствами». Эта политика успешно претворяется в жизнь. Силы сторонников мира множатся с каждым днем на всей планете.

Крестовые походы в конечном счете всегда терпели поражение. Использование религии в агрессивных целях на протяжении столетий рано или поздно кончалось крахом для инициаторов и участников мнимо священных войн. Ныне же, когда соотношение сил в мире не в пользу империализма, когда социализм, победивший на трети земного шара, добился грандиозных успехов во всемирной битве за умы и сердца людей, когда борьба народов за прочный мир ознаменовалась серьезнейшими достижениями, всякие старания вернуться к дискредитировавшим себя идеям представляют собой обреченный на неудачу анахронизм.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Перед правдой истории	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ Как возникли и кому понадобились крестовые походы	7
ГЛАВА ВТОРАЯ С мечтой о воле	39
ГЛАВА ТРЕТЬЯ За гроб господень?	55
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ Чтобы послужить христианству	122
ГЛАВА ПЯТАЯ Под покровительством апостолика	168
Эпилог	223

Михаил Абрамович Заборов КРЕСТОМ И МЕЧОМ

Редактор М. Г. Пожидаева. Художественный редактор В. В. Шуклина. Технический редактор И. И. Капитонова. Корректор М. Е. Барабанова. ИБ № 1104. Сдано в набор 09.11.78. Подписано в печать 28.05.79. А10001. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Печать высокая. Гарнитура обыкновенная новая. Усл. п. л. 10,5. Уч. изд. л. 10,46. Тираж 50.000 экз. Заказ № 9. Цена 30 к. Изд. инд. НА-57.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, проезд Сапунова, 13/15

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электро-сталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25,

30 к.

·СОВЕТСКАЯ РОССИЯ·